

Вестник института

**научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний**

**Преступление
Наказание
Исправление**

№ 3 (43)

ISSN 2076-4162 Вологда 2018

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С. П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л. М. – главный научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л. Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н. С. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А. Н. – заместитель начальника психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мальшев К. Б. – профессор кафедры социологии Вологодского государственного университета, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Попова И. Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю. Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сочиков Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Спасенников Б. А. – главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Тимофеева Е. А. – заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор педагогических наук, доцент;

Хатуева В. В. – заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

№ 3 (43)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4	САНТАШОВ А. Л.	Вопросы уголовной политики в сфере дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних осужденных (генезис законодательства, современное состояние, зарубежный опыт)	79
БЕЛЯЕВА Л. И.		МОРЕВ М. В., ПОПОВА В. И., ВОЛКОВА В. В.	Виктимологические аспекты криминальной ситуации и их роль в повышении эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы	87
Посягательства на сотрудника уголовно-исполнительной системы: причины и предупреждение	4	ЧЕРНЫШЕНКО Е. В.	Правовое регулирование организации надзора за осужденными к принудительным работам в исправительных центрах	96
КУЗЬМИН С. И.		ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	103	
Становление и развитие криминальной субкультуры в России	9	МАРИШИН С. В.	Особенности мотивации осужденных с различным уровнем самооценки, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции	103
СТАРОСТИН С. А.		ОГОРОДНИКОВА Т. В., ОГОРОДНИКОВ А. П.	Разработка базового подхода к формализации делинквентного поведения	108
О некоторых проблемах унификации административных процедур	16	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	116	
ЗАВИТОВА С. В., ПЕРОВ С. В.		ПАНОВА О. Б., ЗАУТОРОВА Э. В.	Актуализация раскаяния несовершеннолетних осужденных педагогическими средствами	116
Служба в уголовно-исполнительной системе как вид государственной службы	24	СЕРЕБРЯНИК Е. В.	Кружковая работа в условиях лишения свободы: организация социокультурной деятельности осужденных	124
СМИРНОВ А. М.		РАССАДИНА М. Н.	Реализация практико-ориентированного подхода в профессиональной подготовке курсантов по направлению «Управление персоналом»	130
Виктимологическая характеристика преступных посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности	30	ПАНФИЛОВА О. А., НАИМОВ А. Н.	Об алгоритме и программной системе для тестирования мотиваций личности к успеху и избеганию неудач	136
КУЗНЕЦОВА Е. В.		СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	144	
Правовое регулирование мировой юстиции в России: эволюция, проблемы, перспективы (к 20-летию восстановления института мировых судей)	37			
СВИНИН Е. В.				
Пенитенциарный правопорядок: общетеоретические и отраслевые аспекты	46			
ЛАПШИН В. Е., ШАХАНОВ В. В.				
Правовые режимы и их взаимодействие с иными социальными регуляторами и средствами психолого-педагогического воздействия (теоретико-правовой анализ)	52			
ЛУЦЕНКО П. А.				
Оценка судом доказательств в стадии судебного разбирательства при производстве по уголовному делу: эмпирический анализ	58			
МЕЛЬНИКОВА Н. А.				
Правовые и организационные аспекты деятельности пенитенциарного духовенства в России	65			
ПЕРОВ С. В.				
Актуальные проблемы депортации иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям в Российской Федерации	72			

CONTENT

JURISPRUDENCE	4	SANTASHOV A. L. Questions of criminal policy in the field of differentiation and individualization of responsibility for juvenile offenders (genesis of legislation, current state, international experience)	79
BELYAEVA L. I. Infringements on the prison officer: reasons and warning	4	MOREV M. V., POPOVA V. I., VOLKOVA V. V. Victimological aspects of the criminal situation and their role in improving the efficiency of the penal system	87
KUZMIN S. I. Formation and development of criminal subculture in Russia	9	CHERNYSHENKO E. V. Legal Regulation of the Organization of Supervision of Convicts for Forced Labor in Correctional Centers	96
STAROSTIN S. A. On some problems of unification of administrative procedures	16	PSYCHOLOGY	103
ZAVITOVA S. V., PEROV S. V. Service in the penal system as a type of public service	24	MARISHIN S. V. Peculiarities of motivation convicts with different level of self-esteem, registered in the penal inspections	103
SMIRNOV A. M. Victimological characterization of criminal assaults of minors on sexual inviolability and sexual freedom of the individual	30	OGORODNIKOVA T. V., OGORODNIKOV A. P. Development of basic approach to delinquent behavior formalization.	108
KUZNETSOVA E. V. Legal regulation of Justice of the Peace in Russia: evolution, problems, prospects (to the 20th anniversary of the restoration of the institution of magistrates)	37	PEDAGOGY	116
SVININ E. V. Penal law and order: general theoretical and branch aspects	46	PANOVA O. B., ZAUTOVA E. V. Actualization of repentance of juvenile convicts by pedagogical means	116
LAPSHIN V. E., SHAKHANOV V. V. Legal regimes and their interaction with other social regulators and means of psychological and pedagogical influence (theoretical and legal analysis)	52	SEREBRYANIK E. V. Workshop in prisons: organization of socio-cultural activities of convicts	124
LUTSENKO P. A. Judgment by the court of evidence in criminal proceedings: an empirical analysis	58	RASSADINA M. N. Implementation of a practice-oriented approach in the professional training of cadets in the field of «Personnel Management»	130
MEL'NIKOVA N. A. Legal and organizational aspects of the penal priesthood in Russia	65	PANFILOVA O. A., NAIMOV A. N. On the algorithm and software system for testing the motivations of the individual to success and avoiding failures	136
PEROV S. V. Actual problems of deportation of foreign citizens sentenced to criminal penalties in the Russian Federation	72	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	144

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.83

Посягательства на сотрудника уголовно-исполнительной системы: причины и предупреждение

Л. И. БЕЛЯЕВА – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России

Реферат

Предметом исследования в статье стали вопросы, касающиеся современного состояния преступлений, совершаемых против сотрудников уголовно-исполнительной системы, их причин и условий, а также направлений и мер их предупреждения.

Автором анализируются наиболее распространенные преступления данной категории, предусмотренные ст. 318, 319, 321 УК РФ. Отмечается их высокая опасность. Представлен подробный криминологический анализ указанных преступных деяний, особенности их совершения, дается характеристика лиц, их совершающих, в том числе с учетом таких критериев, как территория распространения рассматриваемых преступных посягательств, пол, возраст, гражданство, образование, семейное положение, наличие преступной группы, криминального опыта, длительность назначенного срока наказания и др.

Затрагиваются проблемы виктимности сотрудников уголовно-исполнительной системы, подвергаемых рассматриваемым преступным посягательствам, отмечается наличие характерных особенностей для этих лиц. Анализируются причины и условия совершения посягательств против сотрудников уголовно-исполнительной системы, мотивы и цели этих деяний, среди которых преобладают стремление избежать ответственности за правонарушение, месть сотруднику за его служебную деятельность, хулиганский мотив. При этом поводом для агрессии со стороны правонарушителей зачастую является нарушение установленных правил профессионального поведения со стороны самих сотрудников, а уровень рассматриваемых преступлений находится в прямой зависимости от уровня законности в соответствующих органах и учреждениях ФСИН России. Кроме этого, в вопросах личной безопасности существенную роль играют профессиональная усталость и деформация, а также связанные с этим безразличие к службе, утрата чувства бдительности, пренебрежение правилами снижения профессиональных рисков.

С учетом представленных и проанализированных данных в статье содержатся рекомендации по предупреждению посягательств на сотрудников уголовно-исполнительной системы, в том числе по преодолению виктимности сотрудника.

Ключевые слова: преступные посягательства; сотрудники уголовно-исполнительной системы; виктимность; криминологическая характеристика; причины и условия; предупреждение преступлений.

Infringements on the prison officer: reasons and warning

L. I. BELYAEVA – Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of Russia, Dsc. in Law, Professor

Abstract

The subject of the study in the article were questions relating to the current state of crimes committed against the staff of the penal system, their causes and conditions, as well as directions and measures to prevent them.

The author analyzes the most common crimes of this category, stipulated by Art. 318, 319, 321 of the Criminal Code of the Russian Federation. Their high danger is noted. A detailed criminological analysis of the above criminal acts, the specifics of their commission, a description of the persons who commit them are given including taking into account such criteria as the territory of distribution of the criminal offenses under investigation, sex, age, citizenship, education, marital status, criminal group, criminal experience, duration of the appointed term of punishment, etc.

The problems of victimization of the staff of the penal system subjected to the criminal offenses under investigation are touched upon, there are typical common features for these persons. The reasons and conditions for committing encroachments against the officers of the penal system, motives and purposes of these acts are analyzed, among which there are prevailing desire to avoid responsibility for the committed offense, revenge for the employee for his official activities, a hooligan motive. In this case the reason for aggression on the part of the offenders is often a violation of the established rules of professional conduct on the part of the employees themselves, and the level of crimes under consideration is directly dependent on the level of legality in the relevant bodies and institutions of the Federal Penal Service of Russia. In addition professional fatigue and deformation, as well as related indifference to the service, loss of vigilance, disregard for the rules for reducing occupational risks play an important role in matters of personal safety.

Taking into account the data presented and analyzed the article contains recommendations on preventing attacks on employees of the penal system, including on overcoming the employee's victimization.

Key words: criminal infringement; staff of the Federal Penal Service; victimization; criminological characteristics; causes and conditions; crime prevention.

Преступления, которые совершаются против сотрудников уголовно-исполнительной системы, несмотря на нераспространенность, представляют высокую общественную опасность, так как независимо от места совершения, в самом учреждении или за его пределами, нарушают нормальную его деятельность, создают угрозу для других, охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Наиболее распространенными являются преступления, предусмотренные ст. 318, 319, 321 УК РФ. Имеющиеся сведения позволяют говорить о неблагоприятных тенденциях: в 2015 г. было совершено 279 таких преступлений, в 2016 г. – 309, в 2017 г. – 308 (в Хабаровском крае – 84; Челябинской области – 69; Республике Ингушетии – 47; Республике Бурятия – 44, в Республике Дагестан, Амурской, Костромской, Магаданской областях, Ямало-Ненецком автономном округе – по одному).

Общепризнано, что наиболее активными здесь являются лица мужского пола. Отметим и другие тенденции.

По данным А. Г. Бакунчеева, среди лиц, совершивших посягательство на сотрудника уголовно-исполнительной системы, 93 % составляли мужчины [1]. По данным судебной статистики за 2017 г., они составляют 94,3 %, что может свидетельствовать о снижении агрессивности женщин.

По данным судебной статистики, наиболее активными среди посягающих на сотрудников уголовно-исполнительной системы были лица в возрасте от 22 до 34 лет (более 65 %). По более ранним сведениям, это были лица в возрасте от 18 до 24 лет (44,7 %) [4, с. 16], от 26 до 35 лет (45,7 %) [1]. Лица до 22 лет составили 8,1 %, до 18 лет – менее 1 %. Несмотря на некоторую подвижность возрастных границ, очевидно, что посягающие – это молодые, полные сил и энергичные люди, способные на решительные и дерзкие поступки.

Как правило, посягающие – граждане Российской Федерации (92,3 %) (граждане государств СНГ – 5,5 %), среди них более 45 % – лица, имеющие общее среднее образование, около 27 % – среднее профессиональное. Любопытно, что лица, стоящие на низшей и высшей ступени образования, не самые активные – 5,8 % и 3 % соответственно.

Большинство (более 80 %) не обременены семьей.

Для рассматриваемых преступлений характерным является их групповой характер (более 70 %). Обращает на себя внимание наличие криминального опыта у посягающих: свыше 1/3 из них в прошлом имели три и более судимостей, чуть меньше половины – две, чуть меньше четверти – одну.

Показательно, что 87,7 % лиц, посягнувших на сотрудников уголовно-исполни-

тельной системы, и в период отбывания наказания совершали правонарушения различного характера, за что помещались в ШИЗО, ПКТ, ДИЗО. По данным И. Н. Шитякова, такие меры применялись к 23,6 % – один раз, к 21,9 % – два раза, к 23,6 % – три раза, к 7,9 % – четыре раза, к 10,8 % – более пяти раз [4, с. 16]. Таким образом, необходимо принимать во внимание, что применение указанных дисциплинарных мер, безусловно, позволяет в ряде случаев стабилизировать обстановку, но при этом оно формирует и укрепляет готовность осужденного к противостоянию, противодействию персоналу учреждения, агрессии и нападению на него.

Среди лиц, осужденных к длительным срокам наказания и отбывших более восьми лет, значительна доля тех, кто способствует реализации готовности к посягательствам, формирует условия, усиливающие виктимность персонала.

Характеристика преступлений, направленных против сотрудников уголовно-исполнительной системы и предусмотренных соответствующими статьями УК РФ, представлена в таблице.

*Сведения о преступлениях в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы (2013–2017 гг.)**

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Ст. 318	25	9 (-36 %)	32	30	27
Ст. 319	32	33 (+3 %)	55	103	77
Ст. 321	172	187	192	176	204

* Примечание. За 2013–2014 гг. использованы данные И. Н. Шитякова, за 2015–2017 гг. – сведения судебной статистики.

Как видно из таблицы, количество преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти», в общем числе преступлений, связанных с посягательствами на сотрудников уголовно-исполнительной системы, составляет около 10 %. Более всего их совершено в Краснодарском крае (17,9 %), со значительным отрывом в сторону уменьшения, но все-таки с определенным преобладанием отмечается распространенность этих преступлений в Курганской (5,6 %), Нижегородской областях (4,5 %), Пермском крае (4,5 %).

Среди посягающих преобладают тридцатилетние – 7,9 %, 27-летние – 6,7 %, по 5,6 % составили лица в возрасте 23, 25, 26, 29, 33 лет, что в целом составляет 28 %, по 4,5 % – 20, 24, 31, 32 года. Преимущественно это

граждане Российской Федерации (95,5 %), лица мужского пола (97,8 %), не связанные семейными узами (более 74 %). Более 70 % из них имеют среднее образование: общее (38,2 %) или профессиональное (35,9 %).

Согласно данным судебной статистики, до 2016 г. наблюдается рост числа преступлений, предусмотренных ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». В 2017 г. отмечено их уменьшение. Наибольшую распространенность данные преступления имели в Пермском крае (20 %), Республике Татарстан (7,7 %), Саратовской и Челябинской областях (4,3 %), Республике Коми, Краснодарском крае, Кировской, Ростовской, Самарской областях (3,4 %). Преступления, предусмотренные ст. 319 УК РФ, составляют более 1/3 от общего массива посягательств на сотрудников уголовно-исполнительной системы. Большинство (91,1 %) посягающих – граждане Российской Федерации (5,9 % – граждане других государств СНГ), не имеющие семьи (91,1 %).

Среди возрастных групп здесь лидируют 27-летние (8,1 %), чуть меньшая активность у 31-летних (7,7 %), 25-летние составляют 6,4 %, лица в возрасте 30 лет, 33 года – по 5,9 %, 38-летние – 4,7 %.

Преобладают лица с общим средним образованием – 46,8 % (со средним профессиональным образованием – 28,9 %, с основным общим – 15,7 %).

Больше всего, как свидетельствует статистика, совершается преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Периодически отмечающееся снижение числа преступлений не носит устойчивого характера. Наибольшее количество этих преступлений совершено в Пермском крае (12,6 %), Республике Татарстан (8,2 %), Челябинской области (5,4 %), Республике Коми и Приморском крае (по 4,2 %). Эти показатели сопрягаются с имеющимися и по ст. 318, 319 УК РФ.

Преступления, предусмотренные ст. 321 УК РФ, как правило, совершали лица мужского пола (95,1 %), граждане Российской Федерации (92,3 %), не состоящие в браке (более 80 %), со средним общим образованием (46,2 %), средним профессиональным образованием (24,7 %), основным общим (20,6 %).

Наиболее активными в совершении этих преступлений были 24-летние (8 %), 31-летние (6,6 %), 29-летние (6,1 %), 26-летние (5,9 %), 22 и 27-летние (по 5,6 %), 25- и 30-летние (по 5,2 %).

Для мест лишения свободы характерным (закономерным и неизбежным) является сложная криминогенная обстановка, которая определяется составом контингента, наличием и особенностями группировок отрицательной направленности, их влиянием на других осужденных и др. Здесь важным является прогнозирование развития обстановки, которое предполагает наличие соответствующей информации, в том числе о лицах, проявляющих агрессивность и насилие по отношению к персоналу учреждения или готовящихся к этому.

Криминологическая характеристика личности правонарушителей, посягающих на сотрудников уголовно-исполнительной системы, позволяет определить основные меры профилактической работы в этом направлении. На степень распространенности насилия и агрессии против сотрудников влияют несколько обстоятельств. Они связаны с организацией деятельности учреждения, особенностями контингента, содержащегося в учреждении, особенностями поведения и несения службы каждым сотрудником.

Здесь необходимо отметить, что служба в пенитенциарной системе относится к числу наиболее опасных в связи с повышенным риском стать объектом посягательства на жизнь, здоровье, профессиональную деятельность, то есть сотрудник уголовно-исполнительной системы по роду и характеру в своей деятельности виктимен. Эта виктимность предопределена, а значит, предупреждение ее невозможно. Для конкретного лица избежать опасности можно только одним путем – не поступать на службу. Что же касается лиц, уже состоящих на службе, то здесь важно понимать, что сознательному выбору профессии, связанной с рисками, должно соответствовать ответственное поведение, снижающее уровень рисков и сужающее возможности стать объектом посягательства. И если виктимность нельзя предупредить, то ее возможно и необходимо преодолеть. Ведь виктимность предполагает лишь возможность стать объектом посягательства. Станет ли эта возможность фактом – зависит от целого ряда обстоятельств. А вот преступления против сотрудников могут быть предупреждены. Понимание этого имеет принципиальное значение.

Представляется, что виктимность сотрудников уголовно-исполнительной системы характеризуется определенной многослойностью. Во-первых, виктимность предопределена особенностями условий, в которых протекает служба, во-вторых, в ряде случаев

она дополняется индивидуальной виктимностью конкретного сотрудника, который своими особенностями личности провоцирует развитие ситуации по негативному, с точки зрения безопасности, сценарию.

Для организации профилактической работы важными являются сведения об обстоятельствах, при которых сотрудники уголовно-исполнительной системы становятся объектом посягательства. Как отмечают исследователи, около 40 % посягательств совершаются в отношении младшего начальствующего состава, 24 % – в отношении инспекторского состава. При этом около 12 % составляют посягательства на сотрудников оперативных подразделений, примерно столько же – на руководство учреждений. Начальники отрядов также являются объектами посягательств, хотя и значительно реже (6,7 %).

Чаще всего такие посягательства происходят в помещениях: отрядных (более 30 %), ШИЗО, ПКТ (более 25 %), а также в помещении дежурной службы или других служебных помещениях [1].

Как отмечает М. С. Малолеткина, не менее 55 % посягательств на персонал исправительных учреждений происходит в результате конфликтных ситуаций, возникших между осужденными, между осужденными и сотрудниками [2, с. 18].

Среди мотивов и целей преступных посягательств на сотрудников уголовно-исполнительной системы преобладают следующие: стремление избежать ответственности за совершенное правонарушение, месть сотруднику за его служебную деятельность, хулиганский мотив. К числу других оснований, стимулирующих посягательство, относятся: стремление нападающих освободить доставляемых в ШИЗО, ПКТ, ДИЗО правонарушителей; намерение устранить или нейтрализовать сотрудника, чтобы он своей служебной деятельностью не создавал препятствий к реализации криминальных планов, и т. п.

Поводом для агрессии со стороны правонарушителей в основном служат: действия сотрудников по пресечению правонарушений; попытка поместить правонарушителя в ШИЗО, ПКТ, ДИЗО; проведение оперативно-режимных мероприятий; действия по выполнению правил внутреннего распорядка и т. д., если при этом нарушаются установленные правила профессионального поведения.

Заслуживает внимания вывод И. Н. Шитякова о том, что преодоление виктимности

сотрудников уголовно-исполнительной системы находится в прямой зависимости от состояния законности в учреждении: чем ниже уровень законности, тем выше уровень виктимности сотрудников, прогнозировать которую довольно просто [4, с. 11]. Анализ дисциплинарной практики в отношении сотрудников позволяет предвидеть развитие ситуации. Несмотря на то что в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержатся лица, проявившие неуважение к закону, нарушившие его, они очень остро воспринимают это применительно к себе. Как указывают осужденные за посягательства на сотрудников, их действия были вызваны неправомерным поведением потерпевших (16,7 %), несправедливым отношением администрации (11,8 %) [4, с. 17].

Очевидно, что в ряде случаев агрессия против сотрудников исправительных учреждений провоцируется их противоправным поведением и несоблюдением правил исполнения профессиональных обязанностей. Это выражается в грубом нарушении установленных требований дисциплины, несоблюдении приемов специальной тактики, обеспечивающих личную безопасность. В действиях сотрудников порой имеют место факты грубого нарушения конституционных прав граждан, связанные с применением недозволенных методов деятельности, превышением должностных полномочий, оскорблением и унижением осужденных, излишне репрессивными мерами воздействия и неоправданной жестокостью.

Наиболее характерными ситуациями, повышающими виктимность сотрудников уголовно-исполнительной системы, являются правомерные, но с нарушением установленных правил действия по проведению режимных мероприятий, применение физической силы, спецсредств к правонарушителю и другие предусмотренные законом меры, неправомерные контакты с правонарушителями (сотрудничество с криминальными элементами, покровительство их деятельности, взяточничество и др.), а также неправильное, правонарушающее обращение с оружием.

Нарушение правовых предписаний сотрудниками вызывает ответную реакцию со стороны осужденных в виде агрессии, насилия, криминального заражения персонала. Нерадивое отношение к мерам профессиональной безопасности создает условия для возникновения функционального механизма «жертва – преступник», где сотрудник превращается практически «в соавтора со-

вершаемого против него преступления» [3, с. 381].

Как показывает практика, чаще всего сотрудники уголовно-исполнительной системы становятся объектами посягательств при следующих обстоятельствах:

- а) незаконное водворение в изолятор (около 30 %);
- б) предательство интересов службы, то есть вступление в криминальные отношения с осужденными;
- в) злоупотребление полномочиями и превышение их;
- г) нарушение правил применения физической силы, спецсредств, оружия;
- д) оскорбление и унижение человеческого достоинства осужденных.

Таким образом, деятельность самих сотрудников имеет существенное значение и в ряде случаев стимулирует агрессивное поведение, способствует ему.

Как отмечают исследователи, наиболее виктимными являются сотрудники старше 30 лет и имеющие стаж службы более 5 лет (52,49 %) [4, с. 19]. Самоуверенность, завышенная самооценка, пренебрежение к требованиям несения службы увеличивают риск стать жертвой преступления.

Накоплению профессионального опыта сопутствует и профессиональная деформация, которая приводит к тому, что, как отмечает А. Д. Сафронов, легкомыслие, заниженная деятельностная мотивация, привычная профессиональная леность, упрямство, отвлечение на другие объекты зачастую не позволяют вовремя распознать и воспринять сигналы тревоги, принять меры предосторожности или сменить тактику поведения [3, с. 312].

В вопросах личной безопасности существенную роль играют профессиональная усталость и деформация, связанные с этим безразличие к службе, утрата бдительности, пренебрежение правилами снижения профессиональных рисков, а также некоторые личные качества, такие как завышенная самооценка и излишняя самоуверенность.

Вторую группу сотрудников, в отношении которых распространено агрессивное поведение, составляют лица от 20 до 29 лет (20,6 %). Они чаще всего допускают нарушения служебной дисциплины вследствие низкого уровня профессиональной выучки (неспособности правильно оценивать ситуацию и предвидеть последствия своих действий, неумения строить правильные отношения, зависимости от криминальных связей и т. п.).

Из сказанного следует, что преодоление виктимности сотрудника складывается из двух составляющих: а) твердого знания правовых предписаний, связанных с осуществлением профессиональной деятельности, и умения их применять; б) правопослушного

поведения как гражданина. И то и другое – результат сознательного и ответственного отношения к себе лично как индивидууму и как к лицу, осуществляющему государственно-властные полномочия в условиях риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бакунчев А. Г. Использование криминологических характеристик в оперативно-розыскной профилактике насильственных посягательств осужденных в отношении сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы // Уголов.-исполнит. право. 2015. № 1. С. 34–39.
2. Малолеткина М. С. Личная безопасность сотрудников УИС // Правовая культура и правовая жизнь. 2017. № 3. С. 87–93.
3. Сафронов А. Д. Преступность в России и криминальная безопасность сотрудников органов внутренних дел : моногр. М., 2003. 415 с.
4. Шитяков И. Н. Обеспечение виктимологической безопасности сотрудников УИС от криминальных посягательств осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 21 с.

REFERENCES

1. Bakuncheev A. G. Ispol'zovanie kriminologicheskikh harakteristik v operativno-rozysknoj profilaktike nasil'stvennykh posyagatel'stv osuzhdennykh v otnoshenii sotrudnikov organov i uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Use of criminological characteristics in operative-search prevention of violent encroachments of convicts against employees of bodies and institutions of the penal system]. Ugolov.-ispolnit. pravo – Criminal-executive law. 2015. Iss. 1. P. 34–39. (In Russ.).
2. Maloletkina M. S. Lichnaya bezopasnost' sotrudnikov UIS [Personal safety of the penitentiary system staff]. Pravovaya kul'tura i pravovaya zhizn' – Legal culture and legal life. 2017. Iss. 3. P. 87–93. (In Russ.).
3. Safronov A. D. Prestupnost' v Rossii i kriminal'naya bezopasnost' sotrudnikov organov vnutrennih del : monogr. [Crime in Russia and Criminal Security of Internal Affairs Officers : monograph]. Moscow, 2003. 415 p. (In Russ.).
4. SHityakov I. N. Obespechenie viktimologicheskoy bezopasnosti sotrudnikov UIS ot kriminal'nykh posyagatel'stv osuzhdennykh : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Providing victimological safety of the prison personnel from criminal encroachments of convicts : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Ryazan, 2011. 21 p. (In Russ.).

УДК 343.85

Становление и развитие криминальной субкультуры в России

С. И. КУЗЬМИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Реферат

Предметом исследования в данной статье выступают общественные и правовые отношения, связанные с активным распространением криминальной субкультуры в России. Цель публикации – анализ взаимосвязи уровня преступности, а также роста удельного веса совершаемых преступлений с условиями становления и развития криминальной субкультуры в российском (советском) обществе, определение ее роли и значения в криминализации общественной жизни государства, асоциального поведения граждан, активного распространения уголовной среды как в местах лишения свободы, так и за их пределами.

На основе исторического и теоретико-эмпирического методов научного исследования дается ретроспективная и правовая оценка теоретических (научных) и практических подходов к определению сущности и содержания криминальной субкультуры в виде идеологии преступного мира, развивающейся под влиянием социально-политических и экономических процессов в обществе, сравниваются методы и способы решения указанной проблемы в государстве.

Результаты проведенного исследования заявленной темы обусловили возможность сформулировать авторское определение криминальной субкультуры, выде-

лить ее основные черты, детерминанты появления и факторы распространения в исправительных учреждениях, предложить способы противодействия данным процессам при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: криминальная субкультура; лишение свободы; исправительные учреждения; осужденные; уголовная среда; идеология; анализ.

Formation and development of criminal subculture in Russia

S. I. KUZMIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor

Abstract

The subject of the research in this article are public and legal relations related to the active proliferation of criminal subculture in Russia. The purpose of the publication is to analyze the relationship between the level of crime as well as the increase in the proportion of crimes committed with the conditions for the formation and development of criminal subculture in Russian (Soviet) society, its role and significance in criminalizing public life of the state, antisocial behavior of citizens, both in places of deprivation of liberty and beyond.

Based on historical and theoretical-empirical methods of scientific research a retrospective and legal assessment of theoretical (scientific) and practical approaches to determining the essence and content of a criminal subculture in the form of an ideology of the underworld is presented, developing under the influence of socio-political and economic processes in society, compares methods and ways to solve this problem in the state.

The results of the conducted research of the stated subject led to the possibility to formulate the author's definition of criminal subculture, to outline its main features, the determinants of appearance and distribution factors in correctional institutions, to offer ways of counteraction to these processes while executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty.

Key words: criminal subculture; imprisonment; correctional institutions; convicts; criminal environment; ideology; analysis.

В современных условиях жизни Российского государства по-прежнему актуальной продолжает оставаться проблема борьбы с преступностью. После относительной стабилизации и даже снижения ее уровня в середине 80-х гг. XX в. наступило резкое ухудшение криминальной обстановки. Если в 1980 г. в СССР было зарегистрировано 1 028 284 преступления, то в 2016 г. только по России при сокращении численности населения почти в два раза число зарегистрированных преступлений составило 2 160 100, причем данные официальной статистики не отражают реальные масштабы криминальной ситуации в стране, фиксируя лишь верхушку айсберга криминальной обстановки. К примеру, по данным научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, уровень фактической преступности более чем в восемь раз превышает уровень зарегистрированной [7, с. 41].

В чем причина такого положения дел? Глубокий экономический кризис и, как следствие этого, резкое снижение жизненного уровня подавляющего большинства людей повлекли за собой рост преступности. Результатом процесса прогрессирующей криминализации общества стало стирание граней между правомерным и преступным поведением как факт смещения ценностных ориентиров в сторону асоциального образа жизни. Традиционные ценности и нормы перестали разделяться гражданами. Под давлением лидеров преступного сообщества экспансия идеологии уголовного мира приняла широкий размах. Под их влиянием криминальная субкультура, выражающаяся в культе насилия и паразитизма, антиобщественных нормах, обычаях, азартных играх, использовании жаргона, присвоении кличек, нанесении татуировок, в блатных песнях и т. п., проникла в повседневную жизнь граждан и стала способствовать профессионализации и организованности преступности.

Субкультура лиц, имеющих судимость, по мнению отечественных криминологов (Ю. М. Антоняна, А. И. Гурова, Н. А. Стручкова, Г. Ф. Хохрякова, И. В. Шмарова), является основным препятствием эффективного функционирования исправительных учреждений и адаптации освобожденных от наказания. Следует отметить то обстоятельство, что в местах лишения свободы существует обостренная потребность в справедливости, пусть и понимаемой по-своему. Поскольку права осужденных в исправительных учреждениях нередко нарушаются, существует потребность в их защите и отстаивании справедливости. Эту важную роль берут на себя лидеры криминального сообщества. Остальные осужденные делегируют им право на защиту справедливости, что, несомненно, придает им значимость.

Для того чтобы лучше познать современную преступность изнутри, оценить ее качественное состояние, необходимо изучать уголовную среду через присущую ей субкультуру, являющуюся неотъемлемым компонентом устойчивого противоправного поведения, зависящего от ряда обстоятельств. Чем, к примеру, строже режим отбывания наказания, тем ярче выражена субкультура. Отношение осужденных к криминальной субкультуре четко просматривается при их опросе: на вопрос «Поддерживаете ли вы так называемые воровские традиции?» можно услышать положительный ответ.

Криминальная субкультура в Советском государстве была закрытой темой, а сам термин начал использоваться с начала 80-х гг. XX в., хотя в научном обороте он появился еще в 30-е гг. прошлого века.

Первыми криминальную субкультуру начали исследовать зарубежные социологи (Р. Мертон, Т. Селлим, А. Коэн). В частности, Роберт Мертон опубликовал в 1938 г. статью «Социальная структура и аномия». По его мнению, основной причиной преступности является противоречие между ценностями, на достижение которых нацеливает общество, и возможностями их достижения. Это противоречие приводит к тому, что человек, не сумевший получить эти ценности по правилам, установленным обществом, начинает отрицать эти правила и стремится получить их любым способом. В том же году Торнстон Селлим опубликовал работу «Конфликт культур и преступность». По его мнению, конфликт между культурными ценностями различных сообществ выступает в качестве криминального фактора. Опираясь на эти выводы, американский социолог

А. Коэн в 1955 г. разработал концепцию субкультур. Ее основой послужили особенности культурных ценностей криминальных образований (сообществ, банд, группировок), которые отличались друг от друга взглядами, привычками, нормами общения, стереотипами поведения, санкциями в отношении нарушителей норм поведения и т. д. Данный феномен получил определение как субкультура. Криминальная субкультура неизбежно вступает в противоречие с общечеловеческими ценностями. Попав в криминальную группу, восприняв ее субкультуру, человек как бы освобождается от многих социальных запретов и, более того, вынужден их нарушать.

Значимость указанных явлений говорит о том, что эта проблема требует серьезного внимания и объективного исследования, так как профилактика субкультурного поведения способна создать серьезные предпосылки для укрепления законности и правопорядка в стране.

Общеизвестно, что каждому классу, социальной группе, иной общности людей присуща своя собственная субкультура. Присутствует она и в среде криминальных элементов. Уголовная субкультура – продукт преступной деятельности, зародившийся в среде правонарушителей, постоянно претерпевающий изменения и передающийся из поколения в поколение ее носителями. Поэтому, как мы полагаем, в теоретическом плане она в криминологии представляется в виде сквозного явления, проходящего через все исследования, связанные с разработками проблем преступности вообще, личности преступника, причин противоправного поведения и отвечающие на вопросы: каковы корни данного явления? всем ли преступным формированиям присуща субкультура? что в себя включает понятие «субкультура» и какова ее роль в жизни общества? Поскольку криминальная субкультура – продукт преступности, она рассматривается в работах по криминологии, уголовно-исполнительному праву, юридической психологии на всем протяжении их существования.

В дореволюционной России нравы и обычаи преступного мира достаточно обстоятельно были исследованы Г. Н. Брейманом в работе «Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников» (Киев, 1901 г.). Исследованию криминальной субкультуры посвятили свои работы известный ученый-этнограф С. В. Максимов [6] и историк, писатель В. М. Дорошевич. Они не только выявили, но и описали присущую

осужденным структуру межличностных отношений, иерархию подчиненности в этой среде, выявили неформальные правила поведения осужденных и на конкретных примерах показали их значение, исследовали тюремный фольклор и др. В литературе о преступном мире в Российском государстве того времени особое место занимает работа Х. Крестовского «Петербургские трущобы» [5]. Ее содержание составляет описание жизни и быта людей, отвергнутых обществом. В реальной жизни, писал он, отвергнутые обществом индивиды создают свой замкнутый мир, тем самым они отвергают тех, кто их отверг, их правила жизни и ценности.

После Великой Октябрьской революции в 1918–1919 гг. на страницах журнала «Пролетарская революция и право» велась оживленная дискуссия о сущности и цели уголовного наказания, делались первые попытки осмыслить и теоретически сформулировать задачи советской уголовной и исправительно-трудовой политики, возможность и необходимость перевоспитания каждого правонарушителя.

Признание того, что исправление и перевоспитание являются одной из задач наказания в стадии его исполнения, имело важное теоретическое и практическое значение. Оно подразумевало, что режим и условия отбывания наказания в местах лишения свободы по своему содержанию и характеру воздействия должны отвечать педагогическим требованиям и способствовать нравственной перестройке сознания преступников.

Исходя из этой теоретической установки, в последующие годы жизни и быту лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, посвятили свои труды Ю. Ю. Бехтерев, М. Н. Гернет, А. И. Швей, Е. Г. Ширвиндт и др. В частности, М. Н. Гернет обстоятельно исследовал среду обитателей тюрем, их обычаи, неформальные нормы поведения, традиции, особенности досуга и др. Ученым убедительно показана антиобщественная сущность субкультурных отношений в обособленной криминальной среде [4].

По амнистии, проведенной в 1927 г., из мест лишения свободы освободились свыше 60 тыс. чел. [9, с. 10]. Это создало объективные предпосылки для распределения основных категорий осужденных в соответствии с требованиями Исправительно-трудового кодекса РСФСР. В ноябре 1927 г. ГУМЗ РСФСР обязывало инспекции и на-

чальников мест заключения приступить к размещению заключенных внутри ИТУ в соответствии с требованиями кодекса с целью отделить лиц, не связанных с преступным миром, от уголовников, заключенных из рабочих и крестьян с повторной судимостью, если были основания надеяться на их отрыв от преступного мира, – от преступников-профессионалов, рецидивистов разделить на менее или более опасные группы. Данное указание следует рассматривать как первый серьезный шаг к осуществлению требований ИТК РСФСР о принятии всех мер «к устранению влияния худших и наиболее опасных заключенных на остальных» [9, с. 10]. Тем самым преследовалась и цель вывести отдельные категории заключенных из-под диктата криминальной субкультуры и влияния ее носителей. Однако из-за роста преступности в последующие годы реализовать это требование не удалось.

Изоляторы особого назначения (тюрьмы) могли вместить около 10 тыс. заключенных. Однако по состоянию на 1 января 1929 г. число приговоренных к данной мере наказания составило 37 тыс. чел. В связи с таким положением значительная часть из них содержалась в общих местах заключения, что, несомненно, отрицательно сказывалось на деятельности этих учреждений.

Носители криминальной субкультуры – осужденные-рецидивисты – содержались в общих местах заключения, и в отношении этой категории основные средства исправительно-трудового воздействия (труд и культурно-просветительная работа) не достигали цели. Неслучайно в связи с этим А. И. Швей ставил вопрос о необходимости и целесообразности создания на территории СССР двух изоляторов особого назначения с установлением в них более строгого режима. Называлось и место для размещения одного из них – остров Возрождения недалеко от Баку.

В 30 – 50-е гг. XX в. работ по этой проблематике не выходило. Исключение составило исследование Д. С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи», изданное в 1935 г. и основанное на собственном опыте общения с преступниками в период отбывания уголовного наказания на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Не последнюю роль в падении интереса к исследованию проблемы сыграло то обстоятельство, что в начале 30-х гг. XX в. не нашли практического подтверждения два основополагающих постулата карательной политики государства. Во-первых, ликвида-

ция безработицы в стране и предоставление каждому гражданину возможности жить за счет собственного труда не повлекло за собой сокращение преступных проявлений, а значит и не могло повлиять на ликвидацию такого социального явления, как преступность. Во-вторых, не сработала теоретическая установка на то, что осужденные из числа рабочих и крестьян, то есть социально близкие советской власти, смогут «перековать» в процессе труда классовых врагов и преступников-профессионалов.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. резко обострилась вражда между различными группировками заключенных, особенно между «ворами в законе» и так называемыми «отошедшими». Стремление администрации изолировать их друг от друга не только не приносило пользы, но, наоборот, приводило к еще большему их противостоянию. Как отмечалось в обзоре «О борьбе с воровскими группировками в Красноярском ИТЛ МВД СССР», отрицательную роль в деятельности учреждения сыграли указания вышестоящих органов, которые вместо выработки мероприятий по борьбе с воровскими группировками рекомендовали администрации ИТУ учитывать наличие вражды между группировками и в работе исходить из этого.

Для оперативных аппаратов ИТУ и политорганов несомненный интерес представила выпущенная в 1957 г. научная работа В. И. Монахова «Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними». В ней автор рассмотрел особенности противоправной деятельности авторитетов уголовной среды – «воров в законе» и «отошедших», исследовал их межличностные отношения, описал основные элементы криминальной субкультуры (обычаи, традиции, досуг). Выводы и рекомендации, сформулированные В. И. Монаховым на основе исследования, получили признание у практических работников. К сожалению, работа была издана под грифом «Секретно» и долгие годы оставалась малоизвестной среди ученых-пенитенциаристов.

В 60 – 70-е гг. XX в. этой проблеме не придавалось значения. Сыграл свою роль тезис новой программы КПСС, принятой на XXII съезде партии, о том, что «в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушителям и преступности». А поскольку Н. С. Хрущев пообещал показать последнего преступника по телевидению в 1980 г., то в дальнейшем научно-исследовательской работе в области преступности не

уделялось должного значения, а на развитие ИТУ не выделялось достаточных средств.

Криминальная субкультура вновь стала предметом исследования во второй половине 80-х гг. XX в., когда начали широко публиковаться мемуары бывших заключенных исправительно-трудовых лагерей, среди которых Ж. Росси, А. Солженицын, В. Шаламов и ряд других. Именно перу В. Шаламова принадлежит объективный рассказ о том, какова роль и значение субкультуры в жизни уголовной среды мест лишения свободы.

Несмотря на то что криминальная субкультура стала самостоятельным предметом исследования сравнительно недавно, тем не менее с начала 90-х гг. прошлого века опубликовано немало исследовательских работ. Анализ современных источников и литературы прошлых лет позволил В. М. Анисимкову вычленивать составные части криминальной субкультуры и сформулировать следующие выводы:

- криминальная субкультура представляет собой особую структуру межличностных отношений индивидов, объединенных на основе ценностных ориентаций деятельности, в относительно обособленной среде;

- она включает в себя систему неформальных норм, установлений, представлений, регулирующих поведение ее представителей;

- субкультура находит свое отражение во внешних атрибутах преступного мира (в уголовном жаргоне, песнях, татуировках, кличках и т. д.) [2, с. 10].

Ценности и нормы криминальной субкультуры привлекательны, сравнительно быстро и легко усваиваются благодаря романтике, таинственности, необычности. Ей свойственен игровой и эмоциональный характер. Отечественные и зарубежные исследователи воспринимают субкультуру как реальный факт, не вдаваясь в истоки этого явления. По нашему мнению, субкультура прежде всего предмет деятельности человека во всех сферах жизни и бытия. Поскольку человек – существо социальное, то в силу разных причин он стремится принадлежать к какой-либо значимой для него группе.

Как форма сознания криминальная субкультура складывалась и формировалась в среде многих поколений правонарушителей. При этом шло балансирование на тонкой грани морали, культуры, традиций и т. д. Для подлинного понимания того, почему субкультура появилась, почему она стала привлекательной как для отдельной личности, так и для некоторых групп в обще-

стве, необходимо понять, каким потребностям личности она отвечает.

На наш взгляд, под криминальной субкультурой понимается совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих деятельность криминальных сообществ, что способствует их живучести, сплоченности, криминальной активности и мобильности, преемственности поколений правонарушителей. «Являясь существующей объективной реальностью, – пишет современный исследователь криминальной субкультурой Ю. К. Александров, – она занимает определенное место в общей системе человеческих ценностей. Являясь частью современной культуры общества, она оказывает на нее определенное влияние». Он определяет криминальную субкультуру как «образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы, придерживающихся определенных законов и традиций» [1, с. 8].

Другие исследователи криминальной субкультуры, такие как Ю. М. Антонян, В. А. Верещагин, Г. Б. Калманов, отождествляют ее с тюремной и указывают, что последняя «реализуется в неформальных нормах и правилах поведения, запретах и предписаниях, санкциях и поощрениях, в некоторых видах художественного творчества. Она же закрепляет иерархию среды, устанавливает социальные роли. В совокупности все это образует нравственную и психологическую основу бытия лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы» [3, с. 72].

Носителями криминальной субкультуры являются прежде всего лица, отбывающие уголовное наказание и находящиеся в местах лишения свободы. Криминальная субкультура едина для всех лиц, преступивших закон, поэтому многие нормы воровского и тюремного законов совпадают. Находящиеся на свободе и в исправительном учреждении обязаны выделять долю в «общак», нельзя поднимать руку на «вора в законе», следует непримиримо относиться к «стукачам», не признавать вину в совершенном преступлении, не предъявлять кому бы то ни было обвинения без доказательства, не употреблять нецензурные выражения, учить «правильной жизни» молодежь, оказывать материальную помощь сотоварищам и их родственникам и т. д. Вместе с тем существуют особенности проявления и функционирования субкультуры в исправительных учреждениях, тем самым делая ее более ярко выраженной, чем в условиях свободы.

Как видим, в «воровском законе» и «тюремном законе» содержится много общих норм, но «воровской закон» – это свод неписанных норм поведения, обязательных для «воров в законе» и тех, кто стремится попасть в элиту. Только часть его положений распространяется на всех других правонарушителей, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы. Эта обособленная часть «воровского закона», обязательная для всех остальных преступников, называется «тюремным законом», представляющим из себя свод правил поведения, базирующихся на многовековых тюремных традициях и обязательных для всех осужденных независимо от их принадлежности к той или иной стратификационной категории (пацаны, мужики, опущенные).

Тюремный закон регулирует отношения как между отдельными осужденными, так и между их группами. Он определяет механизм разрешения возникающих конфликтных ситуаций независимо от того, возникли они между отдельными личностями или между группами лиц. Таким образом, можно говорить, что соблюдение норм «тюремного закона» обязательно как для «воров в законе», так и для всех остальных осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Можно выделить характерные признаки, присущие криминальной субкультуре: игнорирование общепризнанных норм и ценностей; отражение в ней тюремных традиций; агрессивное, жестокое и циничное отношение к «чужим»; эксплуатация нижестоящих в системе стратификации, глумление над ними; неуважение прав собственников, выражающееся в кражах, хищениях и вымогательствах; поощрение циничного отношения к лицам женского пола; поощрение низменных инстинктов и любых форм асоциального поведения и др.

В чем состоит привлекательность криминальной субкультуры? Отвечая на поставленный вопрос, необходимо отметить, что процесс криминальной деятельности включает в себя риск, экстремальные ситуации, снимает все моральные ограничения, в том числе и на получение любой информации. Здесь открываются возможности для самоутверждения и компенсации неудач, постигших человека в жизни.

Говоря о субкультурных образованиях, необходимо иметь в виду, что их функционирование невозможно без соблюдения определенных правил поведения. Если в формальном объединении индивидов от-

ношения между ними регулируются нормативными актами (устав акционерного общества, закон о полиции и др.), то в неформальном основу межличностных отношений формирует «теневое нормотворчество». Субкультурная группа всегда требует от своих членов соблюдения неформальных правил поведения, которые существенно отличаются от общепринятых норм взаимоотношений между людьми.

Криминальная среда вырабатывает субкультурный язык, отличающийся своими особенностями. В ней принято присваивать клички, наносить на тело татуированные символы в соответствии с иерархическим статусом. В этой среде свои специфические игры и развлечения, свои поэзия и проза, отражающие криминальную деятельность. Наличие собственных элементов субкультуры как раз и позволяет отвергать элементы традиционной культуры.

Особое влияние на формирование субкультурной личности правонарушителя оказывает тюремная субкультура. Ее принятие зачастую не является осознанным решением индивида. Она представляет собой искусственно созданный социум, к которому осужденный впервые вынужден прибегать, попав в пенитенциарное учреждение.

Криминальная субкультура и ее атрибуты проявляются не только среди членов преступной среды в местах лишения свободы, где они наиболее ярко выражены, но и в других социальных общностях.

Необходимо отметить, что в последние десятилетия в обществе изменилось отношение как к преступности, так и к ее проявлениям. Наряду с общей культурой в обществе легализовалась и криминальная субкультура, о которой раньше предпочитали умалчивать. В наши времена уже никого не удивляет тот факт, что известные журналисты общаются со своими слушателями и читателями на полублатном языке. С экранов телевизоров не исчезают сериалы о жизни бандитских группировок, в радиозфире блатная музыка льется, как из рога изобилия. Криминальная субкультура пока еще не стала составной частью нашего общества, но она близка к этому. Когда говорят о криминальной субкультуре, то имеют в виду криминальные традиции и обычаи, жаргон и татуировки, стратификацию, неформальные нормы поведения и особенности досуга.

Феномен российской тюремной субкультуры уникален, и Л. Самойлов описывает ее так: «...у меня за плечами был уже год пре-

бывания в тюрьме. Еще там я понял, что главная сила, которая противостоит здесь обыкновенному, рядовому заключенному и господствует над ним, не администрация, не надзиратели, не конвой. Они в повседневном обиходе далеко и образуют внешнюю оболочку лагерной среды... Силой, давящей на личность заключенного, повседневно и ежечасно, готовой сломить и изуродовать его, является здесь другое – некий молчаливо признаваемый неписанный закон, негласный кодекс поведения, дух уголовного мира. От него не уклоняются. Избежать его невозможно» [8, с. 84].

Следует иметь в виду, что любая личность формируется в процессе ее жизнедеятельности в социальных группах и на основе присущих ей природных задатков. Поэтому криминологов издавна интересовало, как ближайшее окружение человека (микросреда) формирует его преступное поведение. Исследованию этой проблемы много внимания уделили В. М. Анисимков, Ю. М. Антонян, Г. Ф. Хохряков, И. В. Шмаров и др. В результате научных исследований они пришли к выводу, что особенности различных типов личности преступников коренятся в особенностях структуры отношений, субъектом которых является данная личность, а также в специфике ее противоправной деятельности. Сходство и различие между правонарушителями служат основой системы индивидуального правосознания, а значит и системы типов личности с отклоняющимся поведением.

Криминальная субкультура преступного сообщества как бы подразделяется на две части: общую и особенную. Это обусловлено тем обстоятельством, что одни ценностные ориентации преступников имеют силу только в условиях свободы, в то время как другие только в условиях изоляции – в местах лишения свободы. В исправительных учреждениях структура межличностных отношений осужденных обусловлена прежде всего высокой степенью изоляции от общества, узким кругом выбора субъектов неформального общения вследствие локализации отрядов осужденных, ограничением прав индивидов большим количеством неформальных норм, постоянной угрозой насилия над личностью. Эти обстоятельства существенным образом влияют на формирование ценностей, играющих ведущую роль в местах лишения свободы.

Субкультура, формирующаяся в исправительных учреждениях, стремится преодолеть изоляцию, а вырабатываемые ею

нормы и ценности в конечном счете распространяются на все общество, его культуру и каждого человека в отдельности. Она находит отражение в мировоззрении, особенностях мышления и психики и, следовательно, накладывает свой отпечаток на образ жизни людей.

Вместе с тем в условиях мест заключения, по мнению В. Н. Анисимкова, наряду с выделением общей субкультуры, отражающей особенности, ценностные ориентации и интересы сообщества осужденных в целом, следует выделить и субкультуры, формируемые и разделяемые большими категориями осужденных (авторитетами, нейтральными лицами, отверженными) [2, с. 28]. Нами подобная точка зрения не разделяется, поскольку, если взять любое исправительное учреждение, то авторитеты

не относятся к большей категории осужденных, к тому же наличие нескольких субкультур на одной территории неизбежно должно привести или к их конкуренции, или к противостоянию, что исключает единый для всех «сидельцев» «тюремный закон».

Изложенное выше позволяет сделать следующий вывод: субкультура преступной среды обусловлена системой искаженных ценностных ориентаций ее носителей. Она включает в себя две составляющие ее взаимосвязанные части: одна из них обслуживает интересы лиц, находящихся на свободе, а другая – отбывающих уголовное наказание в условиях изоляции. Вместе они представляют собой идеологию преступного мира, изменяющуюся под влиянием социально-политических и экономических процессов в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001. 152 с.
2. Анисимков В. М. Криминальная субкультура. Уфа, 1998. 168 с.
3. Антонян Ю. М., Верещагин В. А., Калманов Г. Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Гос-во и право. 1996. № 10. С. 72–79.
4. Гернет Н. М. История царской тюрьмы. М., 1951. 547 с.
5. Крестовский Х. Собрание сочинений. СПб., 1899. 580 с.
6. Максимов С. Избранное. М., 1981. 560 с.
7. Попова В. И., Морев М. В. Динамика криминальной ситуации в России в зеркале официальной статистики и общественного мнения // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 39–49.
8. Самойлов Л. Путешествие в перевернутый мир // Нева. 1989. № 4. С. 150–164.
9. Статистика амнистированных в ознаменование 10-летия Октябрьской революции. М., 1928. 94 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov YU. K. Ocherki kriminal'noj subkul'tury [Sketches of criminal subculture]. Moscow, 2001. 152 p. (In Russ.).
2. Anisimkov V. M. Kriminal'naya subkul'tura [Criminal subculture]. Ufa, 1998. 168 p. (In Russ.).
3. Antonyan YU. M., Vereshchagin V. A., Kalmanov G. B. Tyuremnaya subkul'tura i neitralizatsiya ee negativnyh proyavlenij [Prison subculture and neutralization of its negative manifestations]. Gos-vo i pravo – State and Law. 1996. Iss. 10. P. 72–79. (In Russ.).
4. Gernet N. M. Istoriya carskoj tyur'my [History of the Tsar's Prison]. Moscow, 1951. 547 p. (In Russ.).
5. Krestovskij H. Sobraenie sochinenij [Collected Works]. St. Petersburg, 1899. 580 p. (In Russ.).
6. Maksimov S. Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 1981. 560 p. (In Russ.).
7. Popova V. I., Morev M. V. Dinamika kriminal'noj situacii v Rossii v zerkale oficial'noj statistiki i obshchestvennogo mneniya [Dynamics of the criminal situation in Russia in the mirror of official statistics and public opinion]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2017. Iss. 1 (37). P. 39–49. (In Russ.).
8. Samojlov L. Puteshestvie v perevernutyj mir [Journey to an Inverted World]. Neva – Neva. 1989. Iss. 4. P. 150–164. (In Russ.).
9. Statistika amnistirovannyh v oznamenovanie 10-letiya Oktyabr'skoj revolyucii [Statistics amnestied in commemoration of the 10th anniversary of the October Revolution]. Moscow, 1928. 94 p. (In Russ.).

УДК 342.924

О некоторых проблемах унификации административных процедур

С. А. СТАРОСТИН – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Реферат

В статье представлено исследование истории и перспектив развития законодательства об административных процедурах. Отмечается, что в настоящее время правовое регулирование административных процедур носит разрозненный, разобщенный характер. В рамках административной реформы неоднократно предпринимались попытки создать единую правовую основу деятельности государственных и муниципальных органов по оказанию государственных и муниципальных услуг, реализации государственных и муниципальных функций. Вместе с тем вопросы систематизации административно-правовых норм, регулирующих формы административной деятельности, их институциональной кодификации, до сих пор не решены и остаются актуальными.

Автором осуществлен анализ научной разработки вопросов обобщения законодательства, регулирующего административную деятельность органов государственной власти, исследован законотворческий опыт в данной сфере. Особое внимание уделено вопросу о пределах административного усмотрения при предоставлении государственной или муниципальной услуги. Для устранения отрицательных аспектов административного усмотрения и усиления его положительных сторон предлагается концептуально решить вопрос о его пределах в реализации административных процедур.

Учитывая разросшийся массив законодательства об административных процедурах, автор считает необходимым принять наравне с активно разрабатываемыми и вводимыми в действие административными «юрисдикционными» кодексами кодифицированный акт об административных процедурах.

Ключевые слова: административное право; административный процесс; административная реформа; административно-процессуальное законодательство; административная процедура; унификация законодательства; кодификация законодательства.

On some problems of unification of administrative procedures

S. A. STAROSTIN – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dsc. in Law, Professor

Abstract

The author presents a study of the history and prospects for the development of legislation on administrative procedures. It is noted that at present the legal regulation of administrative procedures is fragmented, disjointed. As part of the administrative reform attempts were made to create a single legal framework for the activities of state and municipal bodies to provide state and municipal services and to implement state and municipal functions. At the same time the issues of systematization of administrative and legal norms governing administrative administration forms, their institutional codification, have not yet been resolved and remain relevant.

The article presents an analysis of the scientific development of questions of the generalization of legislation regulating the administrative activity of public authorities, the legislative experience in this field has been studied. Special attention was paid to the question of the limits of administrative discretion in the provision of state or municipal services. In order to eliminate the negative aspects of administrative discretion and enhance its positive aspects the author considers it necessary to conceptually solve the issue of its limits in the implementation of administrative procedures.

Given the growing array of legislation on administrative procedures, the author considers it necessary to adopt a codified instrument on administrative procedures along with actively developed and enacted administrative «jurisdictional» codes.

Key words: administrative law; administrative process; administrative reform; administrative procedural law; administrative procedure; unification of legislation; codification of legislation.

Правовое регулирование административных процедур носит разрозненный, разобщенный характер. В рамках административной реформы уже было предпринято

немало попыток создать единую правовую основу деятельности государственных и муниципальных органов по оказанию государственных и муниципальных услуг, реализации государственных и муниципальных функций [2; 10]. Однако многое еще предстоит сделать, и нужно понимать, каковы перспективы развития законодательства об административных процедурах.

На первый план выходит проблема кодификации административного процессуального законодательства. Идея создания административного процессуального кодекса не нова [19, с. 13–21]. Эта тема приобрела актуальность и развивалась в научных и практических работах с первых дней существования Советского Союза. С созданием процессуального кодекса связывалась необходимость систематизации административно-правовых норм, регулирующих формы административной деятельности, в том числе правотворчества органов исполнительной власти, порядка осуществления административного надзора, оснований и порядка применения административно-ограничительных мер, оснований для принятия чрезвычайных мер охраны правопорядка, применения оружия и использования войск. Именно в рамках кодифицированного акта предполагалось решать вопросы становления и охраны правопорядка (порядок административного учета населения, правила передвижения населения, правила в области печати и организации публичных зрелищ, правила проведения массовых публичных мероприятий, организации и проведения лотерей, порядок создания и деятельности общественных объединений и религиозных обществ, правила торговли и организация административного надзора за их соблюдением).

Эти идеи нашли свою реализацию в проекте Административного устава (кодекса) РСФСР, подготовленного Народным комиссариатом внутренних дел СССР в период с 1922 по 1925 г., который, однако, так и не был принят [1, с. 13–20; 4, с. 27–33; 20, с. 31–40].

В более поздние годы тема обобщения законодательства, регулирующего административную деятельность органов государственной власти, обрела новую жизнь с появлением монографии Н. Г. Салищевой «Административный процесс в СССР» [14]. В этой работе был обобщен уже сложившийся опыт деятельности исполнительных органов и обращено внимание на важность правового закрепления процедурных аспектов административно-юрисдикционной дея-

тельности, то есть деятельности по рассмотрению споров в сфере государственного управления и применению мер принудительного и ограничительного характера.

Практически одновременно вышла монография В. Д. Сорокина «Проблемы административного процесса» [17], в которой была представлена концепция унификации исполнительно-распорядительной деятельности органов государственной власти в целом. Ученый считал, что процессуальные нормы существуют не только в связи с реализацией административных запретов, административных ограничений, но все функционирование государственных органов, направленное на осуществление возложенных на них полномочий, необходимо рассматривать через призму административного процесса.

В дальнейшем заложенный В. Д. Сорокиным подход развился в управленческую концепцию административного процесса. В своих поздних работах ученый отмечал: «Юридическая природа административного процесса (как и других видов процесса) проявляется в том, что административный процесс – это не только урегулированный правом порядок осуществления определенных процедур исполнительной власти по правовому разрешению широкого спектра индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления, но это такая деятельность, в ходе реализации которой возникают многочисленные правовые отношения, регулируемые административно-процессуальными нормами и приобретающие в связи с этим характер административно-процессуальных правоотношений» [16, с. 203].

В управленческий процесс включаются такие виды административных производств, как производство по принятию нормативных актов государственного управления, производство по предложениям и заявлениям граждан и обращениям организаций в сфере государственного управления, производство по административно-правовым жалобам и спорам, производство по делам о поощрениях, производство по делам об административных правонарушениях, производство по дисциплинарным делам, лицензионное производство, регистрационное производство, исполнительное производство и др.

В теории обозначенные два подхода к пониманию административного процесса – юрисдикционный и управленческий – закрепились достаточно прочно. Научная

дискуссия об узком (юрисдикционном) и широком (управленческом) административном процессе, к сожалению, продолжается по сей день. Но когда речь заходит о практическом применении теоретических разработок, значительная часть специалистов склоняется к тому, что воплотить в едином кодифицированном акте идею широкого административного процесса затруднительно.

Всеобщая кодификация административно-правовых норм оказывается невозможной. Поэтому предлагается осуществление институциональной кодификации административно-процессуальных норм, их унификации путем принятия специальных законов, комплексно регулирующих определенные группы общественных отношений, возникающих в сфере государственного управления [5, с. 12–13; 18, с. 395–396].

В 2008 г. был опубликован проект Российского административно-процессуального кодекса [7], подготовленный М. Я. Масленниковым, автором многих монографий и статей по проблемам административного процесса. Проект насчитывает 12 разделов: «Общие положения»; «Цели, задачи и принципы административного процесса»; «Органы и должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях»; «Условия (порядок) ведения административного процесса»; «Доказывание и доказательства»; «Обеспечение административного процесса»; «Порядок ведения производства по делам об административных правонарушениях»; «Обжалование и опротестование постановлений по делам об административных правонарушениях»; «Пересмотр вступившего в законную силу постановления (определения), решения по результатам рассмотрения жалобы, протеста прокурора»; «Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях»; «Применение мер социально-правовой защиты в административном процессе»; «Производство по делам об административных правонарушениях в отношении юридических лиц (на случай сохранения этого института)».

Появление проекта, на наш взгляд, стало знаковым событием, поскольку наглядно продемонстрировало наиболее эффективный путь развития административно-процессуального законодательства. В своем проекте М. Я. Масленников воспроизводит юрисдикционную модель административного процесса, вернее, ту ее часть, которая связана законодательством об административных правонарушениях.

Следует отметить, что М. Я. Масленников проводит четкую грань между процессуальной деятельностью и процессуальными нормами. Вполне допуская, что исполнительно-распорядительная деятельность государственных органов имеет характер процесса, процедур, он не считает правовые нормы, призванные регулировать данную деятельность, процессуальными. Ученый выделяет нормы административно-процедурные (организационно-технические), как бы вспомогательные, и собственно административно-процессуальные, определяющие права и обязанности участников правоприменительного процесса, обязательные для всех участников административно-процессуального правоотношения [6].

Сферу применения административно-процессуальных норм М. Я. Масленников связывает с правоотношениями административного принуждения. Здесь обеспечивается охрана конституционного строя, прав и свобод граждан, нередко требуя ограничения последних, и поэтому важным становится четкое, последовательное совершение именно процессуальных действий, урегулированных административно-процессуальными правовыми нормами-предписаниями, обязательными не только для объектов, но и для субъектов возникающего административно-процессуального правоотношения, не связанного управленческим подчинением.

Определяя понятие административных процедур, мы должны говорить об отличиях, которые существуют между обычными процедурами и процедурами в сфере государственного контроля (надзора), муниципального контроля, а также процедурами в сфере административной юрисдикции. С учетом таких отличий законодательное регулирование административного процесса должно осуществляться, на наш взгляд, институционально, когда применительно к каждому виду процедур в сфере государственного управления разрабатываются собственные правовые принципы, требования и правила. В этом смысле мы поддерживаем тенденцию, направленную на выделение в самостоятельную отрасль юрисдикционных производств. Это подход, воплотившийся в жизнь с принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, разработкой новых проектов кодекса об административных правонарушениях [11; 12] и продолжающий развиваться с появлением проектов административного процессуального кодекса

подобных тому, что предложен М. Я. Масленниковым.

Однако мы не можем согласиться с мнением о том, что нормы, регламентирующие административные процедуры, являются организационно-техническими и не несут в себе правовой составляющей. Административная процедура представляет собой некую упорядоченность действий, совершаемых заявителем и исполнительным органом. Правовые нормы, регулирующие административные процедуры, служат не только для того, чтобы последовательно выстроить эти действия, то есть организационно обеспечить соответствующую деятельность, но и для того, чтобы определить круг прав и обязанностей участников правоотношения на каждом этапе процедуры.

Так, подача заявления об оказании государственной услуги, осуществлении государственной функции создает правомерное основание для заинтересованного лица ожидать рассмотрения данного заявления в определенный срок и, что самое главное, требовать такого рассмотрения. Такую же роль играет установление в регламенте перечня документов и сведений, необходимых для предоставления государственной услуги или государственной функции. Нормативное закрепление оснований для принятия положительного или отрицательного решения по результатам рассмотрения заявления подразумевает соответствующее право заявителя при соблюдении необходимых условий на получение государственной услуги.

Как обоснованно отмечается в ряде научных работ, юридическое взаимодействие публичной администрации с гражданами и организациями должно быть максимально облечено в форму нормативно определенного порядка (процедур) во всех случаях, когда взаимодействие затрагивает права, свободы и законные интересы сторон [3, с. 10]. Одним из случаев такого взаимодействия следует признать административные процедуры, когда речь идет об исполнении органами власти государственных функций и предоставлении государственных услуг.

В российском законодательстве относительно административных процедур есть несколько законопроектов, в том числе поступивших на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации: проект федерального закона № 284733-3 «Об основах административных процедур», проект федерального закона «О регулиро-

вании отношений между лицами частного права (гражданами) и органами исполнительной власти, местного самоуправления и иными государственными органами». Идея принятия закона об административных процедурах поддерживается такими учеными, как Д. Н. Бахрах, К. В. Давыдов [2, с. 57–92], Ю. Н. Стариков, С. В. Махин и др. Подробно она раскрыта в работе А. В. Филатовой [21, с. 14]. Вместе с тем акт, регулирующий понятие, принципы, общие положения осуществления административных процедур, до сих пор отсутствует.

Посредством принятия и реализации федерального закона о государственных и муниципальных услугах внесен большой вклад в создание правовой базы административных процедур. Благодаря этому закону была активизирована работа по анализу административных процедур с целью выявления в них избыточных требований, не отвечающих целям, ради достижения которых предусматривается соответствующий административно-правовой режим предпринимательской и иной деятельности, а также в целях их унификации и приведения к единому стандарту.

Деятельность исполнительных органов подверглась пересмотру с тем, чтобы разграничить в ней административные процедуры и процедуры исполнения иных полномочий, чтобы реализовать применительно к выявленным административным процедурам новый стандарт правового регулирования.

С введением в действие федерального закона о государственных и муниципальных услугах наметился первый шаг в направлении становления правового регулирования соответствующих правоотношений. Уже имеющийся опыт применения административных регламентов позволяет выявить ряд пробелов, которые действующее законодательство не в состоянии устранить.

В федеральном законе о государственных и муниципальных услугах закреплены принципы предоставления таких услуг, права и обязанности потребителя услуги и органа исполнительной власти, ее предоставляющего. Отдельная статья посвящена стандарту предоставления государственной и муниципальной услуги, который в обязательном порядке должен быть отражен в административном регламенте, закрепляющем нормативно-правовой порядок ее оказания.

В то же время неясным остается вопрос о пределах административного усмотрения

при предоставлении государственной или муниципальной услуги.

В сфере государственного управления предпринимательской и иной экономической деятельностью есть отдельные области, где накоплен серьезный опыт применения административных процедур (например, лицензионно-разрешительная деятельность). Длительность их использования позволила получить достаточные знания относительно обстоятельств и факторов, которые уполномоченному органу следует учитывать при предоставлении услуги, исполнении государственной или муниципальной функции. При разработке административного регламента такие знания трансформируются в нормативно-правовые основания для предоставления услуги либо отказа в ее предоставлении, имеющие конкретное содержание.

В различных областях государственного управления, например в сфере предпринимательской деятельности, такой определенности достигнуть сложно. Это обуславливает расширение в административной процедуре элемента административного усмотрения. Оно выражается, в частности, в отсутствии правовых положений, на соответствие которым может быть оценена законность принятого уполномоченным органом решения относительно предоставления государственной услуги.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, обратимся к следующему примеру из практики арбитражных судов.

Общество с ограниченной ответственностью «Хартия» обратилось в Управление Роспотребнадзора по г. Москве с целью получения санитарно-эпидемиологического заключения на проект санитарно-защитной зоны для объекта, на котором общество осуществляло хозяйственную деятельность, а именно полигона отходов производства и потребления. Для получения государственной услуги общество предоставило проектную документацию «Проект обоснования размера расчетной санитарно-защитной зоны по адресу: 127410, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 51», экспертное заключение и проект обоснования размера санитарно-защитной зоны. Исходя из содержания проектной документации предполагалось сокращение санитарно-защитной зоны объекта с 1000 до 40–60 м. По результатам рассмотрения заявления общества Управление Роспотребнадзора по городу Москве приняло решение об отказе в сокращении санитарно-защитной зоны.

При принятии решения уполномоченный орган учел, что обществом допускались нарушения законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, которые были выявлены в ходе контрольно-надзорных мероприятий, проведенных в связи с коллективными жалобами жителей домов, соседних с мусороперерабатывающим объектом. Они включали неудовлетворительное санитарное состояние используемых территорий и помещений, нарушение целостности асфальтового покрытия на территории общества; отсутствие защиты от атмосферных осадков открытой площадки для сортировки отходов; непроведение дератизационных (истребительных) мероприятий на территории и в производственных помещениях; непроведение профилактической дезинфекции. За указанные нарушения ООО «Хартия» неоднократно привлекалось к административной ответственности.

Общество посчитало решение управления незаконным. Оно обоснованно учитывало, что государственная услуга оказывалась управлением в соответствии с утвержденным приказом Роспотребнадзора от 18.07.2012 № 775 Административным регламентом Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по предоставлению государственной услуги по выдаче на основании результатов санитарно-эпидемиологических экспертиз, расследований, обследований, исследований, испытаний и иных видов оценок, оформленных в установленном порядке, санитарно-эпидемиологических заключений [8].

Согласно п. 24 административного регламента основанием для отказа в предоставлении государственной услуги является наличие недостоверных сведений в документах, содержащих результаты санитарно-эпидемиологических экспертиз, расследований, обследований, исследований, испытаний и иных видов оценок, представленных заявителем для предоставления государственной услуги.

Общество настаивало, что в поданных им документах не содержалось недостоверных сведений, а учитывать при предоставлении услуги иную информацию управление не имело права.

Однако суды разрешили спор, возникший между обществом и управлением, в пользу последнего. Суды посчитали, что порядок осуществления административной процедуры по выдаче санитарно-эпидеми-

ологического заключения на проект обоснования размеров санитарно-защитной зоны опасного объекта, закрепленный в административном регламенте, предоставляет управлению в ходе рассмотрения заявления хозяйствующего субъекта возможность самостоятельно определять меры по проверке представленных документов. В силу этого управление было вправе учесть при вынесении решения любые сведения о хозяйственной деятельности общества с использованием мусороперерабатывающего полигона, непосредственно свидетельствующие о соблюдении им санитарных норм и правил [9].

Административное усмотрение является важным параметром реализации органами власти государственных и муниципальных полномочий. В данном явлении выделяются как отрицательные, так и положительные моменты. Позитивное значение связывается с тем, что уполномоченный субъект обладает определенной степенью свободы для более качественного и эффективного воздействия на объект управления в целях реализации прав и свобод граждан. Взаимодействуя с юридическими и физическими лицами в рамках административных процедур, государственные органы оказываются наиболее близки к обществу в решении повседневных задач государственного управления. Невозможность индивидуального реагирования в тех или иных ситуациях приведет к неспособности выполнения государственных функций. В результате это от-

разится на уровне доверия граждан ко всем органам государственной власти, имидже государства в целом [15]. Чтобы устранить отрицательные аспекты административного усмотрения и усилить его положительные стороны, необходимо концептуально решить вопрос о его пределах в реализации административных процедур.

Федеральный закон о государственных и муниципальных услугах обусловил появление такого количества административных регламентов, что возникла новая проблема, связанная с необходимостью осуществления контроля за их качеством и соответствием требованиям законодательства. Вопрос об эффективности административных регламентов возникает, поскольку такое количество и качество нормативных правовых актов невыгодно как для правоприменителя, так и для граждан и организаций. Разросшийся массив законодательства об административных процедурах мало соотносится с такими задачами, как повышение управляемости в органах власти, усиление контроля за их деятельностью со стороны общества, выдвигание исчерпывающих требований к решениям и содержанию работ государственных служащих и др. [13, с. 51].

Представляется, что в современном российском обществе сложилась потребность в принятии наравне с активно разрабатываемыми и вводимыми в действие административными юрисдикционными кодексами кодифицированного акта об административных процедурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородина Э. Административный кодекс (по проекту НКВД) // Адм. вестн. 1925. № 12. С. 13–20.
2. Давыдов К. В. Проект Федерального закона «Об административных процедурах и административных актах в Российской Федерации» // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина. Вып. : Адм. процедуры. 2016. № 5 (21). С. 57–92.
3. Женетль С. З. Административный процесс и административные процедуры в условиях административной реформы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 38 с.
4. Игнатъев В. Административный кодекс // Власть Советов. 1923. № 1–2. С. 27–33.
5. Костенников М. В. Теоретические проблемы кодификации административного права России : моногр. М., 2000. 185 с.
6. Масленников М. Я. Концепция Российского административно-процессуального кодекса // Российская академия юридических наук. Научные труды. Вып. 3. М., 2003. Т. 3.
7. Масленников М. Я. Российский административно-процессуальный кодекс. Проект // Вестн. Евраз. акад. адм. наук. 2008. № 4. С. 11–13.
8. Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по предоставлению государственной услуги по выдаче на основании результатов санитарно-эпидемиологических экспертиз, расследований, обследований, исследований, испытаний и иных видов оценок, оформленных в установленном порядке, санитарно-эпидемиологических заключений : приказ Роспотребнадзора от 18.07.2012 № 775. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.10.2017 по делу № А40-23729/2017. URL : <http://kad.arbitr.ru/Card/220f88f7-4372-437d-b67f-351456d2b914> (дата обращения: 01.08.2018).
10. Похмелкин В. В. Проект Федерального закона № 64090-3 «Об административных процедурах» // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина. Вып. : Адм. процедуры. 2016. № 5 (21). С. 15–56.
11. Проект № 917598-6 «Кодекс Российской Федерации об административной ответственности» : внесен депутатом Государственной думы А. А. Агеевым. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Проект № 957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» : внесен депутатами Государственной Думы В. А. Васильевым, В. Н. Плигиным, С. А. Поповым, Д. Ф. Вяткиным, В. А. Поневежским. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Рогачева О. С. От административных регламентов к административным процедурам: постановка задачи и пути ее практической реализации // Адм. право и процесс. 2013. № 6. С. 48–52.

14. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР // Административное право / под ред. А. Е. Лулева. М., 1967. 158 с.
15. Слюсарева Т. Г. Административное усмотрение в деятельности государственных служащих : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 192 с.
16. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008. 569 с.
17. Сорокин В. Д. Проблемы административного процесса. М., 1968. 144 с.
18. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права. М., 2002. Т. 1. 728 с.
19. Старостин С. А. Административный процесс как отрасль публичного права // Адм. право и процесс. 2017. № 4. С. 13–21.
20. Турубинер А. Проект Административного Устава // Адм. вестн. 1925. № 1. С. 31–40.
21. Филатова А. В. Организационно-правовые основы регламентации деятельности административных процедур контрольно-надзорной деятельности в области экономики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 39 с.

REFERENCES

1. Borodina E.H. Administrativnyj kodeks (po projektu NKVD) [Administrative Code (on the draft of the People's Commissariat of Internal Affairs)]. Adm. vestn – Administrative bulletin. 1925. Iss. 12. P. 13–20. (In Russ.).
2. Davydov K. V. Proekt Federal'nogo zakona «Ob administrativnyh procedurah i administrativnyh aktah v Rossijskoj Federacii» [Draft Federal Law «On Administrative Procedures and Administrative Acts in the Russian Federation»]. Vestn. Un-ta im. O. E. Kutafina. Vyp. : Adm. procedury – Bulletin of the University O. E. Kutafin. Iss. : Administrative Procedures. 2016. Iss. 5 (21). P. 57–92. (In Russ.).
3. ZHenetl' S. Z. Administrativnyj process i administrativnye procedury v usloviyah administrativnoj reformy : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Administrative process and administrative procedures in the conditions of administrative reform : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2009. 38 p. (In Russ.).
4. Ignat'ev V. Administrativnyj kodeks [Administrative Code]. Vlast' Sovetov – The power of the Soviets. 1923. Iss. 1–2. P. 27–33. (In Russ.).
5. Kostennikov M. V. Teoreticheskie problemy kodifikacii administrativnogo prava Rossii : monogr. [Theoretical problems of codification of administrative law of Russia : monograph]. Moscow, 2000. 185 p. (In Russ.).
6. Maslennikov M. YA. koncepciya Rossijskogo administrativno-processual'nogo kodeksa [The concept of the Russian Code of Administrative Procedure]. Rossijskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Nauchnye trudy. Vyp. 3. – Russian Academy of Juridical Sciences. Scientific works. Iss. 3. Moscow, 2000. Vol. 3. (In Russ.).
7. Maslennikov M. YA. Rossijskij administrativno-processual'nyj kodeks. Proekt [Russian Code of Administrative Procedure. Project]. Vestn. Evraz. akad. adm. nauk – Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2008. Iss. 4. P. 11–13. (In Russ.).
8. Ob utverzhenii Administrativnogo reglamenta Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitel'j i blagopoluchiyu cheloveka po predostavleniyu gosudarstvennoj uslugi po vydache na osnovanii rezul'tatov sanitarno-ehpidemiologicheskikh ehkspertiz, rassledovanij, obsledovanij, issledovanij, ispytanij i inyh vidov ocenok, oformlennyh v ustanovlennom poryadke, sanitarno-ehpidemiologicheskikh zaklyuchenij : prikaz Rospotrebnadzora ot 18.07.2012 № 775 [On the approval of the Administrative Regulations of the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Well-Being for Provision of State Extradition Service Based on the Results of Sanitary and Epidemiological Expertise, Investigations, Surveys, Studies, Trials and Other Types of Assessments Formed in the Established Procedure, Sanitary and Epidemiological conclusions : the order of Rospotrebnadzor from 18.07.2012 No. 775]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
9. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 18.10.2017 po delu № A40-23729/2017 [Decree of the Arbitration Court of the Moscow District from 18.10.2017 in case No. A40-23729/2017]. Available at: <http://kad.arbitr.ru/Card/220f88f7-4372-437d-b67f-351456d2b914> (accessed 01.08.2018). (In Russ.).
10. Pohmelkin V. V. Proekt Federal'nogo zakona № 64090-3 «Ob administrativnyh procedurah» [Draft Federal Law No. 64090-3 «On Administrative Procedures»]. Vestn. Un-ta im. O. E. Kutafina. Vyp. : Adm. procedury – Bulletin of the University O. E. Kutafin. Iss. : Administrative Procedures. 2016. Iss. 5 (21). P. 15–56. (In Russ.).
11. Proekt № 917598-6 «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnoj otvetstvennosti» : vnesen deputatom Gosudarstvennoj dumy A. A. Ageevym [Project No. 917598-6 «Code of the Russian Federation on Administrative Liability» : introduced by A. A. Ageyev, deputy of the State Duma]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
12. Proekt № 957581-6 «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» : vnesen deputatami Gosudarstvennoj Dumy V. A. Vasil'evym, V. N. Pliginym, S. A. Popovym, D. F. Vyatkinym, V. A. Ponevezhskim [Project No. 957581-6 «Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» : introduced by V. A. Vasiliev, V. N. Pligin, S. A. Popov, D. F. Vyatkin, V. A. Ponevezhsky, deputies of the State Duma]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
13. Rogacheva O. S. Ot administrativnyh reglamentov k administrativnym proceduram: postanovka zadachi i puti ee prakticheskoj realizacii [From administrative regulations to administrative procedures: setting the task and ways of its practical implementation]. Adm. pravo i process – Administrative Law and Process. 2013. Iss. 6. P. 48–52. (In Russ.).
14. Salishcheva N. G. Administrativnyj process v SSSR [The administrative process in the USSR]. Administrativnoe pravo / pod red. A. E. Luneva – Administrative Law : ed. by A. E. Lunev. Moscow, 1967. 158 p. (In Russ.).
15. Slyusareva T. G. Administrativnoe usmotrenie v deyatel'nosti gosudarstvennyh sluzhashchih : dis. ... kand. jurid. nauk [Administrative discretion in the activities of civil servants : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2013. 192 p. (In Russ.).
16. Sorokin V. D. Administrativno-processual'noe pravo : ucheb. 2-e izd., pererab. i dop. [Administrative Procedural Law : textbook : second ed., rev. and add.]. St. Petersburg, 2008. 569 c. (In Russ.).
17. Sorokin V. D. Problemy administrativnogo processa [Problems of the administrative process]. Moscow, 1968. 144 p. (In Russ.).
18. Starilov YU. N. Kurs obshchego administrativnogo prava [General Administrative Law Course]. Moscow, 2002. Vol. 1. 728 p. (In Russ.).
19. Starostin S. A. Administrativnyj process kak otrasl' pубличного права [Administrative process as a branch of public law]. Adm. pravo i process – Administrative Law and Process. 2017. Iss. 4. P. 13–21. (In Russ.).
20. Turubiner A. Proekt Administrativnogo Ustava [Draft Administrative Charter]. Adm. vestn. – Administrative bulletin. 1925. Iss. 1. P. 31–40. (In Russ.).
21. Filatova A. V. Organizacionno-pravovye osnovy reglamentacii deyatel'nosti administrativnyh procedur kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v oblasti ehkonomiki : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Organizational and legal basis for regulating the activities of administrative procedures for supervisory and supervisory activities in the field of economics : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Law]. Saratov, 2010. 39 p. (In Russ.).

Служба в уголовно-исполнительной системе как вид государственной службы

С. В. ЗАВИТОВА – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

С. В. ПЕРОВ – заместитель директора Института прокуратуры Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Государственная служба призвана обеспечить успешное выполнение государством своих функций. Служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы является разновидностью государственной службы Российской Федерации. В современной отечественной науке административного права вопрос о месте, которое занимает служба в уголовно-исполнительной системе в общей системе государственно-служебных отношений, остается дискуссионным и целиком не исследованным.

В целях выявления специфики данной службы в статье рассматриваются различные точки зрения на понятие «государственная служба». Определяется специфика службы по сравнению с другими видами деятельности, которая заключается в том, что служащий в процессе своей работы обычно не создает материальных ценностей и не оказывает хозяйственных услуг. Объект воздействия служащего – это сознание и поведение людей. Авторами выделяются и анализируются признаки государственной службы.

Служба в уголовно-исполнительной системе в соответствии с действующим законодательством отнесена к службе иных видов наряду с государственной гражданской и военной службой. Она представляет собой федеральную государственную службу, что вытекает из тех функций государства, на осуществление которых направлена деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (исполнение уголовных наказаний).

В статье подробно рассмотрены особенности службы в уголовно-исполнительной системе, которые характеризуются объектом воздействия, подчеркиваются ее милитаризованный характер, локальность и полифункциональность.

Ключевые слова: государственная служба; служба в уголовно-исполнительной системе; сотрудник уголовно-исполнительной системы; правоохранительная служба; система государственной службы; учреждения и органы уголовно-исполнительной системы.

Service in the penal system as a type of public service

S. V. ZAVITOVA – Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

S. V. PEROV – Deputy Director of the Institute of Prosecutor's office of the Moscow State Law O. E. Kutafin University (MSAL), PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The state service is due to ensure the successful performance by the state of its functions. The service in the institutions and bodies of the penal system is a variation of the public service of the Russian Federation. In the modern domestic science of administrative law the question of the place occupied by the service in the penal system in the general system of state-service relations remains controversial and has not been fully explored.

In order to identify the specifics of the service in the penal system the article considers various points of view on the concept of «public service». Specificity of the service is determined in comparison with other activities, which consists in the fact that the employee in the course of his work usually does not create material values and does not

provide economic services. The object of the employee's influence is the consciousness and behavior of people. The authors singled out and analyzed the signs of the civil service.

Service in the penal system in accordance with the current legislation is assigned to the service of other types along with the state civil and military service. It is a federal public service, which follows from those functions of the state, for the implementation of which the activities of the institutions and bodies of the penal system are directed (execution of criminal penalties).

The article details the features of the service in the penal system, which are characterized by the object of influence, emphasize its militarized nature, locality and polyfunctionality.

Key words: public service; service in the penal system; employee of the penal system; law enforcement service; system of public service; institutions and bodies of the penal system.

Государственная служба является одним из важнейших условий успешного выполнения государством своих функций. Государство сильно прежде всего своей четко организованной и высокоэффективной государственной службой, которая является связующим звеном между государством и гражданским обществом.

Цели государственной службы состоят в упорядочении и повышении эффективности процессов формирования и реализации государственной власти и управления. Главный критерий выделения сущности данной службы заключен в ее основном предназначении – профессионально выполнять и компетентно реализовывать функции государственного управления [9].

Служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы является разновидностью государственной службы Российской Федерации. Для определения сущности службы в уголовно-исполнительной системе необходимо проанализировать родовое понятие.

Государственная служба является одной из ключевых категорий административного права. Посредством ее реализуются функции государства. При этом она выступает движущей и направляющей силой в деятельности органов власти [8].

С. И. Ожегов определяет службу как работу, занятия служащего, а также место его работы. Соответственно, «служащий – это лицо, работающее по найму в различных областях умственного труда, а служить – значит нести, исполнять службу; делать что-нибудь для кого-нибудь, выполнять чью-нибудь волю, приказание, направлять свою деятельность на чью-либо пользу» [16].

В. М. Манохин характеризует службу как «профессиональную деятельность определенного контингента – служащих – по организации исполнения и практической реализации полномочий государственных, общественных и других социальных структур» [8]. Как отмечает В. А. Козбаненко,

«служба в обобщенном понимании рассматривается как один из видов оплачиваемой профессиональной деятельности людей, в которой заинтересовано общество» [5].

Следует согласиться с мнением М. В. Преснякова и С. Е. Чаннова, которые считают, что специфика службы по сравнению с другими видами деятельности заключается в том, что служащий в процессе своей работы обычно не создает материальных ценностей и не оказывает хозяйственных услуг. Объект воздействия служащего иной – сознание и поведение людей. Врач лечит, преподаватель учит, государственный чиновник управляет – все они являются служащими [18].

Следовательно, государственной службой является тот вид социальной службы, который осуществляется в органах государственной власти. По своей природе государственная служба представляет особого рода деятельность, обладающую рядом специфических черт.

Во-первых, ее отличительным признаком является объект воздействия. Объектом воздействия служащих является человек [18]. Специфика деятельности служащего состоит в том, что он непосредственно не создает материальных ценностей, но обеспечивает условия для материального производства, у него особый предмет труда – информация, которую он собирает, обрабатывает, хранит, создает. Указанная информация и выступает средством воздействия на человека.

Во-вторых, всякая деятельность предполагает определенную цель. Целью государственной службы является обеспечение исполнения полномочий Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов, субъектов Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих должности, устанавливаемые

Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов, лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации.

В-третьих, деятельность государственных служащих осуществляется на профессиональной основе. Данная особенность получила закрепление в законодательной формулировке государственной службы. Согласно ст. 1 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [11] государственная служба – это профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации.

Следует отметить, что сущность такого сложного правового феномена, как государственная служба, не ограничивается профессиональной служебной деятельностью. Это лишь одна ее сторона. Существуют и другие аспекты. Государственная служба – это не только деятельность осуществляющих ее государственных служащих, но и сами эти служащие, а также внутриаппаратные отношения, связанные с организацией самой государственной службы [4].

Функции государства положены в основу классификации государственной службы, закрепленной в Федеральном законе «О системе государственной службы Российской Федерации». Тем самым законодатель подчеркивает публично-правовую природу государственной службы. Согласно ст. 2 указанного закона система государственной службы Российской Федерации включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу, государственную службу иных видов. Как справедливо отмечает А. Ф. Ноздрачев, вид государственной службы представляет собой «специализацию, которая обусловлена уровнем, целями и функциями соответствующего государственного органа и производна от них» [9].

Закон содержит определения каждого вида государственной службы. Государственная служба иных видов выделена в связи с принятием Федерального закона от 13.07.2015 № 262-ФЗ [10]. До этого закон предусматривал федеральную государственную службу правоохранительной службы.

Необходимость внесения изменений была обусловлена тем, что применение понятия «правоохранительная служба» явля-

лось одной из существенных проблем. Работа над проектом федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации» велась более десяти лет, но так и не была доведена до конца. Анализ законодательства Российской Федерации показывает, что в законах отсутствует определение понятия «правоохранительный орган», не установлены критерии и признаки, которым он должен отвечать, а также не перечислены государственные органы, которые являются правоохранительными. Как указывается в разъяснении Государственной Думы Российской Федерации, исключение из законодательства понятия правоохранительной службы соответствует зарубежному опыту, который идет не столько по пути принятия общих законов, сколько по пути создания актов по каждому виду правоохранительной службы [19].

В настоящее время приняты федеральные законы, регламентирующие службу в органах внутренних дел [12], федеральной противопожарной службе [15], таможенных органах [13], уголовно-исполнительной системе [14].

Согласно ст. 1 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” (далее – закон о службе в уголовно-исполнительной системе) служба в уголовно-исполнительной системе – это вид федеральной государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, а также на должностях, не являющихся должностями в уголовно-исполнительной системе, в случаях и на условиях, которые предусмотрены настоящим федеральным законом, другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации.

Из определения следует, что данная служба относится к федеральной государственной службе. Это также вытекает из тех функций государства, на осуществление которых направлена деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Согласно ст. 16 УИК РФ главной целью функционирования пенитенциарной системы является исполнение уголовных наказаний.

Деятельность учреждений, исполняющих уголовные наказания, обладает рядом специфических признаков, которые сказываются на служебных отношениях.

Во-первых, несмотря на гуманизацию исполнения уголовных наказаний, которая стала в последнее время центральной линией реформирования ФСИН России, для системы исполнения уголовных наказаний характерно наличие кары как составного компонента уголовного наказания. Как отмечал В. М. Анисимков, «наказание в виде лишения свободы должно внушать определенный страх, отличаться известной репрессивностью» [2]. УИК РФ одним из основных средств исправления осужденных признает режим отбывания наказания. Согласно ст. 82 УИК РФ режим в исправительных учреждениях – это установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания. Следовательно, существенное влияние на выполнение должностных обязанностей сотрудниками оказывает режим исправительного учреждения, в котором они проходят службу.

Данная особенность службы позволяет отграничить ее от других разновидностей правоохранительной службы.

Основная группа, выступающая объектом воздействия со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы, – это осужденные, то есть лица, совершившие общественно опасные деяния. По состоянию на 1 июля 2018 г., согласно официальным статистическим данным, приведенным на сайте ФСИН России, в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 590 635 чел. (–11 541 чел. к 1 января 2018 г.). Следует отметить, что хотя и наблюдается снижение количества осужденных в местах лишения свободы, но их численность остается достаточно большой.

По данным Научно-исследовательского института информационных технологий ФСИН России, имеются факты нападения на

сотрудников со стороны осужденных. Так, в 2017 г. выявлено 174 случая посягательств на жизнь и здоровье персонала учреждений, из них 46 с причинением вреда здоровью [17]. Это усиливает психоэмоциональное напряжение, что в дальнейшем определяет требования к сотрудникам, а также психологическому обеспечению их служебной деятельности.

Во-вторых, служба в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы носит милитаризованный характер и обладает свойственными военизированным органам признаками.

Д. Н. Бахрах выделяет 15 признаков, присущих милитаризованной службе:

- осуществление в основном охранительной деятельности;
- использование огнестрельного и иного оружия;
- осуществление долга служащими в условиях, опасных для жизни и здоровья;
- обязательная дактилоскопическая регистрация служащих;
- служба в воинских подразделениях и иных строевых подразделениях;
- обязательные занятия по физической и строевой подготовке;
- повышенные требования к состоянию здоровья;
- предельный возраст пребывания на милитаризованной службе;
- присвоение воинских и специальных званий;
- строгая дисциплина и единоначалие;
- специальная форма, особые знаки различия и четкие правила использования символики службы;
- нахождение на службе, когда не занимают должности (нахождение в распоряжении);
- отсутствие права заниматься другой оплачиваемой деятельностью (кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности);
- особый порядок привлечения к ответственности за совершение административных правонарушений (ст. 2.5 КоАП РФ);
- социальные гарантии [3].

Анализ законодательства, регулирующего службу в уголовно-исполнительной системе, позволяет сделать вывод, что все перечисленные признаки ей присущи.

В определенной мере рассматриваемая черта службы обусловлена исторически, поскольку длительное время учреждения, исполняющие уголовные наказания, входили в структуру органов внутренних дел.

В-третьих, одной из основных целей функционирования системы исполнения уголовных наказаний является ресоциализация осужденных, то есть возвращение в общество правопослушных граждан. Данная цель определяет характер воздействия, оказываемого сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы на осужденных. Деятельность всего коллектива исправительного учреждения направлена на исправление осужденных. Организация исправительного процесса возложена на воспитательные подразделения, однако не только их представители (начальники отряда, воспитатели), а каждый сотрудник должен своим поведением способствовать формированию у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям социума. Осуществление исправительного воздействия на осужденных – служебный долг каждого сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Следует отметить, что в последнее время в отечественной уголовно-исполнительной политике особое место отводится реализации такого ее принципа, как гуманизм. Он проявляется в стратегическом ориентировании пенитенциарной практики на общую гуманизацию условий отбывания наказаний, приближение условий жизни осужденных к условиям жизни на свободе, обеспечение приоритета цели ресоциализации по отношению к превентивным и репрессивным целям наказания.

В-четвертых, характерной чертой службы в уголовно-исполнительной системе является ее прохождение на должностях рядового, младшего, среднего и старшего начальствующего составов, устанавливаемых министром юстиции, а также на должностях высшего начальствующего состава, устанавливаемых Президентом Российской Федерации.

В-пятых, служба в уголовно-исполнительной системе основана на принципе единоначалия и субординации. Традиционно принцип единоначалия относят к организации и деятельности военных и правоохранительных структур. Единоначалие заключается в наделении начальника всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности возглавляемого им государственного органа, подразделения и каждого сотрудника. Единоначалие выражается в праве начальника

исходя из всесторонней оценки обстановки единолично принимать решения, отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение [6].

Попытки определения понятия принципа единоначалия предпринимаются в науке управления и юридической науке. С точки зрения науки управления, оно состоит в том, что во главе органа управления находится субъект, который наделен правом единоличного решения вопросов руководства органом или системой, – единоначальный руководитель [7].

Единоначалие есть правовой принцип управления государственной службы, деятельности государственных органов, означающий персональную ответственность руководителя за принятие решения, наличие системы субординации (подчиненности) между начальниками и подчиненными.

Субординация представляет собой систему служебных отношений, связанных с иерархией. Статья 12 закона о службе в уголовно-исполнительной системе закрепляет, что сотрудник обязан соблюдать субординацию, то есть обращаться по служебным вопросам к своему непосредственному руководителю (начальнику), а при необходимости и к прямому руководителю (начальнику), поставив при этом в известность непосредственного руководителя (начальника). Таким образом, принцип субординации в служебных отношениях получил законодательное закрепление.

К особенностям службы в уголовно-исполнительной системе помимо выше-названных следует относить локальность (деятельность органов, исполняющих наказания, в основном носит территориально и процедурно очерченный характер), полифункциональность, удаленность от культурно-индустриальных центров, наличие экстремальных условий функционирования [1].

Таким образом, служба в уголовно-исполнительной системе является особым видом федеральной государственной службы и входит в систему государственной службы, закрепленную законом. Сущность службы заключается в общественных отношениях, возникающих в связи с профессиональной деятельностью граждан по обеспечению исполнения полномочий ФСИН России в сфере исполнения уголовных наказаний. В целом государственную службу в уголовно-исполнительной системе следует определить как вид государственной федеральной службы, представляющий собой професси-

ональную служебную деятельность граждан на должностях учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, по испол-

нению полномочий Федеральной службы исполнения наказаний. Таким гражданам присваиваются специальные звания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов А. А. Управление органами, исполняющими наказания : учеб. пособие. Рязань, 1989. 107 с.
2. Анисимков В. М. Реформа системы управления органами, исполняющими наказания в виде лишения свободы: теоретические основы и механизм реализации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 445 с.
3. Бахрах Д. Н. Административное право России : учеб. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 624 с.
4. Гришкoveц А. А. Проблемы правового регулирования и организации государственной гражданской службы в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 539 с.
5. Козбаненко В. А. Основы государственной службы и кадровой политики Российской Федерации. М., 1999. 520 с.
6. Комиссаров А. В., Миняйленко Н. Н. Принцип единоначалия в деятельности органов военного управления внутренних войск (теоретико-правовой аспект) // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 9. С. 7–11.
7. Маилан С. С. Подготовка и принятие управленческих решений в органах внутренних дел: опыт системного исследования групповых форм. М., 2000. 159 с.
8. Манохин В. М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997. 296 с.
9. Ноздрачев А. Ф. Государственная служба : учеб. М., 1999. 592 с.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» : федер. закон от 13.07.2015 № 262-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4388.
11. О системе государственной службы Российской Федерации : федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.
12. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
13. О службе в таможенных органах Российской Федерации : федер. закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30. Ст. 3586.
14. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : федер. закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.07.2018.
15. О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 22. Ст. 3089.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. 736 с.
17. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 358 с.
18. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Административно-правовое регулирование служебных отношений: теория и практика / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов, 2008. 412 с.
19. Разъяснение Комитета об исключении из системы государственной службы «правоохранительной службы» и включении в нее «государственной службы иных видов» от 06.07.2016. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71336310/#ixzz4b3EfBLO6> (дата обращения: 20.04.2017).

REFERENCES

1. Aksenov A. A. Upravlenie organami, ispolnyayushchimi nakazaniya : ucheb. posobie [Management of the executing punishment bodies : tutorial]. Ryazan, 1989. 107 p. (In Russ.).
2. Anisimkov V. M. Reforma sistemy upravleniya organami, ispolnyayushchimi nakazaniya v vide lisheniya svobody: teoreticheskie osnovy i mekhanizm realizacii : dis. ... d-ra yurid. nauk [Reform of the management system of organs executing punishment in the form of deprivation of liberty: theoretical foundations and implementation mechanism : the diss. ... Dsc. In Law]. Moscow, 1994. 445 p. (In Russ.).
3. Bahrah D. N. Administrativnoe pravo Rossii : ucheb. 6-e izd., pererab. i dop. [Administrative Law of Russia : textbook : sixth ed., rev. and add.]. Moscow, 2011. 624 pp. (In Russ.).
4. Grishkovec A. A. Problemy pravovogo regulirovaniya i organizacii gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby v Rossijskoj Federacii : dis. ... d-ra yurid. nauk [Problems of legal regulation and organization of civil service in the Russian Federation : the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2004. 539 p. (In Russ.).
5. Kozbanenko V. A. Osnovy gosudarstvennoj sluzhby i kadrovoj politiki Rossijskoj Federacii [Fundamentals of public service and personnel policy of the Russian Federation]. Moscow, 1999. 520 p. (In Russ.).
6. Komissarov A. V., Minyajlenko N. N. Princip edinonachaliya v deyatel'nosti organov voennogo upravleniya vnutrennih vojsk (teoretiko-pravovoj aspekt) [The principle of one-man management in the activities of the military command and control agencies of the internal troops (the theoretical and legal aspect)]. Pravo v Vooruzhennyh Silah – The law in the Armed Forces. 2015. Iss. 9. P. 7–11. (In Russ.).
7. Mailan S. S. Podgotovka i prinyatie upravlencheskih reshenij v organah vnutrennih del: opyt sistemnogo issledovaniya gruppovyh form [Preparation and adoption of managerial decisions in the bodies of internal affairs: the experience of systematic study of group forms]. Moscow, 2000. 159 p. (In Russ.).
8. Manohin V. M. Sluzhba i sluzhashchij v Rossijskoj Federacii: pravovoe regulirovanie [Service and employee in the Russian Federation: legal regulation]. Moscow, 1997. 296 p. (In Russ.).
9. Nozdachev A. F. Gosudarstvennaya sluzhba : ucheb. [Government Service : textbook]. M., 1999. 592 p. (In Russ.).
10. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti utocneniya vidov gosudarstvennoj sluzhby i priznanii utrativshej silu chasti 19 stat'i 323 Federal'nogo zakona «O tamozhennom regulirovanii v Rossijskoj Federacii» : feder. zakon ot 13.07.2015 № 262-FZ [On the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the specification of types of public service and the recognition of the part 19 of Article 323 of the Federal Law «On Customs Regulation in the Russian Federation» that has lost its validity : Federal Law from 13.07.2015

- No. 262-FL]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii* – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. Iss. 29 (part one). Art. 4388. (In Russ.).
11. O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 27.05.2003 № 58-FZ [About the system of public service of the Russian Federation : Federal Law from 27.05.2003 No. 58-FL]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii* – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. Iss. 22. Art. 2063. (In Russ.).
12. O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 30.11.2011 № 342-FZ (red. ot 01.07.2017) [On the service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation : Federal Law from 30.11.2011 № 342-FL (in red. on 01.07.2017)]. // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii* – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. Iss. 49 (part one). Art. 7020. (In Russ.).
13. O sluzhbe v tamozhennyh organah Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 21.07.1997 № 114-FZ (red. ot 01.07.2017) [On the service in the customs bodies of the Russian Federation : Federal Law from 21.07.1997 No. 114-FL (in red. on 01.07.2017)]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii* – Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. Iss. 30. Art. 3586. (In Russ.).
14. O sluzhbe v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovolnye nakazaniya v vide lisheniya svobody» : feder. zakon ot 19.07.2018 № 197-FZ [On service in the Penal system of the Russian Federation and on amending the Law of the Russian Federation «On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Prison» : Federal Law from 19.07.2018 No. 197-FL]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.19.2018. (In Russ.).
15. O sluzhbe v federal'noj protivopozharnoj sluzhbe Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 23.05.2016 № 141-FZ (red. ot 01.07.2017) [On service in the federal fire service of the State Fire Service and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation : Federal Law from 23.05.2016 No. 141-FL (in red. on 01.07.2017)]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii* – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. Iss. 22. Art. 3089. (In Russ.).
16. Ozhegov S. I., SHvedova N. YU. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1997. 736 p. (In Russ.).
17. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2017 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2017 : information-analytical collection]. Tver, 2018. 358 p. (In Russ.).
18. Presnyakov M. V., CHannov S. E. *Administrativno-pravovoe regulirovanie sluzhebnyh otnoshenij: teoriya i praktika / pod red. G. N. Komkovoj* [Administrative and legal regulation of official relations: theory and practice : ed. By G. N. Komkova]. Saratov, 2008. 412 p. (In Russ.).
19. Raz'yasnenie Komiteta ob isklyuchenii iz sistemy gosudarstvennoj sluzhby «pravoohranitel'noj sluzhby» i vklyuchenii v nee «gosudarstvennoj sluzhby inyh vidov» ot 06.07.2016. [Clarification of the Committee on the exclusion from the public service of «law enforcement service» and the inclusion in it of «public service of other types» from 06.07.2016]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71336310/#ixzz4b3EfBLO6> (accessed 20.04.2017). (In Russ.).

УДК 343.9

Виктимологическая характеристика преступных посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности

А. М. СМЕРНОВ – старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье на основании анализа научных трудов и результатов собственного исследования изложена виктимологическая характеристика преступных посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Потенциальной жертвой таких посягательств могут быть лица как женского, так и мужского пола независимо от их социального положения, чаще всего младше преступников по возрасту или их ровесники, обладающие повышенными виктимными признаками, обусловленными возможностью с ними совладать. Именно поэтому жертвами становятся лица, физически менее сильные, находящиеся в беспомощном состоянии, в силу чего не способные оказать сопротивление, легко поддающиеся психологическому воздействию, отличающиеся провоцирующим поведением, пребывающие в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Облегчает совершение рассматриваемых посягательств желание жертвы сохранить произошедшее с ней в тайне, особенно если насилие носило однополый характер. Лица женского пола чаще всего становятся жертвами сексуального насилия со стороны знакомых для них несовершеннолетних, лица мужского пола, наоборот, чаще подвергаются насилию со стороны незнакомых для них лиц. Исследование

показало, что сексуальное насилие, совершенное несовершеннолетними, не имеет однозначно негативных последствий, как об этом хочет (или привыкло) думать современное общество. Все зависит от конкретной сложившейся ситуации, характера производимых насильственных действий и уровня сексуального и психоэмоционального развития лица, на которого направлено такое насилие. Автор приходит к выводу, что изложенная в настоящей статье виктимологическая характеристика преступных посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности может оказать содействие в выявлении потенциальных жертв и выработке эффективных мер виктимологической профилактики данного негативного социального явления.

Ключевые слова: виктимология; виктимологическая характеристика; преступность несовершеннолетних; половая неприкосновенность; половая свобода.

Victimological characterization of criminal assaults of minors on sexual inviolability and sexual freedom of the individual

A. M. SMIRNOV – Senior Researcher of the Research Center-2 of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

In the article based on the analysis of scientific papers and the results of the own research a victimological description of criminal assaults of minors on sexual inviolability and sexual freedom of the individual is presented. Potential victims of such assaults can be both female and male, regardless of their social status, most often younger than criminals by age or their peers who have increased victim traits due to the ability to cope with them. That is why the victims are those who are physically less strong, in a helpless state, owing to which they are not capable of resisting, easily yielding to psychological influence, differing in provoking behavior, in the state of alcoholic or narcotic intoxication. It facilitates the fulfillment of the assaults considered the desire of the victim to keep the incident with her in secret, especially if the violence was of a same-sex nature. Females most often become victims of sexual violence from the acquaintances of minors, males, on the contrary, on the part of strangers unfamiliar to them. The study showed that sexual violence committed by minors does not have unequivocally negative consequences, as modern society wants to (or used to) think about it. Everything depends on the specific situation, the nature of the violent actions and the level of sexual and psycho-emotional development of the person to whom such violence is directed. The author comes to the conclusion that the victimological description of criminal assault of minors on sexual inviolability and sexual freedom of the person described in this article can help in identifying potential victims and in the development of effective measures of victimization of this negative social phenomenon.

Key words: victimology; victimological characteristics; juvenile delinquency; sexual inviolability; sexual freedom.

Преступность несовершеннолетних продолжает оставаться одной из актуальных тем криминологических исследований, поскольку криминальная активность данной возрастной группы уже давно стала явлением, имманентным не только для российского общества, но и всего мира. Она является основой для формирования взрослой преступности, а также указывает на несовершенство самого социума, в котором общественно опасные деяния совершаются детьми и подростками.

В рамках изучения преступности несовершеннолетних научный интерес вызывают преступные посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу

личности (половые преступления), доля которых в общей структуре преступности несовершеннолетних мала (по данным судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2017 г. она составляла 1,7 %), тем не менее совершение таких посягательств указывает на нахождение российского общества в кризисном социально-культурном положении, поскольку «криминальный секс» становится явлением, характерным для мировоззрения несовершеннолетних, и определяет их противоправную активность.

В криминологии разработано достаточное количество методологических подходов для изучения преступности, одним из ко-

торых является ее виктимологический анализ, направленный на понимание природы преступного поведения с позиции жертвы. Целью настоящей статьи стало изложение виктимологических аспектов посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности, которые были получены в результате анализа научной литературы, а также приговоров о привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности за совершение половых преступлений (выборка составила 63 осужденных, отбывавших наказания в воспитательных колониях в 2013–2015 гг.).

Согласно результатам нашего исследования доля несовершеннолетних, подвергшихся изнасилованию (ст. 131 УК РФ), была меньше доли подвергшихся насильственным мужеложству и иным действиям сексуального характера (ст. 132 УК РФ) (32,8 % и 67,2 % соответственно). Вместе с тем, по официальным данным Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, доля несовершеннолетних, осужденных по ст. 132 УК РФ, больше доли несовершеннолетних, осужденных по всем иным статьям, входящим в гл. 18 УК РФ (55,4 % и 44,6 % соответственно).

Анализ числа жертв сексуального насилия позволяет говорить о том, что в подавляющем большинстве случаев (78 %) потерпевшим выступал один человек. В иных случаях число жертв варьировалось от двух (18 %) до трех (4 %).

Как отмечают отдельные исследователи, жертвами сексуального насилия чаще всего являются лица, не достигшие четырнадцатилетнего [16] и шестнадцатилетнего возраста [6], выделяющиеся повышенными виктимными признаками. Так, согласно исследованиям С. В. Подгорной, малолетние девочки подвергаются сексуальным притязаниям преступного характера в два раза чаще, чем девушки, а малолетние мальчики – практически в шесть раз чаще, чем юноши [15].

Сексуальное насилие все чаще стало совершаться над лицами не только женского, но и мужского пола, независимо от их возраста и социального положения [3]. Некоторые исследователи [2; 7] и практика расследования и раскрытия преступлений сексуального характера свидетельствуют, что в последнее время в России отмечается значительный рост фактов гомосексуальных посягательств на несовершеннолетних мужского пола [18]. Данные зарубежных исследований также констатируют подобную негативную тенденцию [19].

По данным нашего исследования, среди жертв сексуального насилия несовершеннолетних 52,7 % составили лица женского пола и 47,3 % мужского. При этом 29,7 % жертв насильственных действия сексуального характера были лица женского пола и 70,3 % мужского.

Г. П. Краснюк по возрасту жертв половой преступности несовершеннолетних выделяет следующие группы: 1) дети в возрасте до 4 лет, которые не способны осознавать, кто и какие действия с ними совершает; 2) дети в возрасте от 4 до 8 лет, которые хотя могут объяснить, что было совершено с ними, но не осознают в этих действиях сексуальный контекст; 3) дети в возрасте от 9 до 14 лет, которые в достаточной степени осознают характер совершаемых с ними сексуальных действий [9].

Результаты нашего исследования указывают на то, что в большинстве случаев (85,1 %) сексуальные злоупотребления несовершеннолетних были совершены в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, что предусмотрено возрастом насильников. В 62,5 % случаев жертвы были моложе своих насильников, в 27,1 % – старше, и в 10,4 % они были сверстниками.

Жертвы сексуального насилия несовершеннолетних женского пола относились к различным возрастным группам с преобладанием лиц старше по возрасту (64 %) и сверстниц (29 %), тогда как жертвы однополю сексуального насилия несовершеннолетних в большинстве случаев (85,3 %) были моложе насильников, даже в случаях группового изнасилования.

Разница в возрасте между жертвами и субъектами сексуального насилия, совершаемого несовершеннолетними лицами, составила от 0 до 4 лет. Наибольшая доля – это жертвы, которые на два (22 %), четыре (14 %), три (10 %) и один год (8 %) моложе своих насильников. В 12 % случаев жертвами были их сверстники. Выбор несовершеннолетними своих жертв был обусловлен оценкой возможности с ними совладать, на что указало большинство респондентов (1/3).

Избрание несовершеннолетними возраста жертвы полового преступления было предусмотрено и иными причинами. Так, определяющую роль играли возрастные предпочтения насильников (например, 10,3 % указало, что они испытывают симпатию к лицам более старшего возраста, а для 7,7 %, наоборот, были привлекательны лица моложе их). Среди других причин мож-

но указать: определение выбора жертвы старшим членом группы при групповом сексуальном насилии; отсутствие информации о возрасте жертвы; случайное стечение обстоятельств (например, жертва просто «попалась под руку» в момент возникновения сексуального возбуждения и потребности «разрядиться»).

В силу указанных обстоятельств около 2/3 жертв сексуального насилия несовершеннолетних смогли защититься от противоправных действий, 17,5 % не стали оказывать сопротивление, поскольку понимали, что физически не способны к этому, а 19 % решили, что все равно проиграют. Вызывает интерес то обстоятельство, что, по словам насильников, 17,5 % их жертв не оказывали никакого сопротивления, потому что все происходило по обоюдному согласию, однако потом жертвы сообщали о случившемся как об изнасиловании.

Сексуальное насилие несовершеннолетних над лицами более старшего возраста всегда имело либо групповой характер (при этом в группе присутствовали взрослые), либо ему предшествовало введение жертвы в беспомощное состояние посредством употребления алкогольных напитков или наркотических средств.

Некоторые исследователи при анализе обстоятельств сексуального насилия над мальчиками выделяют ряд типичных для этих деяний виктимологических признаков: неожиданное нападение, относительно нетрудное преодоление сопротивления со стороны жертвы, обеспечение полного подчинения жертвы насильнику, желание жертвы сохранить произошедшее с ней в тайне от всех.

Также исследователями выявлены различия между сексуальными посягательствами криминального характера на подростков и детей разной половой принадлежности. Так, несовершеннолетние женского пола наиболее часто становятся жертвами нападения со стороны группы знакомых для них подростков одного с ними возраста или старше. Для несовершеннолетних же мужского пола наиболее высока вероятность подвергнуться сексуальному насилию со стороны незнакомого подростка, находящегося в более старшем возрасте.

Чаще всего сексуальное насилие несовершеннолетних над девочками обусловлено виктимным поведением последних (ряд неосторожных и необдуманных действий, облегчающих совершение полового преступления), что связано с их знакомством с пре-

ступником или преступниками. Поведение мальчиков перед сексуальным насилием над ними со стороны несовершеннолетних не отличается виктимностью, однако совершение насилия облегчается внезапностью нападения и случайностью выбора жертвы, которая в силу этого не готова к защитным действиям [20].

Результаты нашего исследования указывают на то, что несовершеннолетние жертвы половых преступлений несовершеннолетних, особенно мальчики, только в единичных случаях сообщали о совершенном над ними сексуальном насилии. Это было обусловлено тем, что жертвы испытывают большой стыд от произошедшего с ними. При этом чувство собственного достоинства, стремление соответствовать мужским гендерным признакам не позволяют им признаться в совершенном над ними надругательстве, тайность которого еще больше обеспечивается уровнем интеллектуального развития несовершеннолетних, которые не понимают неправомочность и аморальность осуществленных в отношении них посягательств. В сложившейся ситуации они стремятся полагаться только на собственные силы и возможности. Вместе с тем ограниченность выработанных личностных физических ресурсов, индивидуально-психологических особенностей (личностная и эмоциональная незрелость, боязливость, застенчивость, нерешительность, преобладание иных сдерживающих черт характера), а также отсутствие навыков найти конструктивный выход из складывающейся ситуации в купе с рядом объективных обстоятельств (физическое воздействие, действие посягающих в группе, избрание насильниками места преступления, где исключено появление свидетелей) становятся причиной того, что сексуальные злоупотребления несовершеннолетних над несовершеннолетними приобретают пролонгированный характер. При этом чем продолжительнее по времени такое злоупотребление, тем сложнее их жертвам рассказать о происходящем с ними, поскольку это усугубляется не только необходимостью публичного признания факта сексуальных надругательств, но и их регулярности и неоднократности.

Немаловажную роль при избрании несовершеннолетними жертв своих сексуальных преступлений играли психологические особенности их возраста, связанные с отсутствием способности понимать характер и значение осуществляемых в их отношении

противоправных сексуальных действий, и, как следствие, отсутствием необходимости в оказании сопротивления виновному в происходящей ситуации [1].

Исследования в области судебной психиатрии указывают на то, что практически всем детям свойственны такие возрастные особенности психики непатологического характера, как повышенная внушаемость, избирательность внимания, предрасположенность к подчиняемости, стремление к фантазированию и игровая направленность интересов, недостаточно развитая долговременная память. Данные особенности в совокупности с неосведомленностью в вопросах половых взаимоотношений, отсутствие достаточного жизненного опыта приводят к неумению критически оценить и всесторонне осмыслить происходящую в их отношении ситуацию [14].

По мнению исследователей, это можно объяснить тем, что некоторые психологические особенности несовершеннолетнего возраста, например физическая слабость, повышенная внушаемость, доверчивость, изрядное любопытство, отсутствие навыков адекватного реагирования на быструю смену ситуаций, несоответствие физического и психического развития, доминирование процессов, возбуждающих психическое состояние, над процессами, тормозящими его, и т. д., способствуют более быстрой виктимизации будущих потенциальных жертв сексуального насилия несовершеннолетних [3; 11]. Так, не вызывает сомнений наличие у девочек в возрасте до 10 лет неспособности осознавать значение и характер совершаемых с ними действий [8].

Однако существуют и иные дискуссионные точки зрения по поводу психологической характеристики жертв половых преступлений несовершеннолетних. Так, например, С. В. Подгорная отмечает, что психологические исследования потерпевших от сексуального насилия несовершеннолетних в большинстве случаев указывают на отсутствие у них признаков повышенной внушаемости, предрасположенности к фантазированию, конструированию произошедших событий на основе домыслов, что позволяет давать им вполне реальные показания. С учетом современного развития общества их возраст чаще всего позволял им понимать характер совершаемых в их отношении противоправных действий в силу достаточной осведомленности в вопросах сексуальной жизни и взаимодействия полов [15].

По мнению Ф. С. Сафуанова, сохранению способности потерпевших понимать пред-

назначение и характер совершаемых с ними насильственных сексуальных действий способствуют многие психологические факторы, взаимодействующие со специфическими особенностями криминальной ситуации:

1) уровень психического развития несовершеннолетнего, где важное значение имеет наличие знаний о половой сфере деятельности; 2) эмоциональное состояние потерпевшего, зависящее от, вероятно, возникших страха и аффекта, приводящих к дезорганизации его волевого поведения, уменьшающей потенциальную возможность понимания происходящих вокруг него процессов, осознания смысла и значения как собственных поступков, так и характер действий насильника (насильников) [17].

В связи с изложенным становится очевидным то обстоятельство, что виктимное поведение жертв сексуального насилия несовершеннолетних многоаспектно в своих проявлениях – от пассивно-подчиняемого до активно-провоцирующего, предопределенного особенностями личности потерпевшего, действиями преступника, предшествующих совершению такого насилия, и специфики предкриминальной или криминальной ситуации.

Психологическая устойчивость потерпевших от половых посягательств несовершеннолетних как к физическому воздействию, так и к угрозам его применения со стороны насильника и пассивность/активность к совершению защитных действий находятся в непосредственной зависимости от индивидуально-психологических свойств потерпевших, их психо-эмоционального состояния в ходе совершения преступных действий и степени осознания опасности, которую они создают. Имели место случаи, когда жертвы не оказывали никакого сопротивления только вследствие угроз правонарушителя о применении физического насилия. Отсутствие даже попыток сопротивления формирует у преступника убеждение, что жертва сама хочет вступить с ним в сексуальный контакт и не отрицает его потенциальной возможности. Подобные случаи отдельные авторы причисляют к беспомощному состоянию потерпевшего, находящегося в ситуации деликта, юридический критерий которого предполагает осознание жертвой юридически значимых событий (интеллектуальный компонент) и произвольную регуляцию ее поведения относительно этого (волевой компонент) [1].

Достаточно сильно упрощает совершение несовершеннолетними сексуального насилия состояние опьянения жертвы, что

практически всегда предопределяет ее виктимологическое состояние. Так, в состоянии опьянения подверглись преступному посягательству 46,8 % жертв сексуального насилия лиц, не достигших совершеннолетия. Интересным является то обстоятельство, что 84,7 % из них употребляли алкогольные напитки совместно с будущим несовершеннолетним насильником [12]. Каждая десятая потерпевшая перед совершением в отношении ее сексуального посягательства находилась под воздействием алкогольсодержащих напитков, 7 % употребляли данные напитки в компании с насильником [4]. По данным Г. Б. Дерягина, около 25 % случаев оконченных изнасилований в России происходит благодаря нахождению жертвы в беспомощном состоянии, причиной которого чаще всего являлось сильное алкогольное опьянение. Имеют место случаи сексуального насилия в ситуации глубокого медикаментозного сна или даже комы жертвы в силу употребления жертвой подмешанных к напиткам или пище определенных фармакологических веществ [10]. Разность сведений о нахождении жертв сексуального насилия со стороны несовершеннолетних указывает на отсутствие прямой зависимости состояния опьянения и процесса виктимизации жертв такого насилия, хотя отрицать такую зависимость нельзя.

По данным его исследования, в одурманенном состоянии или в состоянии опьянения находилось около половины лиц, потерпевших от сексуального насилия несовершеннолетних. Из них 37 % находились в состоянии алкогольного опьянения, 8,7 % – под воздействием токсических и 4,3 % – наркотических веществ и препаратов.

Отрицательное предкриминальное поведение всегда выступало значимым виктимогенным фактором. Не являются исключением и половые преступления. Хотя и здесь мнения ученых неоднозначны.

Так, одними исследователями установлено, что провоцирующее поведение жертвы, детерминирующее сексуальное насилие, характерно для незначительной доли таких преступлений. Это обстоятельство можно объяснить возрастанием числа актов сексуального насилия, совершаемых внезапно, и в связи с этим несвязанностью их с предшествующим поведением жертвы или ее субъективными качествами [5]. В большинстве случаев поведение жертв не являлось провоцирующим и не имело каких-либо объективных предпосылок для проявления сексуальной агрессии [13]. Вместе с тем другие исследователи, указывают на то,

что немалая часть актов сексуального насилия со стороны несовершеннолетних стала возможной благодаря непосредственному взаимодействию преступника и жертвы в конфликтной ситуации, поэтому очевидна роль личности и ее действий (бездействий) в механизме преступного поведения.

Наше исследование показало, что 27 % жертв сексуальных злоупотреблений несовершеннолетних отличались провоцирующим и сексуально доступным поведением.

Анализ взаимосвязей и взаимоотношений, сложившихся между несовершеннолетними сексуальными насильниками и их жертвами, свидетельствует, что чаще всего знакомство между ними происходит случайно, практически перед совершением полового посягательства и их взаимоотношения развиваются в сфере обоюдного времяпрепровождения [12]. Это подтверждается и исследованиями иных авторов, согласно которым большая часть (86,6 %) жертв сексуального насилия несовершеннолетних находилась с ними в социальных связях. Вместе с тем характер этих связей указывает на то, что основную долю (53,8 % от общего числа таких связей) составляло случайное знакомство, причем возникшее, как правило, незадолго до совершения полового преступления. Отсутствие какого-либо предварительного взаимодействия со своими насильниками наблюдалось чаще всего среди жертв неожиданных нападений, а также у лиц мужского пола, ставших жертвами однополого группового насилия [12].

По данным нашего исследования, только в 1/3 преступных сексуальных злоупотреблений несовершеннолетний насильник и его жертва были так или иначе знакомы друг с другом. Даже если знакомство между ними имело случайный характер, оно отличалось позитивным развитием. Конфликтность, неприязненность между будущим потенциальным насильником и ее жертвой имели место быть только в 12 % случаев.

Пережитое сексуальное насилие, особенно если оно было совершено над несовершеннолетними, оказывает негативное влияние на всю их дальнейшую жизнь, влияет на формирование характера и развитие личности, физическое и психическое здоровье, что является весьма значимым криминогенным и виктимогенным фактором. Это подтверждается многими научными исследованиями в области криминологии, виктимологии, психологии, подростковой и детской психиатрии, а также сексопатологии. Доказано, что пережитое сексуальное насилие может оказать достаточно сильное влияние на формирова-

ние агрессивности, жестокости, импульсивности, на саморазрушение личности, ее последующую алкоголизацию и наркотизацию, что в дальнейшем может выступать одной из детерминант криминального поведения жертв, не нашедших адекватных приемов и способов пережить совершенное над ними насилие. В результате такого искаженного психосексуального развития может произойти нарушение сексуального поведения, что, по мнению отдельных исследователей, может привести к занятию проституцией, формированию различных сексуальных девиаций, что не исключает повторную виктимизацию данных жертв. Кроме того, у таких лиц во взрослой жизни могут развиваться педофильные наклонности [2].

На основании изложенного можно утверждать, что сексуальное насилие, совер-

шенное лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, не имеет однозначно негативных последствий, как об этом хочет (или привыкло) думать современное общество. Все зависит от конкретной сложившейся ситуации, характера производимых насильственных действий и уровня сексуального и психоэмоционального развития лица, на которого направлено сексуальное насилие.

Представленная виктимологическая характеристика преступных посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности может оказать содействие в выявлении потенциальных жертв данных посягательств и выработать эффективные меры виктимологической профилактики этого негативного социального явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васкэ Е. В., Сафуанов Ф. С. Психолого-правовая оценка беспомощного состояния несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия // Юрид. психология. 2009. № 3. С. 16–20.
2. Гусева О. Н. Педофильная виктимизация и виктимологическая профилактика педофильных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
3. Догадина М. А., Пережогин Л. О. Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация потерпевших // Вопр. ювенальн. юстиции. 2007. № 4, 5; 2008. № 2–5.
4. Дьяченко А. П. Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 342 с.
5. Журавлева Ю. В. Виктимологическая профилактика изнасилований : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
6. Затона Р. Е. Уголовно-правовые и криминологические аспекты ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 189 с.
7. Ковалева М. А. Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация: криминологические и уголовно-правовые аспекты, предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 183 с.
8. Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. 117 с.
9. Краснюк Г. П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 23 с.
10. Криминальная сексология / Г. Б. Дерягин и др. М., 2012. 399 с.
11. Минская В. С., Чечель Г. И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. 152 с.
12. Мощицкая Е. Ю. Виктимологическая характеристика сексуального насилия несовершеннолетних (по материалам Иркутской области) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 21 с.
13. Набойщиков Н. П. Действия сексуального характера, совершаемые в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, и проблемы их предупреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 22 с.
14. Печерникова Т. П., Морозова Н. Б. Клиника и судебно-психиатрическая оценка психогенных состояний у несовершеннолетних потерпевших // Судебно-мед. экспертиза. 1991. № 1. С. 43–45.
15. Подгорная С. В. Криминологическая характеристика несовершеннолетнего, ставшего жертвой сексуального посягательства // Рос. следователь. 2012. № 17. С. 33–36.
16. Полтарыгин Р. В. Особенности выявления у детей признаков перенесенного насилия // Рос. следователь. 2012. № 11. С. 7–9.
17. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 2014. 421 с.
18. Цымбал Е. И., Сафонова Т. Я., Курасова Н. В. Половые преступления против мальчиков. URL: <http://www.otrok.ru/medbook/listmed/mal.htm> (дата обращения: 19.07.2018).
19. Hunter J. A., Hazelwood R. R., Slesinger D. Juvenile-perpetrated sex crimes: patterns of offending and predictors of violence // Journal of Family Violence. 2000. Vol. 15. Iss. 1. P. 81–93.
20. Van Wijk A. Ph., Mali S. R. F., Bullens R. A. R. Juvenile sex-only and sex-plus offenders. An exploratory study on criminal profiles // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2007. Vol. 51. Iss. 4. P. 407–419.

REFERENCES

1. Vaskeh E. V., Safuanov F. S. Psihologo-pravovaya ocenka bespomoshchnogo sostoyaniya nesovershennoletnih poterpevshih ot seksual'nogo nasiliya [Psychological and legal assessment of helpless state of underage victims of sexual abuse]. YUrid. psihologiya – Juridical psychology. 2009. Iss. 3. P. 16–20. (In Russ.).
2. Guseva O. N. Pedofil'naya viktimizatsiya i viktimologicheskaya profilaktika pedofil'nyh prestuplenij : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Pedophilic victimization and victimological prevention of pedophile crimes : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2011. 23 p. (In Russ.).

3. Dogadina M. A., Perezhogin L. O. Seksual'noe nasilie nad det'mi. Vyyavlenie, profilaktika, reabilitaciya poterpevshih [Sexual abuse of children. Identification, prevention, rehabilitation of victims]. Vopr. yuvenal'n. yusticii – Questions of juvenile justice. 2007. Iss. 4, 5; 2008. Iss. 2–5. (In Russ.).
4. D'yachenko A. P. Ugolovno-pravovaya ohrana grazhdan ot prestuplenij v sfere seksual'nyh otnoshenij : dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminally-legal protection of citizens from crimes in the sphere of sexual relations : the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 1993. 342 p. (In Russ.).
5. ZHuravleva YU. V. Viktimologicheskaya profilaktika iznasilovanij : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Victimological prevention of rape : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.).
6. Zatona R. E. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty otvetstvennosti za polovoe snoshenie i inye dejstviya seksual'nogo haraktera s licom, ne dostigshim chetyrnadcatiletnego vozrasta : dis. ... kand. yurid. nauk [Criminally-legal and criminological aspects of responsibility for sexual intercourse and other acts of a sexual nature with a person under the age of fourteen : the diss. ... PhD. in Law]. Saratov, 2000. 189 p. (In Russ.).
7. Kovaleva M. A. Seksual'noe nasilie i seksual'naya ehkspluataciya: kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty, preduprezhdenie : dis. ... kand. yurid. nauk [Sexual violence and sexual exploitation: criminological and criminal law aspects, warning : the diss. ... PhD. in Law]. St. Petersburg, 2006. 183 p. (In Russ.).
8. Kochenov M. M. Vvedenie v sudebno-psihologicheskuyu ehkspertizu [Introduction to forensic psychological examination]. Moscow, 1980. 117 p. (In Russ.).
9. Krasnyuk G. P. Nenasil'stvennye seksual'nye posyagatel'stva na lic, ne dostigshih chetyrnadcatiletnego vozrasta : dis. ... kand. yurid. nauk [Non-violent sexual assault on persons under the age of fourteen : the diss. ... PhD. in Law]. Krasnodar, 2000. 23 p. (In Russ.).
10. Kriminal'naya seksologiya / G. B. Deryagin i dr. [Criminal Sexology / G. B. Deryagin and others]. Moscow, 2012. 399 p. (In Russ.).
11. Minskaya V. S., Chechel' G. I. Viktimologicheskie faktory i mekhanizm prestupnogo povedeniya [Victimological factors and the mechanism of criminal behavior]. Irkutsk, 1988. 152 p. (In Russ.).
12. Moshchickaya E. YU. Viktimologicheskaya harakteristika seksual'nogo nasiliya nesovershennoletnih (po materialam Irkutskoj oblasti) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Victimological characteristics of sexual abuse of minors (based on materials from the Irkutsk region) : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Irkutsk, 2004. 21 p. (In Russ.).
13. Nabojschikov N. P. Dejstviya seksual'nogo haraktera, sovershaemye v otnoshenii lic, ne dostigshih sovershennoletiya, i problemy ih preduprezhdeniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Actions of a sexual nature, committed against persons under the age of majority, and the problems of their prevention : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. St. Petersburg, 2007. 22 p. (In Russ.).
14. Pechernikova T. P., Morozova N. B. Klinika i sudebno-psihiatricheskaya ocenka psihogennyh sostoyanij u nesovershennoletnih poterpevshih [Clinic and forensic psychiatric assessment of psychogenic states in juvenile victims] Sudebno-med. Ehkspertiza – Forensic medical examination. 1991. Iss. 1. P. 43–45. (In Russ.).
15. Podgornaya S. V. Kriminologicheskaya harakteristika nesovershennoletnego, stavshego zhertvoj seksual'nogo posyagatel'stva [Criminological characteristics of a minor who has been the victim of sexual assault]. Ros. sledovatel' – The Russian investigator. 2012. Iss. 17. P. 33–36. (In Russ.).
16. Poltarygin R. V. Osobennosti vyyavleniya u detej priznakov perenesennogo nasiliya [Features of detection of signs of the transferred violence in children]. Ros. sledovatel' – The Russian investigator. 2012. Iss. 11. P. 7–9. (In Russ.).
17. Safuanov F. S. Sudebno-psihologicheskaya ehkspertiza v ugolovnom processe [Forensic psychological examination in the criminal process]. Moscow, 2014. 421 p. (In Russ.).
18. Cymbal E. I., Safonova T. YA., Kurasova N. V. Polovye prestupleniya protiv mal'chikov [Sex crimes against boys]. Availabel at: <http://www.otrok.ru/medbook/listmed/mal.htm> (accessed 19.07.2018). (In Russ.).
19. Hunter J. A., Hazelwood R. R., Slesinger D. Juvenile-perpetrated sex crimes: patterns of offending and predictors of violence // Journal of Family Violence. 2000. Vol. 15. Iss. 1. P. 81–93. (In Eng.).
20. Van Wijk A. Ph., Mali S. R. F., Bullens R. A. R. Juvenile sex-only and sex-plus offenders. An exploratory study on criminal profiles // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2007. Vol. 51. Iss. 4. P. 407–419. (In Eng.).

УДК 347.978

Правовое регулирование мировой юстиции в России: эволюция, проблемы, перспективы (к 20-летию восстановления института мировых судей)

Е. В. КУЗНЕЦОВА – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье анализируются разработка и принятие законодательства о мировых судьях в России в 1990-е гг., исследуется эволюция представлений о правовом положении мирового судьи и его месте в судебной системе Российской Федерации начиная с Концепции судебной реформы РСФСР 1991 г. и до принятия в декабре 1998 г. Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации». Автор

приходит к выводу, что на правовой статус мирового судьи, предлагаемый концепцией судебной реформы, некоторыми проектами Конституции Российской Федерации и проектом Федерального конституционного закона «О мировых судьях», оказал значительное влияние дореволюционный опыт правового регулирования и деятельности мировых судов. Однако при разработке действующего федерального закона от многих идей (нередко патриархальных) законодатель отказался.

В статье подробно анализируется Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации», законодательство субъектов, рассматриваются типичные решения субъектов в сфере правового регулирования мировой юстиции. Кроме того, автор исследует изменения, внесенные в закон за 20 лет, и делает выводы о совершенствовании правового регулирования института мировых судей, а также постепенном сокращении компетенции субъектов Российской Федерации в данной сфере. Завершает статью краткий обзор тенденций и перспектив правового регулирования мировой юстиции в Российской Федерации.

Ключевые слова: мировой суд; мировой судья; мировая юстиция; правовое регулирование мировой юстиции.

Legal regulation of Justice of the Peace in Russia: evolution, problems, prospects (to the 20th anniversary of the restoration of the institution of magistrates)

E. V. KUZNETSOVA – Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article analyzes the development and adoption of legislation on magistrates in Russia in the 1990s, examines the evolution of ideas about the legal status of the magistrates and their place in the judicial system of the Russian Federation from the Concept of Judicial Reform of the RSFSR of 1991 to Federal Act « On magistrates in the Russian Federation». The author comes to the conclusion that the legal status of the magistrates, proposed by the Judicial Reform Concept, some projects of the Constitution of the Russian Federation and the federal constitutional act project about magistrates was significantly influenced by the pre-revolutionary experience in the legal regulation and activities of the magistrates. However, when developing the current federal law, the legislator refused many ideas, often patriarchal.

The article analyzes in detail the content of the Federal Law «On Justices of the Peace», the legislation of the subjects of the Russian Federation, draws conclusions about typical decisions of subjects in the sphere of legal regulation of the Justice of the Peace. In addition the author investigates the changes made to the law over 20 years, draws conclusions on improving the legal regulation as well as on the gradual reduction of the competence of the subjects of the Russian Federation in the sphere of legal regulation of the institute of Justices of the Peace. The article concludes with a brief overview of trends and prospects for the legal regulation of the Justice of the Peace in the Russian Federation.

Key words: magistrate's court; magistrate; the Justice of the Peace; legal regulation of the Justice of the Peace.

В декабре 2018 г. исполняется 20 лет со дня подписания Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации», в соответствии с которым в нашей стране был введен институт мировых судей [16]. Многие исследователи, впрочем, говорят о возрождении, восстановлении мировой юстиции в России, ссылаясь на тот факт, что мировые суды были введены в результате Судебной

реформы 1864 г., а потому этот институт не нов для российской судебной системы.

Разработка и принятие данного закона осуществлялись достаточно долго, в период радикальных для страны перемен в государственной и общественной жизни. Еще в октябре 1991 г. Верховным Советом РСФСР была одобрена Концепция судебной реформы РСФСР [14], в которой предлага-

лось введение мировых судей в качестве судей первой инстанции. Предполагалось, что будет создано два вида мировых судов: участковые, действующие в пределах определенной территории судебного участка, и специализированные (следственные, пенитенциарные и др.). Юрисдикция участковых мировых судей была примерно охарактеризована следующим образом: рассмотрение гражданских, уголовных дел и дел об административных правонарушениях. Компетенция же специализированных мировых судей была обозначена весьма расплывчато: они «возьмут на себя контрольные функции там, где под угрозу ставятся свободы и права человека». Таблица, характеризующая федеральную судебную систему, детализировала их функции – «судебный контроль за следствием». В соответствии с Концепцией судебной реформы РСФСР мировой суд входил в федеральную судебную систему.

В данной концепции также высказывалась идея о выборности участковых мировых судей (получают «мандат от избирателей»). От кандидатов в мировые судьи не требовалось обязательного юридического образования (для всех судей районного суда и выше указана характеристика «профессиональный судья», для мирового суда – просто «судья»). Составители предлагали изучить вопрос о введении должности почетных (неоплачиваемых) мировых судей «из числа лиц, имеющих высшее юридическое образование и не связанных ни с адвокатской практикой, ни с отечественным “истеблишментом” (преподаватели вузов, бывшие сотрудники правоохранительных органов, научные сотрудники)», которых предполагалось привлекать к рассмотрению отдельных споров: «разрешать по просьбе “мира” мелкие конфликты, склоняя стороны к соглашению».

Следует отметить очевидное влияние Судебной реформы 1864 г. на составителей концепции, в частности в отношении института мировых судей. Идеи выборности мировых судей на определенный срок, полупрофессиональный характер мировой юстиции, институт почетных мировых судей, даже понятия «судебный округ», «судебный участок» – все указывает на влияние судебных преобразований второй половины XIX в.

Исследователи отмечают, что Концепция судебной реформы РСФСР 1991 г. смешивает понятия «мировой суд» и «мировой судья», отчетливо проводит связь участкового и почетного мирового судьи с местным сообществом – «миром» (населением судебного участка), акцентирует примирительную

функцию мировых судей, что свидетельствует о влиянии патриархального подхода к мировой юстиции [3, с. 299].

Несмотря на принятие указанной концепции, политическая борьба тех лет затормозила реализацию судебной реформы. В 1992 г. вносятся изменения в Конституцию РСФСР 1978 г., содержащие следующую формулировку: «Мировые судьи избираются населением округа, на который распространяется их юрисдикция, сроком на пять лет» [19]. В апреле 1993 г. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» дополняется п. 2 ст. 11, содержащим аналогичное положение [5].

Институт мировых судей упоминался и в некоторых проектах Конституции Российской Федерации, причем где-то мировые судьи были отнесены к местному самоуправлению [22; 23], ряд проектов содержит требование о выборности мировых судей [25], другие, напротив, упоминают мировых судей лишь вскользь [24].

Однако принятая 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации в характеристике судеустройства ссылается на федеральный конституционный закон, не упоминая мировых судей.

25 марта 1994 г. III Всероссийский съезд принимает постановление «О концепции судебной реформы Российской Федерации», в котором говорится о целесообразности введения мировой юстиции, одной из целей которой будет максимальное приближение правосудия к населению с предоставлением права рассматривать малозначительные споры по согласию сторон доверенным лицам из числа жителей населенного пункта [15]. Мировых судей предполагалось относить к местным судам, порядок наделения полномочиями должен был быть установлен законодательством субъекта. В формулировке целей деятельности мировых судей также прослеживается влияние идей Судебной реформы 1864 г.

В том же году при Президенте Российской Федерации создается Совет по судебной реформе, в котором был разработан и одобрен проект федерального конституционного закона «О мировых судьях в Российской Федерации» [17].

В соответствии с данным законом мировые судьи относились к судебной системе субъекта, являлись нижестоящей судебной инстанцией по отношению к районным (городским) судам. Компетенция их определялась бланкетно: уголовные дела, гражданские споры, дела об административных

правонарушениях, предусмотренные федеральным законодательством. В качестве требований к кандидатам в мировые судьи предъявлялся возрастной ценз (23 года, что противоречило Конституции Российской Федерации), образовательный ценз (высшее образование, профиль не уточнялся, что опять же противоречило Основному закону страны). Мировых судей предполагалось избирать сроком на пять лет населением судебного участка, в пределах которого они действовали. Предлагалось восстановить и съезды мировых судей для обсуждения и решения вопросов, имеющих значение для мировых судей района (города): судебной практики, организационного и ресурсного обеспечения и т. д. Съезд также наделялся правом законодательной инициативы в законодательный орган субъекта. Исследователи отмечают влияние дореволюционного опыта при разработке проекта данного закона [3, с. 258].

Параллельно с федеральным конституционным законом «О мировых судьях в Российской Федерации» разрабатывается федеральный конституционный закон «О судебной системе». Проект изначально был внесен Президентом Российской Федерации и доработан рабочей группой Комитета Государственной Думы по законодательству и судебной реформе. Изменения рабочей группы в отношении института мировых судей касались, в частности, более точного определения их места в судебной системе страны. В соответствии с законопроектом мировые судьи являлись судьями субъектов Российской Федерации, входили в единую судебную систему России (ст. 4), избирались населением в порядке, установленном федеральным законом и законодательством субъектов (ст. 15) [21].

После обсуждения законопроекта в Государственной Думе часть положений претерпела изменения в сторону расширения полномочий субъектов по регулированию института мировых судей. Во вступившем в силу 31 декабря 1996 г. Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» статус мирового судьи определяется следующим образом: относятся к судебной системе субъектов Российской Федерации; являются судьями общей юрисдикции, нижестоящими по отношению к районным судам; порядок наделения полномочиями устанавливается федеральным законом и законом субъекта; должности мировых судей создаются и упраздняются законами субъектов;

мировой судья в пределах своей компетенции рассматривает гражданские, административные и уголовные дела в качестве суда первой инстанции; полномочия и порядок деятельности мирового судьи устанавливаются федеральным законом и законом субъекта; финансирование мировых судей осуществляется из федерального бюджета [18].

Таким образом, в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» определен уровень нормативного акта о мировых судьях – федеральный закон, что логично, поскольку Конституция не предусматривает федерального конституционного закона «О мировых судьях в Российской Федерации». Правовое регулирование института мировых судей осуществляется федеральным законом и законами субъекта, что опять же соответствует их статусу как судов субъекта Российской Федерации. Вместе с тем исследователи отмечают, что грамматические конструкции фраз в рассматриваемом законе двойки и противоречивы по смыслу. Так, например, два союза «и» в формулировке ч. 2 ст. 28 («Полномочия и порядок деятельности мирового судьи устанавливаются федеральным законом и законом субъекта Российской Федерации») дают основание предполагать, что и полномочия мировых судей также находятся в совместном ведении. По факту же полномочия мировых судей устанавливаются только федеральным законом. Подобных несогласований в законодательстве о мировой юстиции изначально оказалось немало, многие из них не устранены до сих пор [3, с. 259–260].

Наконец, в конце 1998 г. вступает в силу основной нормативный правовой акт, регулирующий деятельность мировых судей, – Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации».

Закон состоит из 12 статей, регулирующих основы правового положения мирового судьи в России. Уже в первой статье закреплено основное противоречие правового статуса мировых судей: являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации, но входят в единую судебную систему страны, осуществляют правосудие именем Российской Федерации в порядке, установленном федеральными законами.

Включение мировых судей в судебную систему субъекта предполагает, что правовое регулирование их деятельности осуществляется и федеральным законом, и законом субъекта Российской Федерации. Изна-

чально в сфере совместного регулирования Федерации и субъектов можно было выделить два аспекта:

а) вопросы, по которым субъект принимает решение в пределах (границах), установленных Федерацией: создание и упразднение судебных участков, установление сроков полномочий мировых судей, выбор способа формирования корпуса мировых судей, установления языка судопроизводства и делопроизводства и т. п.;

б) вопросы, по которым субъект может дополнить федеральное законодательство: установление дополнительных требований к кандидатам на должность мирового судьи, дополнительных гарантий материального обеспечения и социальной защиты мировых судей, установления порядка осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях. В результате изменений, внесенных в рассматриваемый закон, вторая группа вопросов была исключена из федерального закона [6; 9; 12].

Самостоятельность субъектов в правовом регулировании института мировых судей фактически сводится лишь к установлению процедуры назначения (избрания) мировых судей, созданию и правовой регламентации статуса органа, обеспечивающего деятельность мировых судей, установлению структуры и штатного расписания аппарата мировых судей.

Субъект Российской Федерации самостоятельно определяет, принимать ли комплексный закон или несколько специальных актов, регламентирующих деятельность мировых судей. Здесь субъекты разделились на две группы. В большинстве субъектов по федеральному образцу приняты два закона: о мировых судьях соответствующего субъекта и о судебных участках и должностях мировых судей соответствующего субъекта (Алтайский и Хабаровский края, Архангельская, Вологодская области, Республики Крым, Дагестан, Коми, Северная Осетия, Карелия и др.).

В других субъектах приняты и действуют комплексные акты, устанавливающие и порядок деятельности мировых судей, и судебные участки мировых судей (Забайкальский, Приморский края, Санкт-Петербург, Тамбовская область, Удмуртская Республика, Ямало-Ненецкий автономный округ и др.).

Как правило, законы о мировых судьях субъекта сходны по названию («О мировых судьях... (советующий субъект)», реже – «О порядке назначения и деятельности миро-

вых судей...»), структуре и содержанию и копируют федеральный закон: статус мирового судьи, требования, предъявляемые к кандидатам (бланкетные статьи), компетенция, порядок назначения (избрания), судебные участки, организационное обеспечение, дополнительное профессиональное образование и повышение квалификации и т. д.

Большинство субъектов установили такой способ формирования корпуса мировых судей, как назначение законодательным (представительным) органом субъекта, процедура в целом схожая. Срок полномочий мировых судей в субъектах различается: от 3 до 5 лет при первом назначении, от 5 до 10 лет – при повторном. В законах субъектов, как правило, более подробно регулируются вопросы организационного обеспечения мировых судей: содержатся положения об органе, обеспечивающем деятельность мировых судей, аппарате мировых судей, размещении судебных участков и т. д. В некоторых субъектах приняты отдельные законы об обеспечении доступа к информации о деятельности мировых судей, регламентирующие способы обеспечения доступа к информации, организацию размещения информации о деятельности мировых судей, в том числе в сети Интернет.

Подводя итог, еще раз отметим, что степень самостоятельности субъектов в правовом регулировании института мировых судей существенно уменьшилась в сравнении с изначальной редакцией Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации». Даже в вопросах, которые субъект вправе решать самостоятельно, в основном выбраны сходные варианты правового регулирования.

Помимо предметов ведения субъектов Российской Федерации в сфере регулирования института мировых судей существенным изменениям была подвергнута статья о компетенции мировых судей.

В соответствии со ст. 3 к компетенции мирового судьи относятся следующие категории дел:

– уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы (норма носит бланкетный характер и отсылает к ч. 1 ст. 31 УК РФ);

– дела о выдаче судебного приказа;

– дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях;

– споры о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей;

– иные возникающие из семейно-правовых отношений споры, за исключением дел об оспаривании отцовства (материнства), об установлении отцовства, о лишении родительских прав, об ограничении родительских прав, об усыновлении (удочерении) ребенка, других дел по спорам о детях и дел о признании брака недействительным;

– имущественные споры, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей;

– споры об определении порядка пользования имуществом;

– дела об административных правонарушениях, отнесенные к компетенции мирового судьи КоАП РФ и законами субъектов.

В основном все изменения, касающиеся компетенции мирового судьи, были направлены на ее сужение и уточнение. Так, изначально цена иска была указана в минимальных размерах оплаты труда, однако законодатель отказался от такой практики. Внесенные в 2008 г. изменения в закон ограничили цену иска до 100 тыс. руб., затем в 2010 г. цена иска была уменьшена до 50 тыс. руб. [7; 8]. Первоначально в компетенцию мирового судьи входили все дела о разделе совместно нажитого имущества между супругами, независимо от цены иска. Разрешение таких споров представляло для мировых судей сложность в случаях многомиллионной стоимости имущества, расположения его в разных регионах страны, за рубежом и т. д. Законодатель ограничил подведомственность данной категории дел ценою иска в 50 тыс. руб. Исключены из подсудности мировым судьям юридически сложные дела, связанные с ограничением родительских прав, со спорами о детях, признанием брака недействительным (изначально п. 5 ч. 1 ст. 6 был сформулирован следующим образом: «иные возникающие из семейно-правовых отношений дела, за исключением дел об оспаривании отцовства (материнства), об установлении отцовства, о лишении родительских прав, об усыновлении (удочерении) ребенка»). Также в 2008 г. были исключены из подсудности мировых судей и все трудовые споры (ранее мировые судьи не рассматривали лишь дела о восстановлении на работе и разрешении коллективных трудовых споров). Кроме уточняющих изменений ст. 3 была дополнена п. 1.1, допускающим отнесение федеральным законом к подсудности миро-

вых судей и иных категорий дел. С 2016 г. в соответствии с изменениями, внесенными в КАС РФ, мировой судья рассматривает и заявления о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций в порядке, установленном гл. 11.1 КАС РФ [11].

Впрочем, нельзя утверждать, что компетенция мирового судьи в Российской Федерации устоялась и не будет меняться в дальнейшем. Так, на рассмотрении Государственной Думы находится проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым, в частности, предлагается исключить из компетенции мирового судьи дела, возникающие из семейно-правовых отношений, а также споры о порядке пользования имуществом, но увеличить цену иска по имущественным спорам, возникающим в сфере защиты прав потребителей, до 100 тыс. руб. [10].

Недавние изменения законодательства коснулись порядка финансирования деятельности мировых судей и их организационного обеспечения. В апреле 2018 г. были внесены поправки в ст. 10 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации», в соответствии с которыми устанавливаются гарантии финансового обеспечения деятельности мировых судей [13]. При разработке проекта бюджета субъекта в части расходов на содержание аппарата мировых судей и материально-техническое обеспечение судебных участков высший орган исполнительной власти субъекта обязан взаимодействовать с советом судей субъекта; уменьшение финансирования мировой юстиции из средств бюджета субъекта Российской Федерации допускается лишь с согласия совета судей субъекта (если объем финансирования сокращается не более чем на 5 %) или конференции судей субъекта (если более чем на 5 %). Также в новой редакции указанной статьи сформулировано определение понятия «организационное обеспечение мировых судей» (воспроизводится формулировка Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции») и не вполне удачное с точки зрения логики и юридической техники положение о том, что что организационное обеспечение деятельности мировых судей

осуществляется органами исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. Полагаем, что эти изменения далеко не последние.

В научной литературе обсуждаются два вектора дальнейшего развития мировой юстиции в Российской Федерации. Сторонником первого, довольно радикального, является судья Конституционного Суда Российской Федерации М. И. Клеандров. Он предлагает идею «радикальной автономизации мировой юстиции», суть которой сводится к полному – в институциональном, инстанционном, организационном, кадровом, финансовом и иных планах – отделению ее от федеральной юстиции [2]. Второй путь – федерализация мировой юстиции, то есть передача функций, оставшихся у субъекта в отношении мировых судов, на федеральный уровень. Здесь уместно провести аналогию с судебной системой США, где как на федеральном уровне, так и уровне штатов действуют судьи-магистраты (мировые судьи). При этом штат самостоятельно решает вопрос о введении у себя мировых судей, определяет их правовой статус, мировые судьи решают споры в соответствии с законодательством штата. И здесь действительно правовое положение мировых судей в разных штатах США существенно отличается: в Техасе и Пенсильвании, например, действуют выборные мировые судьи, для которых не требуется обязательной степени

в области права, в Южной Каролине и Огайо мировые судьи назначаются губернатором штата, в Огайо при этом требуется не только степень в области права, но и не менее четырех лет практики.

Впрочем, необходимо осознавать особенности разграничения предметов ведения и полномочий между федерацией и субъектами США: в Конституции США четко определены вопросы исключительного ведения страны, все остальные преимущественно относятся к компетенции штата. Самостоятельность штатов изначально была существенно выше, чем субъектов в составе Российской Федерации. Все изменения в законодательстве о мировой юстиции 2000–2010-х гг. фактически, как уже говорилось выше, нацелены на сужение самостоятельности субъекта в сфере правового регулирования мировой юстиции, что свидетельствует о фактической федерализации мировых судей. Подобные идеи звучали в конце 2000-х гг. от представителей судебного и научного сообществ и даже Президента Российской Федерации Д. А. Медведева, однако так и остались на уровне предложений [1; 4; 20; 26]. Впрочем, указанные выше изменения в законодательстве о мировых судьях в целом олицетворяют тенденцию федерализации мировой юстиции, однако федерация пока не готова принять на себя расходы и полномочия субъекта по организационному и материально-техническому обеспечению деятельности мировых судей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Е. А. Некоторые проблемы теории и практики мировой юстиции // Рос. юстиция. 2009. № 2. С. 24–27.
2. Клеандров М. И. О модели радикальной автономизации мировой юстиции в Российской Федерации // Журн. рос. права. 2015. № 3. С. 31–42.
3. Лонская С. В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. 366 с.
4. Медведев Д. А. Вступительное слово на совещании по вопросам совершенствования судебной системы. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/156> (дата обращения: 20.03.2018).
5. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» : закон Российской Федерации от 14.04.1993 № 4791-1 // Рос. газ. 1993. № 80.
6. О внесении изменений в статьи 1 и 10 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» : федер. закон от 19.06.2004 № 50-ФЗ // Рос. газ. 2004. № 131.
7. О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 22.07.2008 № 147-ФЗ // Рос. газ. 2008. № 160.
8. О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 11.02.2010 № 6-ФЗ // Рос. газ. 2010. № 31.
9. О внесении изменений в статьи 1 и 5 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» : федер. закон от 08.12.2010 № 338-ФЗ // Рос. газ. 2010. № 281.
10. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2017 № 30. URL: <http://www.vsrf.ru/files/24030/> (дата обращения: 05.04.2018).
11. О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 05.04.2016 № 103-ФЗ // Рос. газ. 2016. № 75.

12. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федер. закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Рос. газ. 2004. № 188.
13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере организационного обеспечения деятельности мировых судей : федер. закон от 18.04.2018 № 76-ФЗ // Рос. газ. 2018. № 85.
14. О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости Съезда народ. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
15. О Концепции судебной системы Российской Федерации : постановление III (внеочередного) Всероссийского съезда судей (24–25 марта 1994) от 25.03.1994. URL: <http://www.ssrp.ru/page/842/detail/> (дата обращения: 05.04.2018).
16. О мировых судьях в Российской Федерации : федер. закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 05.04.2016) // Рос. газ. 1998. № 242.
17. О мировых судьях в Российской Федерации : проект федерального конституционного закона // Рос. юстиция. 1991. № 1. С. 54–55.
18. О судебной системе Российской Федерации: федер. конст. закон от от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) // Рос. газета. 1997. № 3.
19. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России : закон Российской Федерации от 09.12.1992 № 4061-1 // Ведомости Съезда народ. депутатов Рос. Федерации и Верхов. совета Рос. Федерации. 1993. № 2. Ст. 55.
20. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 05.11.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/1968> (дата обращения: 05.04.2018).
21. Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Проект Конституции Российской Федерации, подготовленный рабочей группой под руководством С. М. Шахрая. URL: <http://constitution.garant.ru/history/active/101202/> (дата обращения: 21.04.2018).
23. Проект Конституции (Основного закона) Российской Федерации, представленный Президентом Российской Федерации // Мос. правда. 1993. 5 мая.
24. Проект Конституции Российской Федерации, подготовленный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/active/101201/> (дата обращения: 19.04.2018).
25. Саратовский проект Конституции России / предисл. В. Т. Кабышева. М., 2006. 64 с.
26. Терехин В. А. К вопросу о возможности передачи мировой юстиции на федеральный уровень // Рос. юстиция. 2009. № 2. С. 27–31.

REFERENCES

1. Borisova E. A. Nekotorye problemy teorii i praktiki mirovoj yusticii [Some Problems of the Theory and Practice of Justice of the peace]. Ros. yusticiya – Russian Justice. 2009. Iss. 2. P. 24–27. (In Russ.).
2. Kleandrov M. I. O modeli radikal'noj avtonomizacii mirovoj yusticii v Rossijskoj Federacii [On the model of radical autonomization of Justice of the peace in the Russian Federation]. ZHurn. ros. prava – Journal of Russian Law. 2015. Iss. 3. P. 31–42. (In Russ.).
3. Lonskaya S. V. Institut mirovoj yusticii v Rossii: istoriko-teoreticheskoe pravovoe issledovanie : dis. ... d-ra jurid. nauk [Institute of Justice of the peace in Russia: a historical and theoretical legal study : the diss. ... Dsc. in Law]. St. Petersburg, 2016. 366 p. (In Russ.).
4. Medvedev D. A. Vstupitel'noe slovo na soveshchanii po voprosam sovershenstvovaniya sudebnoj sistemy [Opening remarks at a meeting on improving the judicial system]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/156> (accessed 20.03.2018). (In Russ.).
5. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon Rossijskoj Federacii «O statute sudej v Rossijskoj Federacii» : zakon Rossijskoj Federacii ot 14.04.1993 № 4791-1 [On the Introduction of Amendments and Addenda to the Law of the Russian Federation «On the Status of Judges in the Russian Federation» : Law of the Russian Federation from 14.04.1993 No. 4791-1]. Ros. gas. – Russian newspaper. 1993. Iss. 80. (In Russ.).
6. O vnesenii izmenenij v stat'i 1 i 10 Federal'nogo zakona «O mirovyh sud'yah v Rossijskoj Federacii» : feder. zakon ot 19.06.2004 № 50-FZ [On amending Articles 1 and 10 of the Federal Law «On Justices of the Peace in the Russian Federation» : Federal Law from 19.06.2004 No. 50-FL]. Ros. gas. – Russian newspaper. 2004. Iss. 131. (In Russ.).
7. O vnesenii izmenenij v stat'yu 3 Federal'nogo zakona «O mirovyh sud'yah v Rossijskoj Federacii» i stat'yu 23 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 22.07.2008 № 147-FZ [On Amending Article 3 of the Federal Law «On Justices of the Peace in the Russian Federation» and Article 23 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation : Federal Law from 22.07.2008 No. 147- FL]. Ros. gas. – Russian newspaper. 2008. Iss. 160. (In Russ.).
8. O vnesenii izmenenij v stat'yu 3 Federal'nogo zakona «O mirovyh sud'yah v Rossijskoj Federacii» i stat'yu 23 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 11.02.2010 № 6-FZ [On Amending Article 3 of the Federal Law «On Magistrates in the Russian Federation» and Article 23 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation : Federal Law from 11.02.2010 No. 6-FL]. Ros. gas. – Russian newspaper. 2010. Iss. 31. (In Russ.).
9. O vnesenii izmenenij v stat'i 1 i 5 Federal'nogo zakona «O mirovyh sud'yah v Rossijskoj Federacii» i stat'yu 6 Zakona Rossijskoj Federacii «O statute sudej v Rossijskoj Federacii» : feder. zakon ot 08.12.2010 № 338-FZ [On Amending Articles 1 and 5 of the Federal Law «On Magistrates in the Russian Federation» and Article 6 of the Law of the Russian Federation «On the Status of Judges in the Russian Federation» : Federal Law from 08.12.2010 No. 338-FL]. Ros. gas. – Russian newspaper. 2010. Iss. 281. (In Russ.).
10. O vnesenii v Gosudarstvennyy Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii proekta federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii, Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii, Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 03.10.2017 № 30 [On entering into the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation the draft Federal Law «On Amendments to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, the Code of

Administrative Proceedings of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation» : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 03.10.2017 No. 30. Availabel at: <http://www.vsrfl.ru/files/24030/> (accessed 05.04.2018). (In Russ.).

11. O vnesenii izmenenij v Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 05.04.2016 № 103-FZ [On the introduction of amendments to the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation : Federal Law from 05.04.2016 No. 103-FL]. Ros. gas. – Russian newspaper. 2016. Iss. 75. (In Russ.).

12. O vnesenii izmenenij v zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotoryh zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem federal'nyh zakonov «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Federal'nyj zakon "Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub»ektov Rossijskoj Federacii" i "Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii"» : feder. zakon ot 22.08.2004 № 122-FZ (red. ot 07.03.2018) [On the Introduction of Amendments to the Legislative Acts of the Russian Federation and the Invalidation of Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of Federal Laws «On Amendments and Additions to the Federal Law «On General Principles for the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation» and «On general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation»» : Federal Law from 22.08.2004 No. 122-FL (in red. on 07.03.2018)]. Ros. gas. – Russian newspaper. 2004. Iss. 188. (In Russ.).

13. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s sovershenstvovaniem pravovogo regulirovaniya v sfere organizacionnogo obespecheniya deyatelnosti mirovyh sudej : feder. zakon ot 18.04.2018 № 76-FZ [On the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of legal regulation in the field of organizational support for the activity of justices of the peace : Federal Law from 18.04.2018 No. 76-FL]. Ros. gas. – Russian newspaper. 2018. Iss. 85. (In Russ.).

14. O Konceptcii sudebnoj reformy v RSFSR : postanovlenie Verhovnogo Soveta RSFSR ot 24.10.1991 № 1801-1 [On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR : Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR from 24.10.1991 No. 1801-1]. Vedomosti S»ezda narod. deputatov i Verhov. Soveta RSFSR – Journal of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. Iss. 44. Art. 1435. (In Russ.).

15. O Konceptcii sudebnoj sistemy Rossijskoj Federacii : postanovlenie III (vneocherednogo) Vserossijskogo s»ezda sudej (24–25 marta 1994) ot 25.03.1994 [On the Concept of the Judicial System of the Russian Federation : Resolution of the III (Extraordinary) All-Russian Congress of Judges (24–25 March 1994) from 25.03.1994]. Availabel at: <http://www.ssrfl.ru/page/842/detail/> (accessed 05.04.2018). (In Russ.).

16. O mirovyh sud'yah v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 17.12.1998 № 188-FZ (red. ot 05.04.2016) [On the magistrates in the Russian Federation : Federal Law from 17.12.1998 No. 188-FL (in red. on 05.04.2016)]. Ros. gas. – Russian newspaper. 1998. Iss. 242. (In Russ.).

17. O mirovyh sud'yah v Rossijskoj Federacii : proekt federal'nogo konstitucionnogo zakona [On Justices of the Peace in the Russian Federation : Draft Federal Constitutional Law]. Ros. yusticiya – Russian Justice. 1991. Iss. 1. P. 54–55. (In Russ.).

18. O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii: feder. konst. zakon ot ot 31.12.1996 № 1-FKZ (red. ot 05.02.2014) [On the judicial system of the Russian Federation : Federal Constitutional Law from 31.12.1996 No. 1-FCL (in red. on 05.02.2014)]. Ros. gas. – Russian newspaper. 1997. Iss. 3. (In Russ.).

19. Ob izmeneniyah i dopolneniyah Konstitucii (Osnovnogo Zakona) Rossijskoj Federacii – Rossii : zakon Rossijskoj Federacii ot 09.12.1992 № 4061-I [On the amendments and additions to the Constitution (Basic Law) of the Russian Federation –Russia : the Law of the Russian Federation from 09.12.1992 No. 4061-I]. Vedomosti S»ezda narod. deputatov Ros. Federacii i Verhov. Soveta Ros. Federacii – Journal of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. Iss. 2. Art. 55. (In Russ.).

20. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii ot 05.11.2008 [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation from 05.11.2008]. Availabel at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/1968> (accessed 05.04.2018). (In Russ.).

21. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii» [Explanatory note to the draft of the Federal Constitutional Law «On the Judicial System of the Russian Federation»]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).

22. Proekt Konstitucii Rossijskoj Federacii, podgotovlennyy rabochej gruppoj pod rukovodstvom S. M. SHahraya [Draft Constitution of the Russian Federation prepared by a working group led by S. M. Shakhray]. Availabel at: <http://constitution.garant.ru/history/active/101202/> (accessed 21.04.2018). (In Russ.).

23. Proekt Konstitucii (Osnovnogo zakona) Rossijskoj Federacii, predstavlennyy Prezidentom Rossijskoj Federacii [Draft Constitution (Basic Law) of the Russian Federation submitted by the President of the Russian Federation]. Mos. Pravda – Moscow Pravda. 1993. 5 May. (In Russ.).

24. Proekt Konstitucii Rossijskoj Federacii, podgotovlennyy Konstitucionnoj komissiej S»ezda narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii [Draft Constitution of the Russian Federation, prepared by the Constitutional Commission of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation]. Availabel at: <http://constitution.garant.ru/history/active/101201/> (accessed 19.04.2018). (In Russ.).

25. Saratovskij proekt Konstitucii Rossii / predisl. V. T. Kabysheva [Saratov draft of the Constitution of Russia : preface by V. T. Kabyshev]. Moscow, 2006. 64 p. (In Russ.).

26. Terekhin V. A. K voprosu o vozmozhnosti peredachi mirovoj yusticii na federal'nyj uroven' [To the question of the possibility of transferring the Justice of the peace to the federal level]. Ros. yusticiya –Russian Justice. 2009. Iss. 2. P. 27–31. (In Russ.).

Пенитенциарный правопорядок: общетеоретические и отраслевые аспекты

Е. В. СВИНИН – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Предметом исследования в статье выступает пенитенциарный правопорядок как социально-правовое явление, целью – определение категориальной самостоятельности пенитенциарного правопорядка посредством научного осмысления общетеоретических и отраслевых аспектов содержания данного понятия.

В российской юридической науке уделяется недостаточное внимание отраслевым исследованиям правового порядка. Общетеоретическое понятие оказывается невостребованным отраслевыми науками. Сложившуюся ситуацию возможно исправить посредством разработки полноценной теории правопорядка, основанной на эмпирическом материале различных отраслей российского права. Понятийной конкретизации правового порядка могут служить отраслевые аналоги, одним из которых является пенитенциарный правопорядок.

Основу исследования образуют идеи социально-юридической природы и поликонтекстуальности правопорядка. Поликонтекстуальность пенитенциарного правопорядка отражается в совокупности таких относительно самостоятельных сторон единого понятия, как норма, процесс и результат.

Социально-юридическая сущность пенитенциарного правопорядка позволяет увидеть как внутренние, так и внешние противоречия и обусловленные ими уникальные черты и формы проявления содержания того или иного контекста. Обосновывается тезис, что правопорядок как реально существующее явление имеет как нормальные, так и девиантные формы выражения. Так, девиантными формами являются коллизии и пробелы уголовно-исполнительного законодательства, технико-юридические дефекты. Девиацией пенитенциарного правопорядка как процесса выступают дискретное регулирование правовой процедуры реализации прав, нарушение связей между юридическими фактами и правоотношениями, дисбаланс прав и обязанностей. Девиация пенитенциарного правопорядка как результата правовой жизни связана с противоречиями между юридическими и социальными итогами действия норм уголовно-исполнительного права.

Выводы исследования могут быть использованы при изучении критериев и показателей состояния правового порядка в российской пенитенциарной системе.

Ключевые слова: право; правопорядок; законность; уголовно-исполнительная система; пенитенциарный правопорядок.

Penal law and order: general theoretical and branch aspects

E. V. SVININ – Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The subject of the study is the penal law and order as a social and legal phenomenon. The aim of the work is to determine the categorical independence of the penal legal order by means of scientific understanding of general theoretical and branch aspects of the content of this concept.

In the Russian legal science insufficient attention is paid to the branch studies of the legal order. The general theoretical concept is unclaimed by the branch sciences. The current situation can be remedied by developing a full-fledged theory of law and order based on empirical material of the branches of Russian law. The conceptual specification of the legal order in the sphere of the penal law is the penal law and order.

The basis of the study is formed by the ideas of the socio-legal nature and the polycontextuality of law and order. The polycontextuality of the penal legal order is

reflected in the aggregate of relatively independent sides of a single concept: «norm», «process» and «result.»

The social and legal essence of the penal legal order allows to see both internal and external contradictions and due to them unique features and forms of manifestation of the content of a particular context. The thesis is substantiated that the law and order as a real phenomenon has both «normal» and «deviant» forms of expression. So the deviant forms of the penal law and order as a «norm» of legal life are collisions and gaps in the criminal enforcement legislation, technical and legal defects. The deviation of the penal system as a «process» is the discrete regulation of the legal procedure for the realization of rights, the disruption of the links between legal facts and legal relations, the imbalance of rights and obligations. The deviation of the penal law and order as a «result» of the legal life is connected with the contradictions between legal and social results of the norms of the penal law.

The results of the research can be used in the study of criteria and indicators of the state of the legal order in the Russian penal system.

Key words: law; law and order; legality; penal system; penal law and order.

Исследование состояния правопорядка имеет важное значение для любой отрасли права. К сожалению, в науке уголовно-исполнительного права категория «правопорядок» не получила достаточного осмысления. Полагаем, что введение в понятийный аппарат термина «пенитенциарный порядок» позволит создать условия для всестороннего анализа результатов функционирования уголовно-исполнительной системы и действия уголовно-исполнительного законодательства.

В изучении правопорядка вообще и пенитенциарного в частности следует учитывать существование юридической и социальной сторон действия права. Социально-юридическая сущность правопорядка обусловлена природой права как социального регулятора. С одной стороны, право – это внешний по отношению к обществу инструмент обеспечения порядка, а с другой – неотъемлемая часть социального порядка. В силу этого результаты действия права имеют двойственный характер. Юридические результаты преимущественно характеризуют формальную сторону действия права и входят свое воплощение в системе сложившихся правоотношений и режиме законности, социальные – отражают качественные изменения в общественных отношениях и не имеют юридической формы и содержания.

Понятие «правопорядок» не следует рассматривать только как результат, итог действия права. Проявления юридической упорядоченности можно встретить на различных этапах правового регулирования. Иными словами, на каждой стадии действия этого механизма правовой порядок приобретает свои специфические формы и содержание.

На этапе создания нормы права возникает статичный порядок, который существует в форме нормативной урегулирован-

ности общественных отношений. При этом состояние порядка характеризует полноту предмета правового регулирования, социальную адекватность используемых методов и способов воздействия. Правопорядок может выступать и в качестве процесса, характеризуя реализацию права в системе правовых отношений. В этом случае он проявляется в согласованности юридических фактов и правоотношений, строгом порядке реализации прав и обязанностей субъектов права. Наконец, выступая завершающим элементом правового регулирования, порядок характеризует его юридические и социальные результаты. Таким образом, порядок может быть рассмотрен в качестве нормы, процесса и результата правовой жизни.

Пенитенциарный порядок следует воспринимать как частное проявление правопорядка. Всестороннее представление о данном виде правопорядка может быть сформировано в результате анализа всего массива норм уголовно-исполнительного права. Нами будут затронуты лишь отдельные стороны выбранной проблемы с целью раскрыть качественную определенность и методологическую роль пенитенциарного правопорядка.

В наиболее общем виде под пенитенциарным порядком следует понимать качественное состояние отношений в пенитенциарной сфере, проявляющееся в сложившейся системе правового регулирования, процессе реализации норм и социально-юридических результатах их действия.

Пенитенциарный порядок как проявление нормативности правовой жизни предполагает анализ системно-структурных связей правовых норм и юридических форм их выражения. В этом аспекте порядок передает интегративный эффект,

возникающий в результате принятия юридических норм. Состояние правопорядка даже на этапе общего действия норм права, несмотря на отсутствие конкретных правоотношений, способствует определенной стабильности и устойчивости правовой жизни.

Статичность правопорядка отражается в нормативном закреплении правовой структуры общества и государства. При этом правосубъектность субъектов права, а также установленный правовой режим дозволенного, обязанного и запрещенного поведения как очерчивают внешние границы правового поведения, так и проводят внутреннее разделение между правомерным и противоправным. Нормативная согласованность и системность юридических норм обуславливают определенные ожидания и социально-правовые установки субъектов права. В этой связи хотелось бы отметить, что осознание возможности обладания правом или возможности защитить нарушенное право либо понести юридическое наказание за нарушение обладает самостоятельным регулятивным эффектом. При этом чем выше степень реальности указанной возможности, чем полнее и достовернее знание о механизме ее реализации, тем выше уровень нормативного правопорядка. Ярким примером может служить право на условно-досрочное освобождение. Оно позволяет активно влиять на поведение осужденных, добиваясь определенного порядка на территории исправительного учреждения.

Показатели пенитенциарного правопорядка как нормы правовой жизни характеризуют качественную сторону юридических норм. Ими могут быть однозначность содержания, логическая целостность, непротиворечивость, соответствие вышестоящим юридическим нормам и, наконец, социальная значимость норм. Следует отметить, что указанные выше показатели носят качественный характер. Количественная оценка правопорядка как нормы правовой жизни весьма проблематична, поскольку не всегда увеличение количества законов (юридических норм) приводит к укреплению порядка в обществе. Обеспечение правопорядка сводится к своеобразному лавированию между строгой и детальной регламентацией одного типа отношений и предоставлением юридической свободы для другого.

Позволим себе еще несколько замечаний. Понимание порядка связано с анализом соотношения нормального и девиантного в правовой жизни. Нарушение либо снижение

правового порядка связано с существованием различных девиаций. Ярким примером могут служить пробелы в российском праве, а также чрезмерная абстрактность и неопределенность юридической терминологии.

Пробелы, коллизии, технико-юридические дефекты и прочие негативные явления не исключают правопорядка, а свидетельствуют о его девиантном содержании. Диалектика настаивает на необходимости исследования явления в единстве его противоречивых сторон. В свете этого полагаем, что состояние правопорядка обусловлено взаимодействием положительных и отрицательных факторов.

Следует согласиться с А. В. Малько и И. Д. Наввахай в том, что правовая жизнь включает в себя как правомерные, так и противоправные явления. Так, аргументируя свою позицию, ученые отмечают, что «правомерные и противоправные начала правовой жизни являются правовыми по своему характеру (в смысле юридическими) и выступают составными частями юридической среды, сегментами правового поля» [1, с. 11]. Правопорядок как норма правовой жизни также характеризуется наличием положительных и деструктивных компонентов. Преобладание первых свидетельствует о высоком уровне правопорядка, преобладание последних – о низком. Однако и в том, и в другом случае правопорядок продолжает существовать.

Девиантные формы правопорядка свидетельствуют о низком качестве правовых норм. Наша позиция заключается в том, что правопорядок нельзя идеализировать. Иными словами, он может быть несовершенным. Правопорядок возникает одновременно с появлением права и государства и никуда не исчезает, поэтому важной задачей государства и гражданского общества является своевременное совершенствование и изменение правопорядка.

Основу пенитенциарного правопорядка образуют нормы УИК РФ. Количество вносимых в кодекс изменений позволяет говорить о достаточно высоком технико-юридическом качестве норм уголовно-исполнительного права и, соответственно, высоком уровне пенитенциарного правопорядка. Однако проанализируем ряд нормативных положений, свидетельствующих о недостатках правового регулирования.

Исполнение уголовных наказаний – это деятельность, которая объективно нуждается в существовании понятной и четко ре-

гламентированной правовой процедуры. В связи с этим хотелось бы отметить, что для существующего нормативного пенитенциарного правопорядка необходима более последовательная и прозрачная регламентация. Ориентиром правового развития может служить практика регулирования административных действий при предоставлении государственных услуг и исполнении государственных функций.

Постановление Правительства Российской Федерации от 16.05.2011 № 373 (ред. от 25.01.2018) [2] устанавливает требования к разработке административных регламентов. Описание каждой административной процедуры должно содержать такие элементы, как основание процедуры, содержание и продолжительность административных действий, ответственные лица, условия, порядок и срок приостановления, критерии принятия решения, результат и способ его фиксации. Наиболее общий перечень правовых процедур исполнения уголовных наказаний приведен в ч. 2 ст. 2 УИК РФ. Однако последующие разделы и главы кодекса не содержат подробной и последовательной их регламентации. Пробельность правовой процедуры приводит к снижению социальной эффективности правового порядка. Приведем ряд примеров.

Существование облегченных, обычных и льготных условий содержания осужденных в исправительных учреждениях должно являться стимулом к исправлению и правопослушному поведению. В соответствии с п. 6 ст. 122 УИК РФ «перевод из строгих условий отбывания наказания в обычные производится не ранее чем через девять месяцев при отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания». Обратим внимание на то, что верхняя граница срока содержания в строгих условиях не установлена. Получается, что возможность перевода является не субъективным правом, а законным интересом осужденного, реализация которого зависит от усмотрения администрации исправительного учреждения. Отсутствие четкого правового регулирования сроков принятия решения указывает на дискреционный характер полномочия, и потому, на наш взгляд, приведенная норма может снижать заинтересованность в правомерном поведении.

В соответствии с п. 4 ст. 122 УИК РФ «осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, переводятся в обыч-

ные или строгие условия отбывания наказания». В указанном примере широта дискреционных полномочий граничит с наличием коррупциогенного фактора в российском законодательстве.

Важным институтом уголовно-исполнительного права является признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (далее – злостный нарушитель). Вместе с тем правовые процедуры этого института имеют весомые пробелы.

Следует заметить, что признание злостным нарушителем по буквальному смыслу ст. 115 УИК РФ не является мерой взыскания. Злостный нарушитель – это специфический статус осужденного, который своим поведением игнорирует установленные требования режима и вытекающие из этого статуса определенные ограничения (в частности, такие осужденные переводятся из обычных условий в строгие). Нормы, предусматривающие возможность признания осужденного злостным нарушителем, имеют превентивное значение. Понимание связи между поведением и возможными ограничениями должно подталкивать осужденных к формированию социально полезных установок. Вместе с тем пенитенциарный порядок в рассматриваемой сфере имеет существенный изъян: уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает юридической возможности снятия указанных статусных ограничений. На наш взгляд, это является серьезным недостатком правового регулирования.

Девиантность пенитенциарного правопорядка проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, осужденный, признанный однажды злостным нарушителем, фактически остается в этом статусе до конца срока отбывания уголовного наказания. В этой связи юридическая возможность повторного признания злостным нарушителем является нонсенсом, поскольку осужденный и так им является. Кроме того, при буквальном толковании норм, регламентирующих перевод из обычных условий в строгие и из строгих в обычные, возникает логическое противоречие. Так, ч. 5 ст. 120 УИК РФ предусматривает, что при отсутствии взысканий в течение шести месяцев осужденный может быть переведен из строгих условий в обычные. Однако в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 120 УИК РФ осужденный должен быть переведен в строгие условия содержания, поскольку ранее был признан злостным нарушителем.

Алогизм сложившейся ситуации налицо. При этом практика идет по пути не буквального, а расширительного толкования, допускающая возможность неоднократного признания осужденного злостным нарушителем.

Во-вторых, серьезное противоречие может проявляться и в другой форме. Злостный нарушитель по истечении установленного времени и при отсутствии взысканий может быть переведен в обычные условия, а в последующем и облегченные. Более того, при соблюдении формальных моментов суд может признать такое лицо не нуждающимся в полном отбытии установленного срока уголовного наказания и, соответственно, освободить его условно-досрочно.

Вполне очевидно, что признание осужденного злостным нарушителем должно устанавливаться на определенный срок, при этом следует предусмотреть возможность снятия этого статуса, тем более что после освобождения факт признания злостным нарушителем может повлечь определенные правовые последствия (в частности, установление административного надзора).

Правопорядок как норма правовой жизни не является единственной стороной единого содержания. Не меньшее внимание следует уделять правопорядку как процессу правовой жизни. Иными словами, правовой порядок вообще и пенитенциарный в частности характеризуют процедурно-процессуальную сторону правовой жизни общества.

Пенитенциарный правопорядок как процесс правовой жизни позволяет увидеть динамику правового отношения. Рассматриваемая сторона правопорядка ориентирует исследователя на анализ нескольких взаимосвязанных проблем. Во-первых, следует задаться вопросом, какова эффективность социальной роли предусмотренных нормами права юридических фактов. В данном случае крайне важно отслеживать связи юридического факта и правоотношения. Иными словами, юридический факт может в реальной жизни возникнуть, однако не привести к появлению правоотношения, поскольку для субъектов его социальная роль незначительна и они не прилагают усилий для возникновения правоотношения.

В качестве примера можно привести следующие статистические данные. В 2017 г. количество осужденных, подпадающих под условно-досрочное освобождение или замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания, составляло 204 073 чел. В то же время количество осужденных, реализовавших указанные законные интересы,

составило 74 270 чел., то есть всего 36,3 %. При этом количество осужденных, подавших ходатайство на условно-досрочное освобождение, составило 91 328 чел., то есть 44 % [8, с. 56–57]. Таким образом, значительная часть осужденных, имея формальное право, не стремится к его реализации.

Следует отметить, что в юридических фактах органично переплетаются нормативная и волевые стороны. В указанном выше примере можно увидеть существенное расхождение в цифрах, что свидетельствует о формальности нормативной стороны, ее отрыве от социальной жизни.

Одна из причин отсутствия волеизъявления может заключаться в том, что осужденный не рассматривает обладание правом в качестве ценности и поэтому не стремится к нему. В контексте высказанного предположения приведем ряд статистических данных о количестве осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях на различных условиях.

Так, в 2017 г. среднесписочная численность осужденных составляла 513 818 чел.; в обычных условиях отбывали наказание 428 444 чел. (83 %), в облегченных условиях – 60 094 чел. (12 %) [8, с. 270]. Анализ статистики за прошедшие годы показывает, что такое соотношение является стабильным. На наш взгляд, отсутствие мотивации и стремления у осужденных отбывать наказание в облегченных условиях во многом связано с поверхностной и недостаточно глубокой дифференциацией различных условий содержания.

Приведенные примеры позволяют понять ориентиры исследования пенитенциарного правопорядка как процесса правовой жизни. Отметим, что кроме анализа возникновения правоотношений рассматриваемый срез правопорядка требует выяснения соотношения объема прав и обязанностей субъектов правоотношений, а также содержания и характера фактических действий в рамках правовых процедур реализации установленных прав и обязанностей.

Правопорядок как процесс правовой жизни закономерно приводит к определенным результатам. Правопорядок как результат представляет собой совокупность социальных и юридических результатов правового регулирования. Юридические результаты выражаются в правомерном поведении и состоянии законности. Социальные результаты характеризуют состояние и уровень развития фактических (экономических, политических и пр.) отношений. Юридические

результаты всегда первичны, тогда как социальные появляются опосредованно и не находятся в прямой (причинной) связи с правовым регулированием. Более того, вполне допустима ситуация, когда юридические результаты (правомерное поведение) будут создавать препятствия на пути к возникновению социального эффекта.

На наш взгляд, в содержании правопорядка как результата правовой жизни социальные результаты действия права должны занимать центральное место. Состояние правопорядка определяется характером соотношения юридических и социальных результатов. Высокий уровень законности не всегда означает высокий уровень правопорядка. Рассмотрим это на примере пенитенциарного правопорядка, для чего проанализируем ряд статистических данных, характеризующих деятельность уголовно-исполнительной системы за период с 2012 по 2017 г.

Наиболее ярким показателем функционирования уголовно-исполнительной системы является количество условно-досрочно освобожденных лиц. Сравним количество осужденных этой группы с общим количеством осужденных, характеризующихся положительно: в 2012 г. было освобождено 91 432 осужденных из 111 185 характеризующихся положительно (82 %) [3, с. 59]; в 2013 г. – 67 700 из 97 849 (69 %) соответственно [4, с. 55]; в 2014 г. – 55 647 из 88 312 (63 %) [5, с. 56]; в 2015 г. – 46 934 из 77 138 (60 %) [6, с. 56]; в 2016 г. – 56 296 из 79 236 (71 %) [7, с. 57]; в 2017 г. – 55 470 из 82 179 (67 %) [8, с. 56].

Представленные данные убедительно свидетельствуют об эффективности воспитательной работы. Однако если сопоставить указанные цифры с данными судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости за 2012–2017 гг., то вывод будет не столь однозначным. Так, количество лиц, которые были условно-досрочно освобождены и затем совершили преступление, в 2012 г. составило 42 758 чел., в 2013 г. – 38 425 чел., в 2014 г. – 32 613 чел., в 2015 г. – 28 955 чел., в 2016 г. – 25 746 чел., в 2017 г. – 22 454 чел. [9].

Получается, что ежегодно фактически половина осужденных, в отношении которых суд ранее принял решение о том, что они не нуждаются для своего исправления в дальнейшем отбывании уголовного наказания, вновь совершает преступления. Статистические данные могут поставить под сомнение эффективность сложившейся юридической практики. Иными словами, правомерная деятельность суда и администрации исправительного учреждения не приводит к появлению должных социальных результатов, то есть фактическому исправлению осужденных.

В заключение сформулируем ряд обобщающих выводов.

В основе нашего понимания правопорядка лежат две основополагающие идеи: социально-юридическая сущность правопорядка и его поликонтекстуальная природа. Феномен порядка и упорядоченности в общественных отношениях невозможно раскрыть с помощью исключительно правоотношений и иных юридических категорий. Складывающиеся в обществе правоотношения и существующий режим законности являются важнейшей частью правопорядка. Однако правопорядок, выступая юридической категорией, имеет и социальное содержание. Двойственная социально-юридическая природа, а также идея поликонтекстуальности позволяют выделить в едином содержании правопорядка такие три стороны, как норма, процесс и результат.

Общетеоретическая природа категории «правопорядок» может проявить себя в полной мере лишь при наполнении ее конкретным содержанием в ходе анализа отраслевых проблем правового регулирования. Крайне важно осуществить переход от абстрактных исследований сущности правопорядка к изучению конкретных проблем определения его состояния и средств укрепления в отраслевых сферах правового регулирования. Успешное решение указанной задачи находится в зависимости от создания теории правопорядка, к разработке которой должны приложить усилия ученые-правоведы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малько А. В., Невважай И. Д. Правовая жизнь и теневое право // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 8–16.
2. О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг : постановление Правительства Российской Федерации от 16.05.2011 № 373 (ред. от 25.01.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 22. Ст. 3169; 2018. № 6. Ст. 880.
3. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2012 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2013. 310 с.

4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2013 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2014. 300 с.
5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2014 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2015. 359 с.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2015 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2016. 402 с.
7. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2016 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2017. 385 с.
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 358 с.
9. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2017 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 19.06.2018).

REFERENCES

1. Mal'ko A. V., Nevvazhaj I. D. Pravovaya zhizn' i tenevoe pravo [Legal Life and Shadow Law]. Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal Policy and Legal Life. 2013. Iss. 4. P. 8–16. (In Russ.).
2. O razrabotke i utverzhdenii administrativnyh reglamentov ispolneniya gosudarstvennyh funkcion i administrativnyh reglamentov predostavleniya gosudarstvennyh uslug : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 16.05.2011 № 373 (red. ot 25.01.2018) [On the development and approval of administrative regulations for the performance of public functions and administrative regulations for the provision of public services : Decree of the Government of the Russian Federation from 16.05.2011 No. 373 (in red. on 25.01.2018)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. Iss. 22. Art. 3169; 2018. Iss. 6. Art. 880. (In Russ.).
3. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2012 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2012 : information-analytical collection]. Tver, 2013. 310 p. (In Russ.).
4. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2013 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2013 : information-analytical collection]. Tver, 2014. 300 p. (In Russ.).
5. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2014 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2014 : information-analytical collection]. Tver, 2015. 359 p. (In Russ.).
6. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2015 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2015 : information-analytical collection]. Tver, 2016. 402 p. (In Russ.).
7. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2016 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2016 : information-analytical collection]. Tver, 2017. 385 p. (In Russ.).
8. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2017 g.) : inform.-analit. sb. [The main indicators of the Penal system in January – December 2017 : information-analytical collection]. Tver, 2018. 358 p. (In Russ.).
9. Osnovnye statisticheskie pokazateli sostoyaniya sudimosti v Rossii za 2008–2017 gody [The main statistical indicators of the criminal record in Russia for 2008–2017]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (accessed 19.06.2018). (In Russ.).

УДК 340.1

Правовые режимы и их взаимодействие с иными социальными регуляторами и средствами психолого-педагогического воздействия (теоретико-правовой анализ)

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. ШАХАНОВ – доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и

государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

Посредством права нельзя решить все проблемы в обществе. Право имеет пределы регулятивного воздействия. Особенно аккуратно следует использовать правовой инструментарий в среде заключенных, где право как регулятор наиболее уязвимо. Здесь нельзя обойтись без социальных регуляторов иного рода: обычаев, корпоративных норм, норм морали, религиозных норм. Не следует забывать и о средствах психолого-педагогического воздействия, которые сопровождают действие социальных регуляторов и способны усилить эффект от их применения.

Изучение пределов правового регулирования весьма информативно через проблематику правовых режимов, а в пенитенциарной сфере – пенитенциарных режимов. Несмотря на некоторое внимание к вопросу правовых режимов на страницах учебной литературы, их познавательного-регулятивный потенциал используется неэффективно. Анализ подходов к определению понятия «правовой режим» и его видового феномена – пенитенциарного режима – свидетельствует о целесообразности включения в дефиницию в качестве существенного признака указания на создание условий для достижения определенных целей. В таком сочетании регулятивное воздействие правового режима теряет качество иллюзорности. Достижение главной цели права – охрана и регулирование общественных отношений – возможно только в условиях эффективного социального взаимодействия. Осужденных нужно активно вовлекать во взаимодействие с администрацией для решения социально-бытовых вопросов. Общение в режиме «не положено» не будет способствовать целям исполнения наказаний, вызовет лишь отторжение и ухудшение переговорных позиций.

Ключевые слова: правовой режим; пенитенциарный режим; воспитательно-правовое воздействие; междисциплинарное взаимодействие; механизм правового регулирования; цели наказания; критерии исправления осужденного.

Legal regimes and their interaction with other social regulators and means of psychological and pedagogical influence (theoretical and legal analysis)

V. E. LAPSHIN – Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State A. G. and N. G. Stoletov University, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activities of the Vladimir Institute of Law of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, PhD. in Law, Associate Professor;

V. V. SHAKHANOV – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Public Law at the Faculty of Law and Administration of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

With the help of the law it is impossible to solve all problems in society. Law has limits of regulatory influence. Particularly it is necessary to use the legal tools among prisoners, where law as a regulator is most vulnerable. Here it is impossible to act without social regulators of a different kind: customs, corporate norms, moral norms, religious norms. Do not forget about the means of psychological and pedagogical influence that accompany the action of social regulators and are able to strengthen the effect of their application.

The study of the limits of legal regulation is very informative through the problems of legal regimes, and in the penal sphere – penal regimes. Despite some attention to the issue of legal regimes on the pages of educational literature their cognitive-regulatory potential is used inefficiently. Analysis of approaches to the definition of the concept of

«legal regime» and its specific phenomenon – the penal regime – indicates the expediency of including in the definition as an essential indication of the creation of conditions for achieving certain goals. In this combination the regulatory impact of the legal regime loses its illusory quality. Achieving the main goal of law – the protection and regulation of social relations – is possible only in conditions of effective social interaction. Convicts need to be actively involved in interaction with the administration to solve social and domestic issues. Communication in the «not allowed» mode will not contribute to the goals of the execution of punishments, will cause only the rejection and deterioration of the negotiating positions.

Key words: legal regime; penal regime; educational and legal impact; interdisciplinary interaction; mechanism of legal regulation; the purpose of punishment; criteria for correcting the convicted person.

Многие открытия в настоящее время совершаются на стыке наук. Научное прогнозирование также свидетельствует об актуальности междисциплинарного взаимодействия. В сфере изучения регулятивного воздействия права на поведение людей большой потенциал заключается в изучении инструментов, позволяющих осознанно действовать согласно праву. Многие правовые аспекты в собственно правовом формате теряют точки соприкосновения с реальной жизнью. Одним из средств связи права с действительностью выступает педагогика. Без ее воспитательного воздействия на поведение людей право не может быть рецепировано и восприниматься как руководство к действию, либо движение в данном направлении будет затруднено. Особенно велика роль инструментов воспитательно-правового воздействия в работе с осужденными. Такой инструментарий позволяет формировать своеобразную оболочку для достижения целей пенитенциарного воздействия в виде необходимого правового режима.

Институт правовых режимов имеет теоретико-правовую природу. В теории права данную тему все чаще стали раскрывать на страницах учебной литературы в формате отдельных параграфов и даже глав [5, с. 519–525; 10, с. 261–266]. Тем не менее происходит это не в массовом порядке, что, возможно, свидетельствует об отсутствии в научном сообществе консенсуса относительно достаточной значимости этого вопроса. Правовые режимы подвергались анализу и в монографических исследованиях, предметом которых выступали видовые по отношению к данной категории понятия [6; 3]. Обратиться к этой теме нас вынудило определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 84-КГ17-6, которым было признано неправомерным взыскание с государства морального вреда за содержание гражданина в следственном изоляторе в течение более шести месяцев с нарушением нормативно установленных

санитарно-гигиенических стандартов (нарушение норм санитарной площади на одного человека, а также расположение напольных чаш (унитазов) в жилом помещении, где содержатся подозреваемые, без какой-либо перегородки). Верховный Суд Российской Федерации указал, что суды не установили степень вины государства в нарушении этих нормативов и возможность избежать нарушения при осуществлении потерпевшим санитарно-гигиенических процедур в результате принятия мер по обеспечению приватности (индивидуально осужденным или совместно с отбывающими с ним наказание лицами).

В данной ситуации можно выделить три аспекта: правовой, педагогический и социальный. Каждый из них заслуживает отдельного внимания. Правовой аспект связан с действием особого правового режима – пенитенциарного режима, педагогический обусловлен уровнем воспитания осужденных, социальный – способностью лиц, отбывающих наказание, к взаимодействию между собой (в том числе с целью организации порядка осуществления гигиенических процедур) и с администрацией исправительного учреждения (в вопросах оказания помощи в решении бытовых проблем).

Остановимся на правовом инструменте, регулирующем весь поток правовых средств, необходимых для достижения определенной социально-правовой цели, – правовом режиме. В русском языке слово «режим» (франц. *regime*, от лат. *regimen* – управление) понимается как установленный распорядок жизни (работы, питания, отдыха, сна) или как совокупность правил, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели [8, с. 1124].

В теории права есть несколько определений анализируемого правового явления. Так, С. С. Алексеев под правовым режимом предлагает понимать определенный порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих

между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования [1, с. 185]. А. В. Малько считает данную дефиницию излишне многословной, имеющей повторяющиеся термины («регулирование»), акцентирующей внимание на формальном признаке (направленность правового регулирования) в ущерб материальному критерию (степень благоприятности или неблагоприятности правового регулирования для интересов различных субъектов права). Он определяет правовой режим как «особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств, создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения субъектов права» [4, с. 207].

Независимо от подходов к определению понятия «правовой режим» очевидно, что он должен создавать определенную направленность правоотношений, придавать им форму. Отбывание наказания предусматривает специальный правовой и фактический режимы. В науке уголовно-исполнительного права используется понятие «пенитенциарный режим», которое охватывает вышеуказанные.

Первенство в применении термина «режим» в правовом контексте принадлежит правовым актам советского периода. Впервые он был использован в правовых предписаниях Временной инструкции НКЮ РСФСР «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» (1918 г.), в которой употребляются слова «режим подследственных» (ст. 7), затем в другом нормативном акте – Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 г., в котором режиму был посвящен целый раздел.

Одним из первых определение пенитенциарного режима в советской юридической литературе сформулировал профессор С. В. Познышев: «Пенитенциарный режим, в широком смысле этого слова, обнимает всю систему мер, посредством которых пенитенциарные учреждения стремятся к достижению своих целей» [7, с. 113–114].

Очень точно, на наш взгляд, определяют понятие пенитенциарного режима (хотя и используя синонимичный термин «режим отбывания наказания в виде лишения свободы») авторы учебника «Советское исправительно-трудовое право. Особенная часть». Под данным правовым явлением они понимают установленные нормами совет-

ского исправительно-трудового права и социалистической морали порядок и условия отбывания (исполнения) наказания в виде лишения свободы, обеспечивающие реализацию уголовно-правовой кары, создающей условия для применения мер исправительно-трудового воздействия к осужденным для достижения целей наказания [9, с. 99–100]. Хотим обратить особое внимание на последнюю часть определения, где говорится о *создании условий* для применения мер соответствующего воздействия к конкретной социальной группе для достижения определенных целей.

Создание условий для достижения определенных целей – вот что должно обязательно присутствовать в определении в качестве существенного признака. В таком сочетании регулятивное воздействие теряет качество иллюзорности, недостижимости. Главное – создать условия. Цель может быть и не достигнута во всех без исключения случаях. На достижимость цели влияет множество субъективных факторов. Так, восстановление социальной справедливости – цель достаточно уязвимая. Например, даже длительный срок заключения для преступника, совершившего тяжкое преступление, для одной группы населения будет справедливым, а для родственников потерпевшего – недостаточно жестким наказанием.

Цель пенитенциарного режима должна коррелировать с целями наказания. Они перечислены в ч. 2 ст. 42 УК РФ и заключаются в восстановлении социальной справедливости, исправлении осужденного и предупреждении совершения новых преступлений. В научной литературе эти цели подвергаются критике ввиду высокой степени абстрактности описания и потенциальной недостижимости. Ситуация неопределенности складывается и в отношении критериев оценки исправления осужденного, к которым относят признание вины в совершенном преступлении и справедливости назначенного наказания, участие в художественной самодеятельности, чтение литературы и др. Следует согласиться с В. Ф. Лапшиным в том, что «нет никаких гарантий того, что после устранения специфических условий содержания в пенитенциарном учреждении осужденный сделает осознанный выбор в пользу правопослушного поведения на свободе» [2, с. 81].

Если говорить о пенитенциарных правоотношениях, то прежде всего необходимо напомнить о том, кто является их субъектами. С одной стороны, это заключенный, то есть

лицо, совершившее преступление и отбывающее наказание, с другой – государство в лице администраций учреждений и органов, исполняющих наказания. Круг лиц, оказывающих влияние на пенитенциарные отношения, более широк. Это все те, кто взаимодействует с администрациями учреждений и органов, исполняющих наказания, по различным вопросам, возникающим в ходе отбывания наказания (прокуратура, местные органы власти, общественные организации, члены семей и близкие родственники осужденных, адвокаты, самодеятельные организации осужденных и др.). Перечисленные субъекты не могут рассматриваться в качестве субъектов пенитенциарных правоотношений, поскольку они не обладают властными исполнительно-распорядительными полномочиями по отношению к осужденным, а работа самодеятельных организаций подчиняется администрации исправительного учреждения и контролируется ею (ст. 111 УИК РФ). Отсутствие идентификации в качестве субъектов пенитенциарных правоотношений не означает отсутствия вовлеченности в процесс создания условий для отбывания наказания в рамках социального аспекта. Практика свидетельствует о большом вкладе государственных и муниципальных органов, общественных организаций, членов семей и близких родственников осужденных в улучшение условий содержания. Создание условий и есть необходимая составляющая любого правового режима.

В сфере гуманитарного знания, в том числе и в юриспруденции, существуют смежные понятия, которые нуждаются в разграничении. Сложнее всего это сделать в отношении понятий «правовой режим» и «механизм правового регулирования», так как они имеют много общего, в частности правовой режим реализуется через механизм правового регулирования. В самом общем виде дифференцировать их можно следующим образом: механизм правового регулирования включает в себя всю совокупность правовых режимов, то есть является более широким понятием.

С учетом вышесказанного предлагаем следующие определения понятий «правовой режим» и «пенитенциарный режим».

Правовой режим – это определенный порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих условия для достижения желаемого социально-

го состояния или удовлетворения субъектов права, действующий во взаимодействии с иными социальными регуляторами и средствами психолого-педагогического воздействия.

Пенитенциарный режим – это установленные нормами права и действующие во взаимодействии с иными социальными регуляторами и средствами психолого-педагогического воздействия порядок и условия отбывания (исполнения) наказания, создающие условия для применения мер исправительного воздействия к осужденным для достижения целей наказания.

Возвращаясь к ситуации, освещенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 84-КГ17-6, хотелось бы привести ряд суждений в поддержку правовой позиции высшего судебного органа.

Во-первых, государство не должно и не может вмешиваться во все детали быта осужденных. Оно лишь создает условия для разрешения бытовых проблем. Сами по себе нарушения личных неимущественных прав потерпевшего или посягательство на нематериальные блага не являются безусловными основаниями для удовлетворения требований о компенсации морального вреда. Осужденные должны проявлять социальную активность и обращать внимание администрации исправительных учреждений на неудовлетворительные условия содержания. Судебные перспективы по возмещению морального вреда будут иметь лишь случаи каких-либо нарушений, подтвержденные доказательствами попыток влияния на действия администрации исправительных учреждений со стороны осужденных или иных субъектов, оказывающих воздействие на пенитенциарные отношения с целью разрешения бытовых проблем. Само по себе содержание лица под стражей или отбывание им наказания в местах лишения свободы, осуществляемое на законных основаниях, не порождает у него право на компенсацию морального вреда.

Во-вторых, не все социально-бытовые вопросы могут быть разрешены посредством права, оно имеет пределы регулятивного воздействия. Здесь нельзя обойтись без социальных регуляторов иного рода: обычаев, корпоративных, моральных, религиозных норм. Не следует забывать и о средствах психолого-педагогического воздействия, которые сопровождают действие социальных регуляторов и способны усилить эффект от их применения.

В-третьих, согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, наличие или отсутствие физических и нравственных страданий, а также оценка их характера и степени должны устанавливаться с учетом индивидуальных особенностей потерпевшего и иных заслуживающих внимания фактических обстоятельств дела. В качестве подобных обстоятельств могут рассматриваться длительность пребывания потерпевшего в местах лишения свободы или в местах содержания под стражей, однократность/неоднократность такого пребывания; половая принадлежность лиц, присутствующих при осуществлении потер-

певшим санитарно-гигиенических процедур в отсутствие приватности; возможность самостоятельного принятия потерпевшим или совместно отбывающими с ним наказание лицами мер по обеспечению приватности санитарно-гигиенических процедур; состояние здоровья и возраст потерпевшего; иные обстоятельства.

И наконец, осужденных нужно агитировать взаимодействовать с администрацией для решения социально-бытовых вопросов. Общение в режиме «не положено» не способствует достижению целей исполнения наказаний и будет вызывать лишь отторжение и ухудшение переговорных позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 288 с.
2. Лапшин В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости // Журн. рос. права. 2018. № 5. С. 75–85.
3. Маилян С. С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью : моногр. М., 2002. 214 с.
4. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2005. 250 с.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учеб. М., 2014. 528 с.
6. Ольховик Н. В. Режим испытания при условном осуждении. Томск, 2005. 180 с.
7. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 342 с.
8. Советский энциклопедический словарь. М., 1981. 1600 с.
9. Советское исполнительно-трудовое право. Особенная часть : учеб. для слушателей вузов МВД СССР / под ред. Н. А. Стручкова, В. А. Фефелова. Рязань, 1987. 624 с.
10. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1998. 616 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Obshchhie dozvoleniya i obshchhie zaprety v sovetskom prave [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Moscow, 1989. 288 p. (In Russ.).
2. Lapshin V. F. Istinnaya cel' ugovolnogo nakazaniya i kriterii ee dostizhimosti [The real purpose of criminal punishment and the criteria for its attainability]. Zhurn. ros. prava – Journal of Russian Law. 2018. Iss. 5. P. 75–85. (In Russ.).
3. Mailyan S. S. Administrativno-pravovye rezhimy v teorii administrativnogo prava i praktike gosudarstvennogo upravleniya pravoohranitel'noj deyatel'nost'yu : monogr. [Administrative and legal regimes in the theory of administrative law and practice of state administration of law enforcement activities : monograph]. Moscow, 2002. 214 p. (In Russ.).
4. Mal'ko A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave [Incentives and restrictions in the law]. Moscow, 2005. 250 p. (In Russ.).
5. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. [Theory of State and Law : textbook]. Moscow, 2014. 528 p. (In Russ.).
6. Ol'hovik N. V. Rezhim ispytaniya pri uslovnom osuzhdenii [Test mode with conditional conviction]. Tomsk, 2005. 180 p. (In Russ.).
7. Poznyshev S. V. Osnovy penitenciarnoj nauki [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, 1923. 342 p. (In Russ.).
8. Sovetskij ehnciklopedicheskij slovar' [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1981. 1600 p. (In Russ.).
9. Sovetskoe ispolnitel'no-trudovoe pravo. Osobennaya chast' : ucheb. dlya slushatelej vuzov MVD SSSR / pod red. N. A. Struchkova, V. A. Fefelova [Soviet executive labor law. Special part : textbook for students of high schools of the Ministry of Internal Affairs of the USSR : ed. by N. A. Struchkov, V. A. Fefelov]. Ryazan, 1987. 624 p. (In Russ.).
10. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. dlya yurid. vuzov i fak. / pod red. V. M. Korel'skogo i V. D. Perevalova [The theory of state and law : textbook for law schools and faculties : ed. by V. M. Korelsky and V. D. Perevalov]. Moscow, 1998. 616 p. (In Russ.).

Оценка судом доказательств в стадии судебного разбирательства при производстве по уголовному делу: эмпирический анализ

П. А. ЛУЦЕНКО – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, кандидат юридических наук

Реферат

Реализация назначения уголовного судопроизводства, регламентированного ст. 6 УПК РФ, предполагает познавательную, а также формально-логическую деятельность должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, которая включает в себя собирание, проверку и оценку доказательств. Оценочный этап юридического познания вызывает ожесточенные дискуссии в среде ученых-процессуалистов как ввиду сложности детерминации его сущности, так и в силу отсутствия постоянства регламентации критериев оценки доказательств, прямым образом влияющих на постановление приговора и носящих не только правовой, но и политический характер.

Проведенное в рамках научной статьи исследование позволяет констатировать, что оценка доказательств по своему содержанию представляет единство мыслительного и правового компонентов. Мыслительный компонент (внутренняя сторона) заключается в аналитической деятельности, подчиненной логическим законам и направленной на определение наличия или отсутствия таких свойств доказательства, как относимость и допустимость. Процессуально-правовой компонент (внешняя сторона) характеризует установленную законом форму соответствующей деятельности, результатом которой является вынесение промежуточного или итогового решения по уголовному делу.

На основе анализа правоприменительной практики автор приходит к выводу, что наибольшие сложности в деятельности суда вызывает применение положений уголовно-процессуального закона, устанавливающих перечень недопустимых доказательств, как ввиду наличия внутренних противоречий, так и вследствие избыточности правила наибольшего благоприятствования стороне защиты. В связи с этим предлагается внесение в ст. 75 УПК РФ изменений и дополнений, которые предполагают установление критерия существенности (неустраимости) нарушения уголовно-процессуального закона при признании доказательства недопустимым. При этом, по мнению автора, к неустраимым (существенным) нарушениям уголовно-процессуального закона можно отнести те, которые влекут за собой лишение или ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного процесса или каким-либо другим образом влияют на достоверность полученного доказательства.

Ключевые слова: судебное разбирательство; нарушение уголовно-процессуального закона; допустимость доказательства; суд; уголовно-процессуальная форма; судебное решение; относимость; достоверность; достаточность.

Judgment by the court of evidence in criminal proceedings: an empirical analysis

P. A. LUTSENKO – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Proceeding of the Voronezh State Agrarian Emperor Peter I University, PhD. in Law

Abstract

The implementation of the appointment of criminal proceedings, regulated by the Art. 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, presupposes cognitive as well as formal and logical activities of the official conducting criminal proceedings, which includes the collection, verification and evaluation of evidence. The evaluation stage of legal cognition causes fierce discussions among the scientists-processivists both in

view of the complexity of determination of its essence and due to the lack of a constant regulation of the criteria for assessing evidence that directly influences the decision of the verdict and is not only legal but also political.

The research conducted within the framework of the scientific article allows us to state that the evaluation of evidence in its content is a unity of the thinking and legal components. The thinking component (the inner side) consists in analytical activity subordinated to logical laws and aimed at determining the presence or absence of such properties of evidence as relevance and admissibility. The procedural and legal component (external side) characterizes the legal form of the relevant activity, the result of which is an interim or final decision on the criminal case.

Based on the analysis of law enforcement practice the author comes to the conclusion that the greatest difficulty in the activities of the court is the application of the provisions of the criminal procedure law that establish a list of inadmissible evidence, both because of internal contradictions and because of the excess of the most-favored-nation rule to the defense side. In connection with this it is proposed to insert in Art. 75 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the amendments and supplements that presuppose the establishment of a criterion of the essentiality (ineradicability) of a violation of the criminal procedural law when the evidence is inadmissible. At the same time in the author's opinion those that entail the deprivation or restriction of the constitutional rights and freedoms of participants in the criminal process or in some other way affect the reliability of the evidence obtained can be attributed to irreparable (material) violations of the criminal procedure law.

Key words: litigation; violation of the criminal procedure law; the admissibility of the proof; court; criminal procedural form; judicial decision; relevance; reliability; adequacy.

Оценка доказательств в стадии судебного разбирательства имеет в своей основе правовой компонент, то есть подчинена требованиям уголовно-процессуальной формы, которые в общем виде закреплены в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, а именно: оценка относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств.

Анализ имеющихся в специальной литературе подходов к понятию «относимость доказательств» позволяет утверждать, что в самом общем виде его можно рассматривать как содержательную пригодность доказательства для установления фактов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Основным способом определения относимости доказательства является сопоставление его содержания с кругом обстоятельств, подлежащих установлению. В доктрине уголовного процесса при оценке судом относимости того или иного доказательства принято применять два критерия: общий и непосредственный [9, с. 101–104]. В качестве первого рассматривается унифицированный и специальный предметы доказывания (ст. 73, 421, 434 УПК РФ), а также положения УК РФ, конкретизирующие названный перечень обстоятельств применительно к составу преступления, устанавливающие смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Непосредственный критерий оценки относимости доказательств находится в прямой зависимости от выдвинутого об-

винения, из чего следует, что содержательно пригодными будут те сведения, которые либо подтверждают, либо опровергают его [4, с. 12]. В этой связи особую сложность вызывает оценка относимости косвенных доказательств, из содержания которых может быть сделано несколько выводов, порой взаимоисключающих друг друга. Кроме того, под влиянием новых доказательств относимость имеющихся в уголовном деле может меняться, а, соответственно, значимость отдельно взятого доказательства и его оценка осуществляются в совокупности с другими доказательствами.

Особое значение в контексте требований уголовно-процессуальной формы имеет оценка судом допустимости доказательств. Несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных проблемам оценки доказательств, именно рассматриваемое свойство вызывает сложности в судебной практике, а также ошибки, которые зачастую влекут за собой отмену вынесенного решения. Например, по уголовному делу в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 1 ст. 228 УК РФ, в судебном заседании была установлена недопустимость использования результатов проверочной закупки у подсудимого, проведенной оперативными службами органов полиции с целью доказывания причастности Ш. к незаконному сбыту наркотических средств. Своё решение суд мотивировал тем, что в соответствии со ст. 86 УПК РФ указанные служ-

бы не относятся к числу органов, на которых возложена обязанность по собиранию доказательств в ходе уголовного судопроизводства. Действия сотрудников полиции в ходе проверочной закупки носили провокационный характер, поскольку иными доказательствами, имеющимися в уголовном деле, подтверждается отсутствие у Ш. умысла на сбыт наркотиков, а также отсутствуют доказательства, подтверждающие совершение Ш. подготовительных действий к совершению преступления. По приговору суда Ш. был признан невиновным и оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава этих преступлений [14].

Еще один пример из судебной практики. Кассационной инстанцией отменен приговор районного суда, вынесенный в отношении Н., оправданного по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 159, п. «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с отсутствием состава преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Воронежского областного суда не согласилась с выводом районного суда, признавшего недопустимым доказательством протокол проверки показаний Н. на месте. В своем определении суд указал, что решение о недопустимости доказательства основано на том, что свидетель Р., принимавший участие в следственном действии в качестве понятого, на допросе в ходе судебного заседания показал, что «обстоятельств проведения данного следственного действия он не помнит, так как был пьян, у него поднялось давление, болела голова, у него был эпилептический припадок». При этом показания сотрудников органов внутренних дел, опровергавшие это утверждение, суд признал недостоверными ввиду их заинтересованности в исходе уголовного дела. Одновременно с этим районный суд не счел недостоверными показания свидетеля С., также участвовавшего в проведении следственного действия и подтвердившего показания сотрудников органов внутренних дел. Таким образом, налицо явные противоречия в оценке доказательств районным судом. При таких обстоятельствах судебная коллегия сочла, что «выводы районного суда, касающиеся оценки представленных стороной обвинения доказательств, являются противоречивыми, сделанными без оценки всех относящихся к ним обстоятельств» [6].

С учетом конституционного смысла допустимости доказательств (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации) уголовно-процессуальный закон, подчеркивая ценность процессуальной формы собирания доказательств, в императивном порядке устанавливает перечень безусловно недопустимых доказательств в ст. 75 УПК РФ. Буквальное толкование положений ч. 1 ст. 75 УПК РФ приводит к выводу о том, что существо нарушения уголовно-процессуального закона не имеет значения при оценке судом допустимости доказательства, то есть любое нарушение влечет негативные с точки зрения доказывания процессуальные последствия. Подобный подход законодателя многими специалистами оценивается критически, поскольку нивелирует значение внутреннего судейского убеждения в пользу простого правила формальной логики – констатации наличия нарушения УПК РФ и, как следствие, невозможности использования доказательства [7, с. 84]. Таким образом, зачастую наиболее важные с точки зрения аргументации судебного решения доказательства оказываются вне уголовного судопроизводства, например ввиду отсутствия подписи понятого в протоколе следственного действия, хотя это формальное нарушение вполне может быть устранено в ходе судебного заседания путем допроса этого понятого в качестве свидетеля. Попытки реализовать концепцию «устранимых нарушений УПК РФ» без ущерба для доказывания имеют место в судебной практике. Например, по уголовному делу в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, защитником было заявлено ходатайство о признании недопустимым доказательством акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения ввиду отсутствия на нем печати медицинского учреждения. В своем решении суд не согласился с доводами стороны защиты, указав, что в ходе судебного разбирательства были исследованы данные журнала приемного отделения БУЗ ВО «Борисоглебская районная больница» регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), а также результаты теста дыхания Ф., которые соответствуют данным, отраженным в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения. По мнению суда, то обстоятельство, что «на акте отсутствует один из реквизитов в виде печати медицинского учреждения, а также выявленный

в ходе судебного производства факт несвоевременного внесения в журнал приемного отделения БУЗ ВО «Борисоглебская районная больница» регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) данных химико-токсикологических исследований не может опровергнуть факт нахождения подсудимого на момент освидетельствования в состоянии опьянения. Соответствующие нарушения могут лишь послужить основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности виновных лиц» (Арх. суд. участка № 3 Борисоглебского район. суда Воронеж. обл. Уголов. дело № 1-10/17).

Мы полагаем, что при формулировании требования о недопустимости доказательств, полученных с нарушением УПК РФ, законодателю необходимо использовать компромиссный подход. С одной стороны, требование допустимости не должно поглощать содержание доказательства и блокировать весь процесс доказывания, излишне формализуя его. С другой стороны, чрезмерное упрощение формы может привести к нарушению целостности доказательства. Например, по мнению Е. В. Селиной, «оценивая показания обвиняемого, не владеющего языком судопроизводства, мы не вправе считать сведения, полученные без переводчика либо с применением давления на обвиняемого, доказательством» [15, с. 41]. В этой связи достаточно аргументированной представляется классификация нарушений УПК РФ на неустранимые и устранимые, используемая для формулирования легального определения «существенное нарушение уголовно-процессуального закона», являющееся основанием для отмены судебного решения. В соответствии с ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ неустранимыми, а следовательно, существенными нарушениями УПК РФ признаются те, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения. С учетом того факта, что собирание доказательств проводится преимущественно на этапе предварительного расследования, полагаем, что легальное определение, содержащееся в ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ, нуждается в соответствующем уточнении. Так, применительно к форме доказательств существенными нарушениями уголовно-процессуального закона

следует, на наш взгляд, считать нарушения, повлекшие за собой лишение или ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного процесса или каким-либо другим образом повлиявшие на достоверность полученного доказательства. К их числу следует относить: 1) применение насилия, пыток или бесчеловечного либо иного жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения; 2) существенное нарушение требований УПК РФ в ходе производства по уголовному делу, в том числе осуществление действий по сбору доказательств, без решения суда, когда получение такого обязательно; 3) осуществление производства по уголовному делу лицом, не имеющим соответствующего права, а также лицом, подлежащим отводу; 4) неразъяснение, неполное или неправильное разъяснение участнику уголовного процесса его прав и обязанностей, процессуального положения (например, получение показаний от лица, которому не было разъяснено право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, предусмотренное ст. 51 Конституции Российской Федерации); 5) получение показаний без переводчика, в случаях когда его участие является обязательным; 6) неустранимое нарушение права на защиту, допущенное при получении показаний, фактических материалов, в том числе при получении показаний без участия защитника, когда участие защитника по закону является обязательным.

Полагаем, что специфика доказывания в судебном заседании предполагает, что устранимые нарушения уголовно-процессуального закона должны быть предметом судебного исследования. В этом случае суд, следуя общим правилам оценки доказательств, может принять решение об использовании таких фактических материалов в доказывании.

Косвенным подтверждением нашей позиции являются и рекомендации Верховного Суда Российской Федерации, который разъяснил, что «при решении вопроса о недопустимости доказательства суд должен в каждом случае выяснить, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение» [12], а также Конституционного Суда Российской Федерации, указавшего, что «в случае выявления допущенных органами дознания нарушений или предварительного следствия процессуальных нарушений суд вправе, самостоятельно и независимо осуществляя правосудие, принимать в соответствии с

уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу» [13].

В дополнительном осмыслении, на наш взгляд, нуждается положение ч. 2 ст. 75 УПК РФ, предписывающее наряду с анонимными показаниями, а также показаниями, полученными из неизвестных и неподтвержденных источников, признавать недопустимыми и показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Это положение не вполне соответствует не только требованиям допустимости доказательств (ч. 1 ст. 74, п. 3 ч. 2 ст. 75, ч. 4 ст. 235 УПК РФ), но и ряду принципов уголовного судопроизводства – законности, права на защиту, свободы оценки доказательств [10, с. 259]. Вопрос о качестве доказательства не может быть взаимосвязан с присутствием при производстве следственного действия защитника, поскольку закон не устанавливает такого императивного требования. Более того, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 51, ст. 52 УПК РФ допускается возможность производства следственных действий вообще без участия защитника. Таким образом, не ясна логика законодателя, предусмотревшего автоматическую недопустимость доказательства в рассматриваемом случае вообще без учета обстоятельств уголовного дела. Достаточно распространенным в доктрине уголовного процесса является объяснение положений п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ через призму концепции «благоприятствования стороне защиты» [16, с. 15–16]. Законодатель подтверждает приверженность указанному тезису, дополняя перечень недопустимых доказательств за счет предметов, документов или сведений, входящих в производство адвоката по делам его доверителей, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, за исключением предметов и документов, приобщенных к уголовному делу в качестве вещественных доказательств в соответствии со ст. 81 УПК РФ [11].

Эти доводы при всей их привлекательности с точки зрения международно-правовых стандартов защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся уголовному преследованию, не снимают противоречий,

содержащихся в тексте ч. 1, 2 ст. 75 УПК РФ. Остается открытым вопрос: почему из общего ряда нарушений УПК РФ, влекущих недопустимость доказательства, выделяется именно отсутствие защитника в ходе допроса подозреваемого (обвиняемого), которое, как мы отметили выше, во многих случаях вообще не является нарушением? Думается, что исключение из текста ст. 75 УПК РФ п. 1 ч. 2 несколько не повлияет на механизм обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, так как в соответствии с принципом презумпции невиновности признательные показания оцениваются в совокупности с иными имеющимися в деле доказательствами, а законность проведения процедуры допроса является самостоятельным предметом оценки в стадии судебного разбирательства, как и форма получения всех иных доказательств.

Особую актуальность в современных правовых реалиях приобретает проблема оценки судом достоверности доказательств. В советской доктрине уголовного процесса она традиционно определялась как соответствие содержания доказательства реальной действительности, то есть его способность служить основной задаче судопроизводства – установлению истины по уголовному делу [8, с. 60]. При отсутствии законодательно закрепленной цели доказывания категория «достоверность» приобретает несколько иное значение. В качестве критериев достоверности рассматриваются другие доказательства, имеющиеся в уголовном деле [1, с. 262]. Суд, оценивая достоверность конкретного доказательства, сопоставляет его с иными, уже исследованными в судебном заседании, что соответствует положениям ч. 1 ст. 17 УПК РФ. Приведем конкретный пример. В ходе судебного заседания по уголовному делу в отношении Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, мировой судья, оценивая представленные стороной обвинения доказательства с точки зрения их достоверности, пришел к следующим выводам. К показаниям свидетеля Б., являющегося супругом частного обвинителя, суд относится с недоверием, поскольку они непоследовательны и противоречат показаниям других свидетелей. Так, в судебном заседании Б. первоначально показал, что его супруга, «падая после первого удара дверью, своим телом сбила его с ног, от чего он упал в кресло. Однако на уточняющие вопросы мирового судьи и участников процесса Б. ответил, что частный обвинитель падала лишь один

раз – после третьего удара дверью». Свои отношения с подсудимым свидетель Б. охарактеризовал как плохие, что послужило дополнительным основанием для отказа мировым судьей в принятии его показаний как достоверных доказательств по делу. Давая оценку показаниям свидетелей Н. и О., а также подсудимого Р., суд не нашел в них существенных противоречий, расценив их как достоверные, последовательные и дополняющие друг друга. Оценивая показания частного обвинителя, суд отметил, что они опровергаются показаниями свидетелей, видеозаписью происшествия, заключением эксперта, письменными документами, что вызывает обоснованные сомнения в их достоверности (Арх. суд. участка № 1 Лискинского район. суда Воронеж. обл. Уголов. дело № 1-1/2014).

И наконец, элементом процессуальной формы оценки доказательств является достаточность их совокупности для принятия законного, обоснованного и мотивированного решения по уголовному делу. В специальной литературе достаточность доказательств трактуется как такая их совокупность, которая позволяет суду разрешить правовой конфликт [3, с. 85]. При отсутствии законодательно установленных критериев рассматриваемое свойство доказательств оценивается исключительно на основании внутреннего судебного убеждения. Следовательно, унифицированного подхода здесь существовать не может, по каждому уголовному делу такая оценка осуществляется индивидуально. Однако наукой разработано понятие «пределы доказывания» [2, с. 133–137], которое, с одной стороны, обеспечивает достаточность доказательств, а с другой – не допускает необоснованного расширения их круга, влекущего снижение эффективности судебной деятельности за счет увеличения временных, материальных и иных затрат.

В практической деятельности определение пределов доказывания вызывает значительные трудности. С точки зрения одной судебной инстанции собранной совокупности доказательств достаточно для вынесения решения, а с точки зрения другой – нет. Приведем конкретный пример. Так, по уголовному делу в отношении Ч., осужденного по ч. 1 ст. 111 УК РФ, в Воронежский областной суд поступила жалоба стороны защиты, в которой осужденный ходатайствовал об отмене приговора районного суда и прекращении производства по делу в связи с отсутствием в действиях Ч. состава

преступления. При этом он считает, что выводы суда о его виновности в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Г. носят предположительный характер и не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела. Рассмотрев материалы уголовного дела, Судебная коллегия по уголовным делам Воронежского областного суда отменила приговор и направила дело на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям. Районный суд в качестве доказательств вины осужденного сослался на показания Ч., данные им на предварительном следствии в качестве подозреваемого, согласно которым он нанес ножом удар Г. в область спины; на заключение судебно-медицинской экспертизы о количестве и локализации обнаруженных на теле потерпевшего Г. телесных повреждений и причине его смерти. При этом показания Ч. в судебном заседании без должной мотивации были расценены как противоречивые, направленные на избежание ответственности за содеянное. Из протокола судебного заседания не усматривается, что судом приняты процессуальные меры к устранению имеющихся противоречий. Кроме того, суд в приговоре не дал никакой оценки показаниям допрошенного в судебном заседании судебно-медицинского эксперта Т., согласно которым «после получения проникающего ранения грудной клетки слева с поражением левого легкого Г. не мог самостоятельно передвигаться и совершать какие-либо активные целенаправленные действия, так как в таких случаях у пострадавшего сразу же в легких наступает плевропульмональный шок, человек ходить не может, он должен сразу пошатнуться и упасть. Поскольку из показаний Ч. усматривается, что после того, как он ударил ножом Г., последний пошел вперед, от действий Ч. проникающего ранения с повреждением легкого произойти не могло, поскольку с таким ранением потерпевший передвигаться бы не мог ввиду немедленного наступления плевропульмонального шока». Судебная коллегия по уголовным делам пришла к выводу, что органами предварительного расследования механизм совершения преступления был не установлен, а выводы суда относительно нанесения Ч. удара ножом именно в область грудной клетки слева в седьмое межреберье в приговоре не мотивированы, приговор районного суда, установивший вину Ч. в причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, не может быть признан обоснованным [5].

Степень достаточности доказательств дифференцируется в зависимости от вида принимаемого судом решения, а также стадии судопроизводства. Так, если для принятия решения о допросе свидетеля без визуального контакта достаточно наличия обстоятельств, подтверждающих возможность посткриминального воздействия на него, то для постановления приговора необходима такая совокупность доказательств, которая позволяет сделать несомненный вывод о доказанности фактических обстоятельств, образующих предмет доказывания.

Таким образом, позволим себе констатировать, что наибольшие сложности с точки зрения правоприменительной практики вызывает оценка допустимости доказательств, что, на наш взгляд, сопряжено в числе прочего с небезупречностью законодательного подхода к формированию перечня недопустимых доказательств. Отсутствие разграничения нарушений уголовно-процессуального закона на устранимые и неустраимые влечет за собой возможность блокирования всего процесса доказывания при наличии даже формальных нарушений УПК РФ, которые могут быть устранены в ходе судебного разбирательства без ущерба для реализации прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Полагаем, что к неустраимым (существенным) нарушениям уголовно-процессуального закона можно отнести те из них, которые влекут за собой лишение или ограничение

конституционных прав и свобод участников уголовного процесса или каким-либо другим образом влияют на достоверность полученного доказательства. Именно такие нарушения, на наш взгляд, должны повлечь за собой безусловное признание доказательства недопустимым. В этой связи предлагается внести в ст. 75 УПК РФ следующие изменения и дополнения:

1) часть 1 статьи 75 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Доказательства, полученные с существенным нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона являются нарушения, повлекшие за собой лишение или ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного процесса или каким-либо другим образом повлиявшие на достоверность полученного доказательства»;

2) пункт 3 части 2 статьи 75 УПК РФ изложить следующим образом: «иные доказательства, полученные с существенным нарушением требований настоящего Кодекса»;

3) дополнить статью 75 УПК РФ частью 3 следующего содержания: «Доказательства, полученные с нарушениями уголовно-процессуального закона, не указанными в части 2 статьи 75 настоящего Кодекса, по судебному решению могут быть использованы в доказывании в случае, если в результате судебного разбирательства такие нарушения были устранены».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (постановка проблемы). СПб., 2007. 466 с.
2. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 251 с.
3. Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. 295с.
4. Бозров В. М., Костовская Н. В. Оценка доказательств в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2012. № 9. С. 10–18.
5. Кассационное определение по уголовному делу № 22-1164. URL: <https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-104214979/> (дата обращения: 04.05.2018).
6. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда. URL: <https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-103663424/> (дата обращения: 03.05.2018).
7. Костенко Р. В. Проблемы правовых последствий нарушения правил допустимости доказательств в уголовном процессе // Соврем. право. 2014. № 8. С. 83–89.
8. Курылев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания // Тр. Иркутского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Т. 13. Иркутск, 1955. С. 37–67.
9. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008. 192 с.
10. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2008. 1170 с.
11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Приговор Лискинского районного суда Воронежской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-liskinskij-rajonnyj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-102982876/> (дата обращения: 06.05.2018).
15. Селина Е. В. Средства доказывания в российском уголовном процессе: вчера, сегодня, завтра // Адвокат. практика. 2015. № 5. С. 39–42.
16. Чеботарева И. Н. Асимметрия правил допустимости доказательств // Рос. следователь. 2013. № 19. С. 14–16.

REFERENCES

1. Averin A. V. Istina i sudebnaya dostovernost' (postanovka problemy) [Truth and judicial certainty (statement of the problem)]. St. Petersburg, 2007. 466 p. (In Russ.).
2. Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D. Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugovolnogo processa [Essay on the development of science of the Soviet criminal process]. Voronezh, 1980. 251 p. (In Russ.).
3. Belkin R. S. Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody [Collection, study and evaluation of evidence. Essence and methods]. Moscow, 1966. 295 s. (In Russ.).
4. Bozrov V. M., Kostovskaya N. V. Ocenka dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve [Evaluation of evidence in criminal proceedings]. Mirovoj sud'ya – The justice of the peace. 2012. Iss. 9. P. 10–18. (In Russ.).
5. Kassacionnoe opredelenie po ugovolnomu delu № 22-1164 [Cassation determination in criminal case No. 22-1164]. Availabel at: <https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-104214979/> (accessed 04.05.2018). (In Russ.).
6. Kassacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Voronezhskogo oblastnogo suda [Cassation determination of the judicial collegium in criminal cases of the Voronezh regional court]. Availabel at: <https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-103663424/> (accessed 03.05.2018). (In Russ.).
7. Kostenko R. V. Problemy pravovyh posledstvij narusheniya pravil dopustimosti dokazatel'stv v ugovolnom processe [Problems of the Legal Consequences of the Violation of the Rules for the Admissibility of Evidence in Criminal Procedure]. Sovrem. pravo – The modern law. 2014. Iss. 8. P. 83–89. (In Russ.).
8. Kurylev S. V. Dokazyvanie i ego mesto v processe sudebnogo poznaniya [Proving and its place in the process of judicial knowledge]. Tr. Irkutskogo gos. un-ta im. A. A. Zhdanova. T. 13 – Scientific works of Irkutsk State A. A. Zhdanov University. Vol. 13. Irkutsk, 1955. P. 37–67. (In Russ.).
9. Mihajlovskaya I. B. Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugovolnom processe [The judge's bench book for proving in criminal proceedings]. Moscow, 2008. 192 p. (In Russ.).
10. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. V. M. Lebedeva [Scientific and practical commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation : ed. by V. M. Lebedev]. Moscow, 2008. 1170 p. (In Russ.).
11. O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 17.04.2017 № 73-FZ [On Amending the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation : Federal Law from 17.04.2017 No. 73-FL]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.).
12. O primenenii sudami norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 05.03.2004 № 1 (red. ot 01.06.2017) [On the application by courts of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 05.03.2004 No. 1 (in red. on 01.06.2017)]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.).
13. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij statej 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 i 408, a takzhe glav 35 i 39 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosami sudov obshchej yurisdikcii i zhalobami grazhdan : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 08.12.2003 № 18-P [In the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the requests of the courts general jurisdiction and complaints of citizens : Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 08.12.2003 No. 18-P]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.).
14. Prigovor Liskinskogo rajonnogo suda Voronezhskoj oblasti [The verdict of the Liskinsky District Court of the Voronezh Region]. Availabel at: <https://rospravosudie.com/court-liskinskij-rajonnyj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-102982876/> (accessed 06.05.2018). (In Russ.).
15. Selina E. V. Sredstva dokazyvaniya v rossijskom ugovolnom processe: vchera, segodnya, zavtra [Means of Evidence in the Russian Criminal Process: Yesterday, Today, Tomorrow]. Advokat. praktika – Lawyer practice. 2015. Iss. 5. P. 39–42. (In Russ.).
16. Chebotareva I. N. Asimetriya pravil dopustimosti dokazatel'stv [Asymmetry of admissibility rules for evidence]. Ros. sledovatel' – Russian investigator. 2013. Iss. 19. P. 14–16. (In Russ.).

УДК 343.83:253

Правовые и организационные аспекты деятельности пенитенциарного духовенства в России

Н. А. МЕЛЬНИКОВА – доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье рассматриваются основы правового регулирования взаимодействия уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями. Проведен анализ действующего международного и отечественного законодательства в данной сфере. Правовые акты в работе представлены группами в зависимости от объема регулируемых общественных отношений: нормативные правовые акты общего, межотраслевого и отраслевого характера. В статье сформулированы предложения о необходимости нормативного закрепления конкретных форм взаимодействия уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями, совокупности прав и обязанностей указанных субъектов, а также описаны основные проблемы в организации деятельности пенитенциарного духовенства. Для того чтобы учесть интересы верующих различных конфессий, предлагается создание неформальных рабочих групп при территориальных органах, в состав которых могут входить на общественных началах представители централизованных традиционных религий России. Дальнейшее развитие института пенитенциарного духовенства видится в расширении форм взаимодействия, в частности работа по духовно-нравственному воздействию на осужденных должна вестись как во время отбывания срока наказания, так и после освобождения. Еще одним направлением развития пенитенциарного служения в России является участие в различных мероприятиях на международном уровне.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; пенитенциарное духовенство; исправительный процесс; верующий; религиозная организация; право на свободу вероисповедания.

Legal and organizational aspects of the penal priesthood in Russia

N. A. MEL'NIKOVA – Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article deals with the basics of legal regulation of the interaction of the penal system with religious organizations. The analysis of the current international and domestic legislation in this area is done. The corresponding legal acts are presented by groups depending on the volume of regulated social relations: normative legal acts of general, inter-branch and branch nature. The article formulates proposals on the need for regulatory consolidation of specific forms of interaction between the penal system and religious organizations, the set of rights and obligations of these subjects. Also the main problems in the organization of activity of penal priesthood are described. In order to take into account the interests of believers of different religious faiths it is proposed to create informal working groups under territorial bodies which may include representatives of centralized traditional religions of Russia on a voluntary basis. Further development of the institution of penal priesthood in Russia is seen in the expansion of forms of interaction, in particular, the work on spiritual and moral influence on convicts should be carried out both during the period of punishment and after release. Also one of the directions of development of penal priesthood in Russia is its presence at the international level.

Key words: penal system; penal priesthood; correctional process; believer; religious organization; right to freedom of religion.

Взаимодействие церкви и государства имеет глубокие исторические корни, в том числе и в вопросе духовно-нравственного развития осужденных. В настоящее время активно обсуждается участие священнослужителей в воспитательном процессе в местах лишения свободы [2].

Следует отметить, что в исправительных учреждениях растет количество осужденных, придерживающихся конкретных религиозных взглядов. По данным правового

управления ФСИН России, в настоящее время численность осужденных, причисляющих себя к верующим, ориентировочно составляет 21,3 % от общего числа осужденных. Для обеспечения реализации права на свободу вероисповедания в исправительных учреждениях создаются необходимые условия. Так, согласно сведениям, приведенным на сайте ФСИН России, в уголовно-исполнительной системе для проведения религиозных обрядов и церемоний функционирует

698 зданий, в том числе 624 здания, выделяемые для лиц, исповедующих православие, 61 – ислам, 10 – буддизм, 3 – католицизм; 660 помещений, в том числе 345 для лиц, исповедующих православие, 263 – ислам, 14 – иудаизм.

Деятельность представителей религиозных организаций на территории исправительных учреждений осуществляется в рамках правового пространства. Особое значение в правовом регулировании имеют международные правовые акты, которые содержат общие ориентиры для внутреннего законодательства в сфере реализации, защиты прав, свобод человека и гражданина, в том числе лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. провозглашает право каждого человека на свободу религии [3]. Данное положение отражено и в содержании Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, где говорится, что лица, содержащиеся в пенитенциарных учреждениях, пользуются всеми правами человека и гражданина, в том числе «в пределах осуществимого каждый заключенный должен иметь возможность удовлетворять свои религиозные потребности, участвуя в религиозных обрядах в стенах его заведения...» [5, с. 290–311].

В приложении к Рекомендации NR(87)3 Комитета министров государствам-членам относительно Европейских пенитенциарных правил (ст. 46) также прямо указывается, что «каждому заключенному разрешается, по мере возможности, удовлетворять свои потребности религиозного, духовного или морального порядка и для этого присутствовать на службах или собраниях в месте лишения свободы и иметь в своем распоряжении необходимые книги и публикации» [13, с. 209–263].

В указанных международных документах имеется позиция о том, что если в месте лишения свободы количество заключенных, принадлежащих к одной и той же религии, значительное, то должен быть назначен официальный представитель этой религии, а в случае необходимости достигается соответствующая договоренность о его работе на постоянной основе. Подобные положения указывают на официальное признание института пенитенциарного духовенства на международном уровне.

Отечественное законодательство по вопросу участия религиозных организаций в исправительном процессе можно охарактери-

зовать, разделив соответствующие нормативные правовые акты на несколько уровней в зависимости от объема регулируемых общественных отношений.

Первый уровень – нормативные правовые акты общего характера, в том числе конституционное регулирование. Так, Конституция Российской Федерации предоставляет каждому человеку право на свободу совести и свободу вероисповедания (ст. 28). Соблюдение общечеловеческих прав гарантируется также и осужденным, для которых создаются соответствующие условия содержания и реализации их духовных устремлений.

Также следует указать Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [7], который определяет механизмы реализации конституционных прав граждан в данной сфере, в частности детально регламентирует права и обязанности религиозных организаций, однако без учета особых сфер их функционирования.

При этом необходимо четко определить правовой статус священнослужителя в местах лишения свободы с учетом особенностей деятельности режимных объектов – исправительных учреждений – и особенностей самого исправительного процесса. Подобная конкретизация должна найти отражение на следующих уровнях правового регулирования – межотраслевом и отраслевом.

Второй уровень правового регулирования представлен межотраслевым обеспечением свободы совести лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Речь идет об использовании институтов гражданского права относительно религиозного имущества, административного права по вопросам взаимодействия субъектов исполнительной власти (исправительное учреждение) и элементов гражданского общества (церковь).

В частности, важным вопросом в административно-правовом регулировании является введение в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» [12] норм, регламентирующих взаимодействие учреждений уголовно-исполнительной системы и религиозных организаций: установление компетенции и обязанностей обеих сторон взаимодействия. Для этого необходимо в законе определить конкретные формы взаимодействия, совокупность прав и обязанностей таких субъектов, основываясь на принципах законности, гуманности и т. д. [17, с. 66–71], а именно дополнить данный нормативный

правовой акт самостоятельной главой «Основы организации деятельности священнослужителей в исправительных учреждениях, исполняющих лишение свободы».

Третий уровень – регулирование пенитенциарного служения отраслевым законодательством (нормами уголовно-исполнительного права).

Современное уголовно-исполнительное законодательство дифференцирует лиц, содержащихся в местах принудительного содержания, на две категории: осужденные и заключенные под стражу. Соответственно, данное законодательство устанавливает разные правовые основы, посредством которых такие лица, имеющие право на свободу совести, могут производить религиозные обряды.

Положения относительно лиц, находящихся в следственном изоляторе, содержатся в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [8], который устанавливает бланкетные нормы относительно отправления религиозных обрядов (в правилах внутреннего распорядка [10]).

Право на свободу совести и вероисповедания в отношении осужденных конкретизируется в УИК РФ (ст. 14), а также в ведомственном правовом документе – Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений [11]. Пунктом 84 данного ведомственного акта установлено, что священнослужители имеют право проносить на территорию исправительного учреждения необходимые для их служебной деятельности предметы культа, перечень которых установлен соглашениями о взаимодействии территориального органа уголовно-исполнительной системы с официально зарегистрированными религиозными организациями, а также вещество для причастия, однако хранение такого вещества на территории учреждения после совершения обряда не допускается. Пункт 171 дает право приглашать священнослужителя в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ по просьбе осужденного.

Четвертый уровень правового регулирования представлен совокупностью документов религиозных организаций, которые определяют порядок тюремного служения. Данные источники являются непосредственным институтом функционирования священнослужителей в исправительном учреждении, их можно найти на официальных сайтах соответствующих конфессий, например, применительно к Русской православ-

ной церкви – на сайте Синодального отдела по тюремному служению.

В настоящее время особенностью правового регулирования взаимодействия учреждений уголовно-исполнительной системы и религиозных организаций является заключение соответствующих соглашений о сотрудничестве. Так, Федеральной службой исполнения наказаний заключены соглашения о сотрудничестве с Русской православной церковью, Советом муфтиев России, Буддийской традиционной Сангхой России и другими традиционными конфессиями.

Право территориальных органов заключать соглашения о взаимодействии с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями было закреплено в 2015 г. путем внесения соответствующих дополнений в УИК РФ (ч. 4.1 ст. 14) [6; 15]. Конечно, данная норма позволила решить вопросы, связанные с привлечением представителей религиозных организаций к участию в исправительном процессе на уровне субъектов. Однако, как справедливо пишет В. И. Чорный, договорное регулирование не решает те вопросы, которые должны быть закреплены в нормативных актах [18, с. 255]. Действительно, определение принципов, форм сотрудничества, установление правового положения представителей религиозных организаций, работающих в исправительных учреждениях, должны носить нормативный характер. Целесообразно, как было указано выше, внести дополнения в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в виде самостоятельной главы, определяющей основы организации деятельности священнослужителей в исправительных учреждениях.

Анализ правовых основ участия представителей религиозных конфессий в исправительном процессе позволяет говорить о существовании института пенитенциарного духовенства, требующего дальнейшего совершенствования с учетом специфики сферы исполнения наказаний.

В последнее время произошли изменения не только в правовом регулировании взаимодействия учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями, но и в организационном.

Так, во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 12.06.2014 № Пр-1408 и Постановления Правительства Российской Федерации от 17.10.2014 № 1063 в штатное расписание террито-

риальных органов ФСИН России введены должности помощников начальников территориальных органов по организации работы с верующими, которые должны замещаться кандидатами из числа священнослужителей. Также в структуре правового управления был создан отдел по организации взаимодействия с представителями религиозных конфессий – ФКУ ЦНТЛ ФСИН России.

Согласно указанному постановлению в штаты уголовно-исполнительной системы введены 85 должностей помощников начальников региональных управлений ФСИН России по организации работы с верующими, формируемых из числа практикующих тюремных священнослужителей. Как показывает практика назначения на должность, это преимущественно представители Русской православной церкви. Данное положение продиктовано характеристикой состава осужденных.

Так, православие исповедуют осужденные в учреждениях 73 территориальных органов, ислам – в учреждениях 7 территориальных органов (республики Башкортостан, Татарстан, Дагестан, Ингушетия, Чеченская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики), буддизм – в учреждениях одного территориального органа (Республика Тыва).

Отдельного внимания заслуживают вопросы, связанные с организацией нравственного воспитания осужденных мусульман. Особенности данной работы продиктованы геополитической ситуацией в мире. Р. А. Силантьев справедливо отмечает, что исламское сообщество России представлено многочисленными течениями [14, с. 10]. По официальным данным с сайта Минюста России, в нашей стране зарегистрировано 4884 мусульманских организации. Проблему осложняет еще тот факт, что назначение представителей ислама на должность помощников начальников территориальных органов по работе с верующими воспринимается далеко не однозначно самими осужденными – сторонниками иных течений ислама, поэтому территориальным органам ФСИН России необходимо тщательно подходить к решению вопроса о выборе представителя ислама.

Для того чтобы учесть интересы верующих разных религиозных течений, предлагается создание неформальных рабочих групп при территориальных органах управления, в состав которых могут входить на общественных началах представители цен-

трализованных традиционных религий России – иудаизма, ислама, буддизма.

Анализ типовой должностной инструкции помощника начальника по организации работы с верующими показывает, что функционал данной должности в большей степени носит организационный характер. При таком подходе потребность в лице, имеющем богословское образование, минимизируется. Важно понимать, что роль религиозных организаций в исправительном процессе предполагает нравственное воспитание осужденных, что подтверждается и правовым закреплением. В частности, приказ Минюста России «Об утверждении инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» устанавливает цель привлечения религиозных организаций к работе с осужденными – проведение среди верующих осужденных индивидуальной работы по их нравственному воспитанию [9]. Поэтому согласимся с мнением ученых, которые считают необходимым дополнение должностной инструкции функцией по обязательному проведению нравственного воспитания [1, с. 72–77].

В научной литературе обращается внимание и на двойное подчинение лица, замещающего должность помощника начальника [4, с. 55]. Полагаем, что подобная ситуация допустима в силу особенности самой должности. Как устанавливается в Рекомендациях по замещению должностей помощников начальников региональных органов ФСИН России по организации работы с верующими, утвержденных Московским Патриархатом, за священнослужителем, назначенным на должность, необходимо сохранить приход и должность настоятеля храма. Назначение на должность священнослужителя призвано к лучшей организации работы духовенства: недопустимо назначать кандидата от Русской православной церкви из числа мирян, поскольку светский человек, по определению, не может решать организационные вопросы служения тюремного духовенства.

Специфика реализуемой деятельности в должности помощника начальника предполагает дополнительную подготовку в связи с необходимостью знания особенностей работы с осужденными, режимных требований и ограничений в рамках уголовно-исполнительного процесса. Поэтому после назначения на должность все кандидаты, имеющие высшее богословское образование, в

обязательном порядке проходят переподготовку (1,5 месяца). Обучение осуществляется на высших академических курсах при Академии ФСИН России по дополнительной учебной программе профессиональной переподготовки работников уголовно-исполнительной системы для кандидатов к назначению на должности помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими.

Взаимодействие всегда имеет двусторонний характер. Поэтому становление религиозного пенитенциарного духовенства как самостоятельного института обусловило изменения не только в уголовно-исполнительной системе, но и в структуре традиционных религиозных конфессий. Например, согласно Постановлению Священного Синода Русской православной церкви 5 марта 2010 г. учрежден Синодальный отдел Московского Патриархата по тюремному служению, в ведение которого переданы вопросы, касающиеся взаимодействия церкви с учреждениями уголовно-исполнительной системы в субъектах Российской Федерации.

Важно отметить, что перед органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы стоят задачи дальнейшего укрепления взаимодействия с религиозными конфессиями. Необходима единая стратегия использования положительного влияния религии на процесс исправления осужден-

ных. Дальнейшее развитие института пенитенциарного духовенства в России видится в расширении форм взаимодействия. Работа по духовно-нравственному воздействию на осужденных должна вестись как во время отбывания срока наказания, так и после освобождения.

Также одним из направлений развития пенитенциарного духовенства в России является его присутствие на международном уровне. Участие в международных и региональных конференциях позволит обогатить опыт взаимодействия церкви и государства в вопросах исправления осужденных. Общественной международной организацией, осуществляющей церковную миссию в местах лишения свободы, является Международная ассоциация тюремного служения (МАТС), которая действует с 1979 г. как объединение национальных организаций тюремного служения и включает в себя 115 таких организаций. Ее миссия – духовная помощь заключенным в местах изоляции и после освобождения, жертвам преступлений и их семьям [16, с. 61].

Таким образом, становление пенитенциарного духовенства в России как самостоятельного субъекта исправительного процесса обусловлено необходимостью дальнейшего решения правовых и организационных вопросов взаимодействия учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуразаков А. А. Проблемы организации и правового регулирования деятельности помощников начальников территориальных органов ФСИН России по работе с верующими // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2017. № 1 (27). С. 72–77.
2. Аналитическая справка НИИ ФСИН России. URL: <http://www.pobeda.ru/zone/index.html> (дата обращения: 15.04.2018).
3. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Рос. газ. 1995. № 67.
4. Лещенко В. Г. Религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 235 с.
5. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными : приняты в г. Женеве 30.08.1955 // Междунар. защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 290–311.
6. О внесении изменений в статью 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 20.04.2015 № 103-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 17 (ч. 4). Ст. 2478.
7. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
8. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29. Ст. 16.
9. Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 21.06.2005 № 91.
10. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 16.12.2016 № 295.
11. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 14.10.2005 № 189.
12. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 // Ведомости Съезда народ. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.
13. Рекомендация NR (87) 3 Комитета министров Совета Европы относительно Европейских пенитенциарных правил : принята 12.02.1987 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 209–263.

14. Силантьев Р. А. Современная география исламского сообщества России. М., 2016. 248 с.
15. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
16. Ходыкин И. Миссионерское служение в местах лишения свободы : дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2001. 181 с.
17. Челнокова О. В., Левченко А. В. Взаимодействие Русской Православной Церкви с учреждениями пенитенциарной системы России // Мониторинг правоприменения. 2014. № 1 (10). С. 66–71.
18. Чорный В. Н. Правовые основы института тюремного служения // Уголовно-исполнит. право. 2017. Т. 12 (1–4). № 3. С. 253–258.

REFERENCES

1. Abdurazakov A. A. Problemy organizacii i pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti pomoshchnikov nachal'nikov territorial'nyh organov FSIN Rossii po rabote s veruyushchimi [Problems of organization and legal regulation of the activity of assistants to heads of territorial bodies of the Federal Penal Service of Russia for work with believers]. Vestn. Ros. un-ta kooperacii – Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2017. Iss. 1 (27). P. 72–77. (In Russ.).
2. Analiticheskaya spravka NII FSIN Rossii [Analytical information of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia]. Available at: <http://www.pobeda.ru/zone/index.html> (accessed 15.04.2018). (In Russ.).
3. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka : prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10.12.1948 [Universal Declaration of Human Rights : adopted by UN General Assembly Resolution 217 A (III) from 10.12.1948]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 1995. Iss. 67. (In Russ.).
4. Leshchenko V. G. Religioznoe vozdejstvie na osuzhdennyh k lisheniyu svobody v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. yurid. nauk [Religious impact on prisoners sentenced to imprisonment in the Russian Federation : the diss. ... PhD. in Law]. Ekaterinburg, 2012. 235 p. (In Russ.).
5. Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi : prinyaty v g. ZHeneve 30.08.1955 [Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners: adopted in Geneva 30.08.1955]. Mezhdunar. zashchita prav i svobod cheloveka : sb. dok. – International Protection of Human Rights and Freedoms : A Compilation of Documents. Moscow, 1990. P. 290–311. (In Russ.).
6. O vnesenii izmenenij v stat'yu 14 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otidel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 20.04.2015 № 103-FZ [On Amending Article 14 of the Penal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation : Federal Law from 03.04.2015 No. 103-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. Iss. 17 (part 4). Art. 2478. (In Russ.).
7. O svobode sovesti i o religioznyh ob'edineniyah : feder. zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ [On Freedom of Conscience and on Religious Associations : Federal Law from 03.04.2015 No. 103-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. Iss. 39. Art. 4465. (In Russ.).
8. O sodержanii pod strazhej podozrevaemyh i obvinyaemyh v sovershenii prestuplenij : feder. zakon ot 15.07.1995 № 103-FZ [On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes : Federal Law from 03.04.2015 No. 103-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. Iss. 29. Art. 16. (In Russ.).
9. Ob utverzhdenii Instrukcii ob organizacii vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v vospitatel'nyh koloniyah Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy : prikaz M-va yusticii Ros. Federacii ot 21.06.2005 № 91 [On the approval of the Instruction on the organization of educational work with convicts in the educational colony of the Federal Service for the Execution of Penalties : order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 21.06.2005 No. 91]. (In Russ.).
10. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh uchrezhdenij : prikaz M-va yusticii Ros. Federacii ot 16.12.2016 № 295 [On the approval of the internal regulations of correctional institutions : order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 16.12.2016 No. 295]. (In Russ.).
10. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh uchrezhdenij : prikaz M-va yusticii Ros. Federacii ot 16.12.2016 № 295 [On the approval of the Rules of Internal Order of Investigative Isolators of the Penal System : order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 14.10.2005 No. 189]. (In Russ.).
12. Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody : zakon Ros. Federacii ot 21.07.1993 № 5473-1 [On institutions and bodies that carry out criminal penalties in the form of deprivation of liberty : the law of the Russian Federation from 21.07.1993 No. 5473-1]. Vedomosti S'ezda narod. deputatov Ros. Federacii i Verhov. Soveta Ros. Federacii – Journal of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. Iss. 33. Art. 1316. (In Russ.).
13. Rekomendaciya NR (87) 3 Komiteta ministrov Soveta Evropy otnositel'no Evropejskih penitenciar'nyh pravil : prinyata 12.02.1987 [Recommendation NR (87) 3 of the Committee of Ministers of the Council of Europe on European Prison Rules : adopted on 12.02.1987]. Sbornik dokumentov Soveta Evropy v oblasti zashchity prav cheloveka i bor'by s prestupnost'yu – Collection of documents of the Council of Europe in the field of human rights and crime prevention. Moscow, 1998. P. 209–263. (In Russ.).
14. Silant'ev R. A. Sovremennaya geografiya islamskogo soobshchestva Rossii [Modern geography of the Islamic community of Russia]. Moscow, 2016. 248 p. (In Russ.).
15. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ [The Penal Code of the Russian Federation from 08.01.1997 No. 1-FZ]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. Iss. 2. Art. 198. (In Russ.).
16. Hodykin I. Missionerskoe sluzhenie v mestah lisheniya svobody : dis. ... kand. bogosloviya [Missionary service in prisons: the diss. ... PhD. in Theology]. Sergiev Posad, 2001. 181 p. (In Russ.).
17. CHelnoкова O. V., Levchenko A. V. Vzaimodejstvie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi s uchrezhdeniyami penitenciar'noj sistemy Rossii [Interaction of the Russian Orthodox Church with the Institutions of the Penal System of Russia]. Monitoring pravoprimeneniya – Monitoring of law enforcement. 2014. Iss. 1 (10). P. 66–71. (In Russ.).
18. CHornyj V. N. Pravovye osnovy instituta tyuremnogo sluzheniya [The legal basis of the institution of prison service]. Ugolovno-ispolnit. право – Penal Law. 2017. Vol. 12 (1–4). Iss. 3. P. 253–258. (In Russ.).

Актуальные проблемы депортации иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям в Российской Федерации

С. В. ПЕРОВ – доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Депортация иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям в Российской Федерации, в настоящее время сопряжена с проблемами, касающимися реализации в отношении указанных лиц административных процедур принятия решений о нежелательности их пребывания (проживания) на территории Российской Федерации и неразрешении их въезда в Российскую Федерацию.

На основе анализа судебной практики в статье делается вывод о том, что принятие Минюстом России решений о нежелательности пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан, освобождающихся из мест лишения свободы, является формальной, избыточной процедурой, влекущей необоснованные затраты на ее осуществление со стороны государства.

Предусмотренная действующим законодательством административная процедура принятия ФСИН России решений о неразрешении въезда иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям, в настоящее время не применяется в связи с отсутствием ведомственного нормативного правового акта. Реализация ее осложняется также тем, что это будет препятствовать исполнению уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении иностранных граждан. Кроме того, процедура принятия решений о неразрешении въезда во многом дублирует процедуру принятия решений о нежелательности пребывания.

В качестве альтернативы рассматриваемым в статье административным процедурам предлагается внести изменения в уголовное законодательство, закрепив в нем новый вид уголовного наказания – высылку иностранных граждан за пределы Российской Федерации после отбытия ими назначенных судом уголовных наказаний. В качестве обоснования указанной меры автор ссылается на зарубежный опыт.

Ключевые слова: депортация иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям; нежелательность пребывания (проживания) на территории Российской Федерации; неразрешение въезда в Российскую Федерацию; высылка иностранных граждан из Российской Федерации.

Actual problems of deportation of foreign citizens sentenced to criminal penalties in the Russian Federation

S. V. PEROV – Associate Professor of the of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The deportation of foreign citizens sentenced to criminal penalties in the Russian Federation currently involves problems related to the implementation of administrative procedures for the said persons in deciding on the undesirability of their stay (residence) in the territory of the Russian Federation and not permitting their entry into the Russian Federation.

Based on the analysis of judicial practice, the article concludes that the adoption by the Ministry of Justice of Russia of decisions on the undesirability of staying on the territory of the Russian Federation of foreign citizens released from places of deprivation of liberty is a formal, redundant procedure entailing unreasonable costs for its implementation by the state.

The administrative procedure for the adoption by the Federal Penal Service of decisions on the non-admission of entry of foreign citizens sentenced to criminal penalties is

currently not applied due to the lack of a departmental regulatory legal act. Its realization is also complicated by the fact that this will prevent the execution of criminal punishments not related to deprivation of liberty against foreign citizens. In addition, the procedure for deciding on non-admission of entry largely duplicates the procedure for deciding on the undesirability of stay.

As an alternative to the administrative procedures considered in the article it is proposed to amend the criminal legislation, fixing in it a new type of criminal punishment – the expulsion of foreign citizens from the Russian Federation after they have served out the criminal penalties prescribed by the court. As a justification for this measure the author refers to foreign experience.

Key words: deportation of foreign citizens convicted to criminal penalties; undesirability of stay (residence) in the territory of the Russian Federation; non-permission to enter the Russian Federation; the criminal deportation of foreign citizens from the Russian Federation.

Депортация иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям в Российской Федерации, в настоящее время является административно-правовой мерой, которая играет важную роль в борьбе с преступностью.

Удельный вес преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории Российской Федерации, ежегодно составляет около 4 %. Так, например, в 2017 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 41 047 преступлений, или 3,7 % от общего количества преступлений в данный период [13].

Если провести анализ статистических сведений о количестве иностранных граждан, ежегодно депортируемых из Российской Федерации, то можно обнаружить, что большую их часть составляют лица, освобожденные из мест лишения свободы. В частности, в 2015–2016 гг. за пределы Российской Федерации было депортировано 9205 иностранных граждан, 7125 (77 %) из которых освободились из мест лишения свободы [4, с. 13].

На сегодняшний день депортация иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям, сопровождается рядом проблем.

Первая заключается, по нашему мнению, в том, что депортации иностранных граждан, освобождаемых из мест лишения свободы, предшествует целый ряд административных процедур:

– принятие Минюстом России решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина на территории Российской Федерации (далее – решение о нежелательности пребывания);

– принятие Федеральной службой исполнения наказаний решения о неразрешении въезда иностранного гражданина в Российскую Федерацию (далее – решение о неразрешении въезда);

– аннулирование разрешения на временное проживание или вида на жительство.

Основания и порядок осуществления перечисленных административных процедур регламентированы двумя различными федеральными законами, при этом имеет место дублирование.

Так, в соответствии со ст. 7 и 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – закон № 115-ФЗ) лица, совершившие тяжкие или особо тяжкие преступления (а таких в исправительных учреждениях, согласно статистическим данным за 2017 г., размещенным на официальном сайте ФСИН России, более 50 %), после освобождения из исправительного учреждения теряют законные основания для пребывания в Российской Федерации. Разрешение на временное проживание либо вид на жительство иностранному гражданину, осужденному за совершение данных преступлений, не выдаются, а ранее выданные аннулируются.

Согласно ст. 31 закона № 115-ФЗ аннулирование разрешения на временное проживание или вида на жительство влечет обязанность иностранного гражданина выехать из Российской Федерации в течение 15 дней. В случае неисполнения данного предписания обязанности он подлежит депортации.

Исходя из приведенных выше положений осуждение иностранного гражданина за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления неминуемо влечет его выезд из Российской Федерации. Вместе с тем в соответствии с подп. 1.2 ст. 7 и п. 2 ст. 9 закона № 115-ФЗ помимо случаев осуждения за указанные преступления основаниями для аннулирования разрешения на временное проживание и вида на жительство являются решение о нежелательности пребывания или решение о неразрешении въезда.

Решение о неразрешении въезда принимается в случае, если лицо имеет неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления (ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – закон № 114-ФЗ)). Очевидно, что такая судимость возникает в том числе и в случае осуждения иностранного гражданина за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления.

Решение о нежелательности пребывания может приниматься, во-первых, когда лицу не разрешен въезд, то есть процедуре принятия решения о нежелательности пребывания в данном случае предшествует процедура принятия решения о неразрешении въезда. Во-вторых, это происходит, если пребывание лица, законно находящегося на территории Российской Федерации, создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства либо общественному порядку.

Таким образом, такие основания аннулирования разрешения на временное проживание и вида на жительство, как осуждение за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления, решение о неразрешении въезда и решение о нежелательности пребывания, отчасти дублируют друг друга. В связи с изложенным представляется рациональным более четко закрепить основания и порядок реализации всех трех рассмотренных административных процедур, связанных с депортацией иностранных граждан, в одном федеральном нормативном акте – законе № 114-ФЗ.

Вторая проблема, касающаяся депортации иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям в Российской Федерации, состоит в формальном характере процедуры принятия Минюстом России решения о нежелательности пребывания. Данный вывод следует из анализа соответствующей практики.

Формулировка, содержащаяся в ч. 4 ст. 25.10 закона № 114-ФЗ, предусматривает, что при возникновении указанных в ней оснований Минюстом России может быть принято решение о нежелательности пребывания. Отсюда следует, что в данном случае предполагается применение административного усмотрения, однако законодательство не содержит четких критериев, которыми при этом должно руководствоваться ведомство. Это приводит к ситуации, когда решение о нежелательности пребывания

принимается Минюстом России в подавляющем большинстве случаев.

Анализ судебной практики свидетельствует, что почти все административные иски об отмене распоряжений Минюста России о нежелательности пребывания на территории Российской Федерации судами отклоняются. Так, по данным, размещенным на сайте Минюста России за 2017 г., в судебном порядке удовлетворено 41 заявление об оспаривании решений данного ведомства о нежелательности пребывания. При этом в судах находилось на рассмотрении 653 дела об отмене решений Минюста России о нежелательности пребывания, Минюстом России было издано 5712 распоряжений о нежелательности пребывания.

В научных исследованиях отмечается, что судами при рассмотрении дел об отмене решений о нежелательности пребывания реализуется формализованный подход, заключающийся в признании того, что сам факт совершения преступления и (или) наличия судимости является достаточным доказательством существования реальной угрозы конституционным ценностям, а иные обстоятельства, представляемые заявителем (например, наличие членов семьи – граждан Российской Федерации, работы в России, длительность проживания), не принимаются во внимание [9, с. 27].

Указанной позиции придерживается Верховный Суд Российской Федерации, судебная коллегия по административным делам которого своим кассационным определением отменила апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Тамбовского областного суда [8]. В решении отмечается, что, удовлетворяя административное исковое заявление, суд апелляционной инстанции неправильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, и не учел, что Минюст России, принимая оспариваемое решение, исходил из приоритета интересов большинства населения государства, чья безопасность не может быть поставлена в зависимость от наличия у иностранного гражданина, имеющего непогашенную судимость, семейных связей на территории России или его нежелания покинуть территорию Российской Федерации.

В исключительно редких случаях отмена судами распоряжений о нежелательности пребывания осуществляется в связи с тем, что лицо, в отношении которого решение было принято, имеет гражданство Российской Федерации, что было проигнорирова-

но Минюстом России при вынесении распоряжения [2; 3]. Суды в своих решениях ссылаются на то, что действующее законодательство предусматривает возможность принятия решения о нежелательности пребывания на территории Российской Федерации исключительно в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства и не предусматривает возможности признавать нежелательность пребывания граждан России на территории своего государства. При этом в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» гражданин Российской Федерации, имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом.

Следует отметить, что в соответствии с действующей Инструкцией о порядке представления и рассмотрения документов для подготовки распоряжений Министерства юстиции Российской Федерации о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 20.08.2007 № 171, при рассмотрении документов для подготовки таких распоряжений следует учитывать следующие положения международных договоров и законодательства Российской Федерации:

а) гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан иностранному государству (ст. 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»);

б) иные международные обязательства Российской Федерации по защите прав и основных свобод человека.

В указанной инструкции также закреплена обязанность центрального аппарата Федеральной службы исполнения наказаний проверять наличие оснований, препятствующих принятию решения о нежелательности пребывания, при необходимости запрашивать дополнительные документы, в том числе заключения о наличии либо отсутствии у лица российского гражданства.

Таким образом, отсутствие в законе № 114-ФЗ правовых норм, закрепляющих четкие критерии принятия Минюстом России решений о нежелательности пребывания, а также сложившаяся к настоящему

времени судебная практика по делам об оспаривании указанных решений приводят к тому, что административная процедура их принятия носит формальный, технический характер. С учетом изложенного и принимая во внимание количество ежегодно направляемых ФСИН России в Минюст России материалов для принятия решений о нежелательности пребывания (в 2017 г. – 6,2 тыс. [11]), указанная процедура, по нашему мнению, влечет необоснованные траты со стороны государства.

Обозначенная проблема осложняется тем, что осуществление рассматриваемой процедуры связано с деятельностью нескольких ведомств (ФСИН России, МВД России, Минюста России и др.). Кроме того, особую остроту вопросу придает нестабильность институциональных структур, которую современные исследователи считают одной из характерных черт государственного управления в сфере миграции [12, с. 342]. Происходящие институциональные преобразования сопряжены с необходимостью внесения изменений в ведомственные нормативные правовые акты, а также реорганизацией межведомственного взаимодействия. Так, в результате передачи в МВД России функций ФСКН России возникли сложности с принятием решений о нежелательности пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан, которые были отнесены к компетенции указанной службы. В результате имевшей место задержки лица, освобождавшегося из мест лишения свободы, получили возможность скрыться от органов миграционного контроля после выхода на свободу.

Третья проблема, касающаяся депортации иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям, связана с недостатками процедуры принятия решений о неразрешении въезда.

Введение указанной административной процедуры в миграционные отношения осуществлено в соответствии с Федеральным законом от 23.07.2013 № 224-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон № 224-ФЗ). Решение о неразрешении въезда стало новой формой запрета на въезд и пребывание иностранного гражданина в Российской Федерации в дополнение к решению о нежелательности пребывания.

Согласно пояснительной записке к проекту указанного федерального закона он направлен на создание условий, обеспечивающих выполнение задач по пресече-

нию незаконной миграции, укреплению правопорядка и национальной безопасности Российской Федерации. Аналогичный предложенному законопроектом подход применяется в законодательстве ряда иностранных государств. Так, в Чешской Республике иностранному гражданину, виновному в намеренном и неоднократном нарушении закона или судебных и административных решений, ограничивается право на въезд на срок до десяти лет. В Республике Венгрия ограничение въезда на территорию государства иностранному гражданину, в отношении которого принято решение о выдворении, устанавливается на срок от одного года до десяти лет.

С момента принятия закона № 224-ФЗ прошло уже пять лет, а решения о неразрешении въезда в отношении иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям, до сих пор не принимаются. Это связано с отсутствием необходимого ведомственного нормативного правового акта ФСИН России, предусмотренного Правилами принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.01.2015 № 12.

Принятие требуемого ведомственного нормативного правового акта в настоящее время осложнено тем, что действующее законодательство Российской Федерации не учитывает особенности принятия решений о неразрешении въезда в отношении иностранных граждан, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы: в частности, исполнение в отношении указанной категории лиц решения о неразрешении въезда будет препятствовать отбыванию ими уголовного наказания.

В соответствии со ст. 25.10 закона № 114-ФЗ иностранные граждане, в отношении которых принято решение о неразрешении въезда, обязаны выехать из Российской Федерации. Если они не покинут территорию страны в установленный срок, то будут подлежать депортации.

Статьей 28 закона № 114-ФЗ предусмотрена возможность ограничения выезда иностранным гражданам, которые осуждены за совершение преступления на территории Российской Федерации, до отбытия (исполнения) наказания или освобождения от наказания. Однако соответствующие положения не могут быть применены, так как законодательством Российской Федерации

не определен орган, уполномоченный принимать решение об ограничении выезда.

Таким образом, принятие решений о неразрешении въезда в отношении иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы, до отбытия ими указанных наказаний будет препятствовать исполнению последних.

Кроме того, представляется, что процедура принятия решений о неразрешении въезда применительно к рассматриваемой категории граждан, как и процедура принятия решений о нежелательности пребывания, с учетом сложившейся судебной практики является избыточной.

В современных исследованиях отмечается, что «по значению, основанию, условиям, порядку применения правовой институт “нежелательность” практически тождествен другому правовому институту – неразрешению въезда в Российскую Федерацию» [10, с. 352].

В связи с изложенным в целях совершенствования депортации иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям на территории Российской Федерации, было бы рациональным не применять в отношении указанной категории лиц процедуры принятия решений о нежелательности пребывания, а также неразрешении въезда.

Передача полномочий по принятию решений о нежелательности пребывания от Минюста России Федеральной службе исполнения наказаний, предусмотренная проектом федерального закона № 323133-7 «О внесении изменений в статьи 31 и 32-2 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”», внесенным 23.11.2017 Правительством Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, по нашему мнению, не даст ощутимого результата. Данный законопроект был принят во втором чтении на момент подготовки настоящей статьи к публикации. Следует отметить, что изначально названное нововведение в законопроекте отсутствовало и появилось лишь в результате депутатских поправок при подготовке ко второму чтению.

Целесообразно вынесение решения о депортации иностранного гражданина, освобождающегося из мест лишения свободы, не на основании решений о нежелательности пребывания и неразрешении въезда, а на основании приговора суда, которым он осужден за совершение преступления. Для этого необходимо закрепить в УК РФ новый

вид уголовного наказания – высылку иностранных граждан с территории Российской Федерации.

Предложения о введении высылки как нового вида уголовного наказания высказываются учеными и практиками достаточно давно [14, с. 259; 1, с. 96; 7, с. 232]. При этом в качестве обоснования приводится зарубежный опыт.

Так, в ряде зарубежных государств (Швейцарии, Франции, Испании, Латвии, Эстонии, Азербайджане, Китае) существует такой вид уголовного наказания, как выдворение из государства с запретом на въезд на определенный срок. В Греции и Италии высылка применяется не как вид уголовного наказания, а как мера безопасности [6, с. 312].

Например, в Швейцарии принудительная высылка незаконных мигрантов регламентирована ст. 69–81 Федерального закона от 16.12.2005 «Об иностранцах» [16], а также ст. 66а–66d Уголовного кодекса [17]. Предусмотрено выдворение всех проживающих в стране иностранцев, осужденных за тяжкие преступления, без права возвращения. Основанием могут выступить совершение иностранцем умышленного убийства, изнасилования и других серьезных сексуальных преступлений, торговля людьми, торговля наркотиками, а также мошенничество в области социальной помощи, кража со взломом.

В Азербайджане принудительное выдворение за пределы страны закреплено в ст. 42 и 52 Уголовного кодекса [15]. Данный вид дополнительного наказания исполняется после отбытия иностранным гражданином основного наказания за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления. В современных исследованиях, посвященных совершенствованию законодательства Азербайджанской Республики, отмечается достаточно частое применение судами указанной меры [5, с. 58–59].

Таким образом, исключение избыточных и несвойственных органам, отвечающим за исполнение уголовных наказаний, функций, связанных с принятием в отношении иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям, решений о нежелательности их пребывания на территории Российской Федерации и решений о неразрешении их въезда в Российскую Федерацию, позволит оптимизировать процедуру депортации указанных лиц, сократит затраты государства и снизит риски, вызванные постоянными институциональными преобразованиями в миграционной сфере. Закрепление в российском уголовном законодательстве высылки как вида уголовного наказания представляется рациональной альтернативой административным процедурам по принятию указанных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов А. Н., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. Изучая зарубежный опыт повышения безопасности государства в вопросах работы с мигрантами // Вестн. Кузбас. ин-та. 2015. № 2 (23). С. 93–97.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2018 № 33а-173/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.12.2017 по делу № 33а-6719-17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Воротов Д. А., Тулкачев Д. С. Процедура депортации иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2018. № 1 (46). С. 13–17.
5. Гумбатов М. Г. Наказание в виде принудительного выдворения за пределы Азербайджанской Республики // Междунар. пенитенциар. журн. 2015. № 3. С. 57–61.
6. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. ред. С. П. Щербы. М., 2009. 448 с.
7. Жиляев Р. М., Медведева И. Н. К вопросу о введении нового вида уголовного наказания – выдворения за пределы Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы междунар. науч.-практ. межведомств. конф. (16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А. А. Вотина. Самара, 2016. С. 230–232.
8. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2018 № 13-КГ17-11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Кудряшова О. А. «Нежелательные» мигранты: практика российских судов в свете конституционных принципов ограничения прав человека // Петербург. юрист. 2016. № 10. С. 20–36.
10. Малышева О. А., Бугай В. В. Проблемы применения института «нежелательность пребывания (проживания) на территории Российской Федерации» в российской уголовно-исполнительной практике // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 3. С. 351–355.
11. Отчет ФСИН России о реализации публичной декларации целей и задач за 2017 г. URL: http://fsin.su/activity/realizatsiya-kontseptsii-otkrytosti/Otchet%20publichnaya%20deklaracia_03.2017.pdf (дата обращения: 01.08.2018).
12. Плюгина И. В. К вопросу о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации функций и полномочий в сфере миграции // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV Междунар. науч.-теорет. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г.) / под ред. Н. С. Нижник : в 2 т. СПб., 2017. Т. 1. С. 342–345.
13. Состояние преступности в России: январь – декабрь 2017 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987> (дата обращения: 01.03.2018).
14. Сыч К. А. Система наказаний, действующая в УК РФ, и пути ее совершенствования // Уголовно-исполнительная система в современном обществе и перспективы ее развития (посвящается 135-летию уголовно-исполнительной

системы и 80-летию Академии ФСИН России). Рязань, 2014. Т. 1 : Материалы конференции (съезда, симпозиума). С. 255–263.

15. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999. URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 01.08.2018).

16. Bundesgesetz über die Ausländerinnen und Ausländer (Ausländergesetz, AuG) vom 16. Dezember 2005 (Stand am 1. Januar 2018). URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20020232/201801010000/142.20.pdf>

17. Schweizerisches Strafgesetzbuch vom 21. Dezember 1937 (Stand am 1. März 2018). URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19370083/201803010000/311.0.pdf>

REFERENCES

1. Antipov A. N., Pervozvanskiy V. B., Strogovich YU. N. Izuchaya zarubezhnyy opyt povysheniya bezopasnosti gosudarstva v voprosah raboty s migrantami [Studying foreign experience of improving the security of the state in matters of working with migrants]. Vestn. Kuzbas. in-ta – Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015. Iss. 2 (23). P. 93–97. (In Russ.).
2. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 16.03.2018 № 33a-173/2018 [The appellate ruling of the Moscow City Court from 16.03.2018 No. 33a-173/2018]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
3. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 12.12.2017 po delu № 33a-6719-17 [The appellate ruling of the Moscow City Court of 12.12.2017 in case No. 33a-6719-17]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
4. Vorotov D. A., Tulkachev D. S. Procedura deportacii inostrannykh grazhdan i lic bez grazhdanstva, podlezhashchih osvobodzheniyu iz mest lisheniya svobody [Procedure for deportation of foreign citizens and stateless persons subject to release from places of deprivation of liberty]. Vestn. Vladimir. yurid. in-ta – Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2018. Iss. 1 (46). P. 13–17. (In Russ.).
5. Gumbatov M. G. Nakazanie v vide prinuditel'nogo vydvoreniya za predely Azerbajdzhanskoj Respubliki [Punishment in the form of forced expulsion from the territory of the Republic of Azerbaijan]. Mezhdunar. penitenciar. zhurn. –International penitentiary journal. 2015. Iss. 3. P. 57–61. (In Russ.).
6. Dodonov V. N. Sravnitel'noe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast' / pod obshch. red. S. P. Shcherba [Comparative criminal law. The general part : ed. by S. P. Shcherba]. Moscow, 2009. 448 p. (In Russ.).
7. ZHilyaev R. M., Medvedeva I. N. K voprosu o vvedenii novogo vida ugovolnogo nakazaniya – vydvoreniya za predely Rossijskoj Federacii [On the issue of introducing a new type of criminal punishment – expulsion from the Russian Federation]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom ehstape: vzaimodejstvie nauki i praktiki : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. mezhdvodomstv. konf. (16–17 iyunya 2016 g.) / pod obshch. red. A. A. Votnova – Penal system at the present stage: interaction of science and practice : materials of the international scientific-practical interdepartmental conference (June 16–17, 2016) : ed. by A. A. Votnov. Samara, 2016. P. 230–232. (In Russ.).
8. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21.02.2018 № 13-KG17-11 [Cassation determination of the Supreme Court of the Russian Federation from 21.02.2018 No. 13-KG17-11]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
9. Kudryashova O. A. «Nezhelatel'nye» migranty: praktika rossijskikh sudov v svete konstitucionnykh principov ogranicheniya prav cheloveka [«Unwanted» migrants: the practice of Russian courts in the light of the constitutional principles of restricting human rights]. Peterburg. Yurist – Petersburg lawyer. 2016. Iss. 10. P. 20–36. (In Russ.).
10. Malysheva O. A., Bugaj V. V. Problemy primeneniya instituta «nezhelatel'nost' prebyvaniya (prozhivaniya) na territorii Rossijskoj Federacii» v rossijskoj ugovolno-ispolnitel'noj praktike [Problems of application of the institute «undesirability of stay (residence) in the territory of the Russian Federation» in the Russian Penal practice]. CHelovek: prestuplenie i nakazanie – Human: crime and punishment. 2017. Vol. 25 (1–4). Iss. 3. P. 351–355. (In Russ.).
11. Otchet FSIN Rossii o realizacii publichnoj deklaracii celej i zadach za 2017 g. [Report of the Federal Penal Service of Russia on the implementation of the public declaration of goals and objectives for 2017]. Available at: http://fsin.su/activity/realizatsiya-kontseptsii-otkrytosti/Otchet%20publichnaya%20deklaracia_03.2017.pdf (accessed 01.08.2018). (In Russ.).
12. Plyugina I. V. K voprosu o peredache Ministerstvu vnutrennih del Rossijskoj Federacii funkcionij i polnomochij v sfere migracii [To the issue of transferring to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation functions and powers in the field of migration]. Gosudarstvo i pravo: ehvolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossijskoj policii) : materialy XIV Mezhdunar. nauch.-teoret. konf. (Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2017 g.) / pod red. N. S. Nizhnik : v 2 t. – State and Law: Evolution, Current Status, and Development Prospects (Towards the 300th Anniversary of the Russian Police) : materials of the XIV International scientific and theoretical conference (St. Petersburg, April 27–28, 2017) : ed. by N. S. Nizhnik : in 2 vol. St. Petersburg, 2017. Vol. 1. P. 342–345. (In Russ.).
13. Sostoyanie prestupnosti v Rossii: yanvar' – dekabr' 2017 g. [The state of crime in Russia: January – December 2017]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987> (accessed 01.03.2018). (In Russ.).
14. Sych K. A. Sistema nakazaniy, dejstvuyushchaya v UK RF, i puti ee sovershenstvovaniya [The system of punishments in force in the Criminal Code of the Russian Federation, and ways to improve it]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema v sovremennom obshchestve i perspektivy ee razvitiya (posvyashchaetsya 135-letiyu ugovolno-ispolnitel'noj sistemy i 80-letiyu Akademii FSIN Rossii) – The Penal system in modern society and the prospects for its development (dedicated to the 135th anniversary of the penitentiary system and the 80th anniversary of the Academy of the Federal Penal Service of Russia). Ryazan, 2014. Vol. 1 : Proceedings of the conference (congress, symposium). P. 255–263. (In Russ.).
15. Ugolovnyy kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 30.12.1999 [The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan of 30.12.1999]. Available at: <http://base.spinform.ru/> (accessed 01.08.2018). (In Russ.).
16. Bundesgesetz über die Ausländerinnen und Ausländer (Ausländergesetz, AuG) vom 16. Dezember 2005 (Stand am 1. Januar 2018). URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20020232/201801010000/142.20.pdf> (In Germ.).
17. Schweizerisches Strafgesetzbuch vom 21. Dezember 1937 (Stand am 1. März 2018). URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19370083/201803010000/311.0.pdf> (In Germ.).

УДК 343.54

Вопросы уголовной политики в сфере дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних осужденных (генезис законодательства, современное состояние, зарубежный опыт)

А. Л. САНТАШОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Предметом исследования в статье стали вопросы уголовной политики в сфере дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних осужденных. Автор обращается к историко-правовым аспектам изучаемого явления, анализирует современное состояние уголовной политики в отношении несовершеннолетних и зарубежный опыт правовой регламентации их уголовной ответственности. Цель исследования – дать объективную характеристику соответствующих средств дифференциации и индивидуализации, выявить пробелы и недостатки в нормативном регулировании и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства в обозначенной сфере.

По мнению автора, в настоящее время наблюдается снижение количества зарегистрированных преступлений, совершенных лицами в возрасте до 18 лет. Однако данное положение вызвано, скорее всего, неблагоприятными тенденциями в социально-демографической сфере, проявляющимися общим сокращением численности населения несовершеннолетнего возраста.

Результатом работы стала научно обоснованная оценка деятельности отечественного и зарубежного законодателя (на примере Республики Казахстан) по регламентации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном кодексах.

Ключевые слова: несовершеннолетние; осужденные; ювенальный суд; дифференциация; индивидуализация; уголовная политика.

Questions of criminal policy in the field of differentiation and individualization of responsibility for juvenile offenders (genesis of legislation, current state, international experience)

A. L. SANTASHOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in law, Associate Professor

Abstract

The subject of the research in the article are issues of criminal policy in the sphere of differentiation and individualization of responsibility of juvenile convicts. The author refers to the historical and legal aspects of the phenomenon under study, analyzes the current state of criminal policy in relation to minors and foreign experience in the legal regulation of their criminal liability. The purpose of the study is to give an objective description of the appropriate means of differentiation and individualization, to identify gaps and shortcomings in the regulatory framework and to formulate proposals for improving legislation in this area.

In the author's view there is indeed a decline in the number of reported crimes committed by persons under the age of 18. However this situation is most likely caused by unfavorable indicators in the socio-demographic environment of the younger generation.

The results of the work were scientifically based evaluation of the work of domestic and foreign legislators (on the example of the Republic of Kazakhstan) on the regulation of juvenile responsibility in the criminal and penal codes.

Key words: minors; convicts; juvenile court; differentiation; individualization; criminal policy.

Определение ответственности несовершеннолетних, нарушивших уголовно-правовой запрет, в дореволюционном российском законодательстве происходило с учетом степени развития и формирования личности данных субъектов. Одно из первых упоминаний о них содержится в Соборном уложении 1649 г. (в редакции 1666 г.), устанавливающим: «Аще отрок семи лет убьет, то неповинен есть смерти» [25, с. 80]. Позднее о несовершеннолетних говорится и в Артикуле воинском Петра I 1715 г.: «Наказание воровства обыкновенно умалется или весьма оставляется, ежели... вор будет младенец, которых, дабы заранее от сего отлучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть» [15, с. 363].

В XVII–XVIII вв. получает широкое распространение пенитенциарная практика русских монастырей, где применялись церковные наказания, в том числе в отношении несовершеннолетних преступников (ссылка в монастырь для выполнения работ, заключение в келью и пр.). При этом индивидуализация исполнения наказания в процессе реализации уголовной ответственности осуществлялась особым образом – посредством исправления осужденных через покаяние [19].

Принимая во внимание «способность ко вменению» несовершеннолетних, законодатель в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [28] определил, что малолетние в возрасте до 10 лет признаются невменяемыми, а с 10 лет несут уголовную ответственность в зависимости от наличия у них «разумения». Применение наказаний к субъектам, действовавшим с «разумением», в возрасте от 14 до 17 лет осуществлялось на общих основаниях, однако подлежало смягчению (бессрочная каторга заменялась срочной, ссылка – военной службой рядовым, отдачей в писцы военного ведомства, низшие исправительные наказания применялись со смягчением на $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$ и т. д.). Постепенно государство стало задумываться и о дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних при лишении их свободы [17, с. 8], уже с XIX в. в Российской империи стали функционировать специализированные исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей [12, с. 120–125].

Согласно Уголовному уложению 1903 г. [27] лицо рассматривалось как субъект ответственности за преступные деяния начиная с 10-летнего возраста и исходя из все той же «способности ко вменению», однако

в полном объеме уголовная ответственность наступала лишь с 21 года. 22 января 1910 г. в России создается первый суд по делам несовершеннолетних. Организация таких судов выражала идею особого подхода к несовершеннолетним правонарушителям и применения к ним специальных воспитательных мер, а не наказания, неоднократно высказываемую прогрессивными деятелями многих стран [3, с. 504–505].

Декрет Совета народных комиссаров от 14.01.1918 «О комиссиях для несовершеннолетних» [20] отменил тюремное заключение для несовершеннолетних. Уголовной ответственности подлежали лишь лица старше 17-летнего возраста, а уголовные дела передавались на рассмотрение комиссий для несовершеннолетних, назначающих меры исключительно воспитательного характера.

С принятием УК РСФСР 1922 г. устанавливалось, что наказания не применяются к малолетним до 14 лет, а также ко всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых судом будет признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия [22]. УК РСФСР 1926 г. в ст. 12 воспроизводил положения прежнего кодекса относительно дифференциации возраста ответственности несовершеннолетних. Индивидуализация применения мер социальной защиты в отношении данных субъектов осуществлялась посредством широкого судебного усмотрения [14, с. 201].

Первый ИТК РСФСР 1924 г. предусматривал для несовершеннолетних специальные учреждения медико-педагогического характера двух видов – трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей и трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи, а ИТК РСФСР 1933 г. [22] – школы фабрично-заводского ученичества индустриального и сельскохозяйственного типа.

В УК РСФСР 1960 г. идея снисхождения к несовершеннолетним субъектам и дифференциации их ответственности реализовывалась более широко и последовательно, чем в предшествующих уголовных кодексах. Как отмечает Т. Г. Понятовская, ею были пронизаны практически все институты, относящиеся к категории «ответственность» [14, с. 210]. Глава четвертая кодекса содержала положения о формальных ограничениях в порядке применения к несовершеннолетним отдельных видов наказания. Так, лише-

ние свободы по приговору суда несовершеннолетние осужденные стали отбывать в специальных воспитательно-трудовых колониях с особым учебно-трудовым режимом, приспособленным для исправительно-трудового воздействия на осужденного. Лишение свободы несовершеннолетнему не могло быть назначено на срок свыше 10 лет. Не могли быть приговорены к смертной казни лица, не достигшие в момент совершения преступления 18 лет. Ссылка и высылка также не могли быть применены. При назначении судом наказания несовершеннолетие подсудимого рассматривалось как обстоятельство, смягчающее ответственность. Согласно ч. 3 ст. 24¹ УК РСФСР 1960 г. при решении вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом не учитывались судимости за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет.

Законодателем была проведена дифференциация воспитательно-трудовых колоний для несовершеннолетних на колонии общего и усиленного режимов, тем самым прогрессивная система исполнения лишения свободы проявила себя на качественно новом уровне [16, с. 83–85]. В колониях общего режима отбывали наказание несовершеннолетние, впервые осужденные за преступления, не являющиеся тяжкими, и все осужденные несовершеннолетние женского пола; усиленного режима – несовершеннолетние, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, а также осужденные за тяжкие преступления [13].

После распада СССР отечественное уголовное законодательство существенно изменилось.

Достижение определенного возраста лицом, совершившим преступление, является необходимым условием привлечения его к ответственности [27, с. 171]. УК РФ 1996 г. (ч. 1 ст. 87) определил понятие «несовершеннолетний» как лицо, которому исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцати.

Дифференциация ответственности несовершеннолетних осуществлена правотворцем в сторону ее ограничения по кругу преступлений; видам наказания и условиям его отбывания; основаниям освобождения от наказания; в силу установления специального вида освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности вообще [24, с. 530]. Учитывая возраст и социально-психологические условия формирования личности, дальнейшее развитие гуманистических начал в обращении с несовершеннолетними, законодатель счел необходимым из тринадцати видов уголовных наказаний (ст. 44) определить им только шесть (ч. 1 ст. 88): штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы; лишение свободы на определенный срок.

Официальные статистические данные за 2003–2017 гг. о применении наказания в отношении несовершеннолетних представлены следующими показателями:

Таблица 1

	Число осужденных					
	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Всего осуждено	96 809	97 506	99 091	82 218	84 099	73 333
<i>из них:</i> освобождено от отбывания наказания по амнистии и другим основаниям	1053	1095	2145	3603	2522	1395
Осуждено к видам наказания	95 756	96 411	96 946	78 615	81 847	71 938
<i>в том числе:</i> лишению свободы	25 236	20 831	23 530	19 898	17 685	16 520
условно с испытательным сроком	69 213	62 150	55 871	46 003	45 472	36 233
исправительным работам	599	1481	1957	1402	1730	2151
штрафу	708	7967	8824	5548	7515	7481
обязательным работам	–	–	–	–	–	8152
другим видам наказания	0	3982	6764	5764	0445	0

Таблица 2

	Число осужденных								
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Всего осуждено	56 406	46 954	38 287	32 572	29 205	23 586	22 816	23 912	20 634

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>из них:</i> освобождено от отбывания наказания по амнистии и другим основаниям	1336	1343	1301	1259	1280	1991	2385	1518	1087
Осуждено к видам наказания	55 070	45 611	36 986	31 313	27 925	21 595	20 431	22 394	19 547
<i>в том числе:</i> реальному лишению свободы	11 678	8644	6065	5053	4602	3932	3955	3854	3482
условному осуждению к лишению свободы	27 912	23 069	18 466	13 531	11 487	10 176	9449	9313	7920
условному осуждению к иным мерам	1005	705	513	578	571	343	296	377	330
ограничению свободы	–	488	655	984	962	630	573	740	683
исправительным работам	1117	686	407	502	472	295	286	327	314
обязательным работам	7359	7130	6613	6749	6391	3974	3829	5580	4900
штрафу	5998	4889	4267	3916	3440	2253	2043	2201	1918
другим видам наказания	1	0	0	0	0	1	0	0	0

Приведенные данные свидетельствуют о стабильном сокращении числа несовершеннолетних лиц, которым назначается наказание в виде лишения свободы, что соответствует и одному из направлений современной уголовно-исполнительной политики государства, и, в частности, положениям Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [9].

Наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью не применяется по причине его неактуальности в отношении несовершеннолетних. Крайне редко назначаются исправительные работы и ограничение свободы. В результате суду приходится выбирать вид наказания несовершеннолетнему между штрафом, обязательными работами и лишением свободы.

Возможность взыскания штрафа с родителей несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих, облегчает решение вопроса об исполнении данного наказания, что играет важную роль при выборе судом вида назначаемого наказания. Вместе с тем это не решает вопроса по существу, особенно в случаях, если родители не согласны принять на себя это обязательство, а у несовершеннолетнего отсутствует самостоятельный заработок или имущество, на которое может быть обращено взыскание. Современная редакция норм УК РФ и УИК РФ о применении штрафа к несовершеннолетним основана на идее состоятельного в денежном плане не-

совершеннолетнего правонарушителя, что противоречит принципам справедливости, вины и личной ответственности в уголовном праве. Вне поля зрения законодателя здесь также остаются статусные характеристики несовершеннолетнего субъекта ответственности.

Исполнение наказания в виде исправительных работ в отношении рассматриваемой категории на практике сталкивается с определенными трудностями. В силу того что заключение трудового договора с несовершеннолетним связано со многими обременениями для работодателя (обеспечение социальных гарантий, ограничения по использованию детского труда и пр.), определение места отбывания исправительных работ несовершеннолетним зачастую становится просто невозможным. Исполнение обязательных работ сопряжено с такими же трудностями.

Между тем, как отмечается в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., рационализация политики в области уголовной ответственности предполагает увеличение численности лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, за счет применения ограничения свободы и других видов наказаний. В сложившихся обстоятельствах, когда по делам несовершеннолетних у суда выбора почти нет, ссылаясь на «другие виды наказаний» представляется весьма сомнительной. В результате в тех видах на-

казаний, которые предусмотрены в ст. 88 УК РФ, нет реальной альтернативы лишению свободы для несовершеннолетних.

Оценивая законодательную регламентацию вопросов реализации уголовной ответственности подростков, следует отметить, что отдельные положения действующего законодательства заслуживают критических замечаний. Так, УИК РФ почему-то проигнорировал особенности исполнения пяти видов наказаний в отношении несовершеннолетних, указав лишь в гл. 17 особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях. Такое расхождение двух родственных законодательных актов в вопросе регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних вряд ли оправданно. Кроме того, в настоящее время на базе МГУ им. М. В. Ломоносова группой ученых под руководством профессора В. И. Селиверстова подготовлен проект Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, который уже предполагает регламентацию применения к несовершеннолетним осужденным не только различных видов наказаний, но и принудительных мер воспитательного воздействия [8].

В официальных отчетах правоохранительных органов указывается, что позитивным итогом реализации комплекса профилактических мероприятий последних лет явилось уменьшение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии [4]. В юридической литературе также высказываются претензии на научную обоснованность мнения о том, что ситуация в части противодействия преступности несовершеннолетних стала стабилизироваться приблизительно с 2006 г. [2, с. 3].

В настоящее время, действительно, наблюдается существенное снижение количества регистрируемых преступлений несовершеннолетних [29], однако изменение качественных и количественных показателей преступности несовершеннолетних прежде всего вызвано и сопровождается неблагоприятными тенденциями в социально-демографической сфере, к числу которых необходимо отнести сокращение численности населения несовершеннолетнего возраста в России с 9 712 563 чел. в 2000 г. до 5 267 535 в 2015 г., то есть на 45,8 %.

Официальные статистические данные о преступности и судимости несовершеннолетних за последние пятнадцать лет (2002–

2017 гг.) представлены следующими показателями:

Таблица 3

Год	Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии	Количество несовершеннолетних осужденных
2002	139 408	88 334
2003	145 368	96 809
2004	154 414	97 506
2005	154 700	99 091
2006	150 300	82 218
2007	139 100	82 862
2008	116 100	73 560
2009	94 700	56 147
2010	78 500	47 210
2011	71 900	39 017
2012	64 300	33 059
2013	67 200	29 755
2014	59 500	24 379
2015	61 800	23 156
2016	53 736	23 912
2017	42 504	20 634

В последнее десятилетие учтенная преступность несовершеннолетних сокращается, но это, скорее всего, по вполне справедливому мнению В. В. Лунеева, статистическое мошенничество [5, с. 4–5]. Динамика преступности несовершеннолетних инерционна. Пятидесятипроцентные скачки повышения или снижения преступности могут быть связаны либо с чрезвычайными обстоятельствами в стране (повышение), либо с отданными сверху указаниями «работать на снижение статистики», потому что не могут в одночасье исчезнуть серьезные криминогенные факторы преступности несовершеннолетних по всей стране.

Необходим комплексный подход к решению вопросов борьбы с преступностью несовершеннолетних с использованием возможностей каждой политики: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной (пенитенциарной), криминологической (профилактической), административно-правовой, выступающих в качестве составных частей (отраслей, подсистем, направлений) единой уголовной политики.

В связи с вышеизложенным видится уместным обращение к зарубежной практике уголовного законодательства, касающейся проблем дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних. Обратимся к опыту Республики Казахстан.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений государственной социально-правовой политики Казахстана [8]. Важным направлением этой деятельности является защита прав несовершеннолетних, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, что ставит перед государством соответствующие задачи при формировании национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

В 2002 г. был принят Закон Республики Казахстан «О защите прав ребенка» [10], с этого же года начал реализацию международный проект «Ювенальная юстиция в Казахстане (2002–2006 гг.)», в рамках которого в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 23.08.2001 в городах Астана и Алматы были образованы первые экспериментальные ювенальные суды для несовершеннолетних. В масштабах всей республики указанные суды стали функционировать с августа 2012 г.

В настоящее время в Казахстане, единственной из стран Центральной Азии, успешно функционируют 19 ювенальных судов, где осуществляют правосудие 54 судьи. Ювенальные суды созданы как суды комплексной юрисдикции, к подсудности которых отнесены уголовные дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, и о преступлениях, нарушающих права несовершеннолетних, а также гражданские и административные дела. Анализ их деятельности показывает, что в 2013 г. в них на рассмотрение поступило 26 091 дело (2782 уголовных, 14 339 административных). Уголовные дела, связанные с неисполнением родителями обязанностей по уплате средств на содержание детей по решению суда, составили 65 %; административные дела, связанные с правонарушениями по невыполнению родителями обязанностей по воспитанию детей, – 64 %; гражданские дела, связанные с лишением (ограничением) родительских прав, – 38 %. Подавляющее большинство составляют дела, связанные с правонарушениями, посягающими на права несовершеннолетних (63,9 %) и дела об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок (35,8 %) [1]. Приведенные данные свидетельствуют о значительном количестве рассмотренных дел, по которым несовершеннолетние являются потерпевшими, а также указывают на наличие проблем, связанных с воспитанием и надлежащей организацией досуга данных лиц.

В целях вынесения судебного решения, которое в полной мере будет способствовать защите прав и законных интересов несовершеннолетних, судья выявляет условия жизни и воспитания ребенка, личностные черты ребенка и его родителей, особенности их взаимоотношений. Суды оборудованы «дружественными комнатами» для бесед несовершеннолетнего с психологом (с 1 июля 2014 г. в ювенальных судах введена внештатная единица психолога-инспектора); судебные заседания проходят без решеток и специальных клеток, отделяющих подростка от остального мира; участники процесса размещаются за общим столом, что подчеркивает общность тех задач, которые им предстоит решить при помощи судьи и медиатора. Внедрение альтернативных способов разрешения споров и конфликтов по уголовным делам в Республике Казахстан ежегодно увеличивается: если в 2013 г. таких процедур в формате медиации было проведено 2287, то в 2016 г. – 7523 [23].

Вместе с тем ювенальный суд – это не только специальный состав суда, но и новая форма судопроизводства, отличительными признаками которой являются отход от карательных методов правосудия в отношении несовершеннолетних, широкое применение восстановительного правосудия, где важно не покарать, а перевоспитать [18]. Как показывает статистика, по сравнению с 2013 г. в 2014 г. количество осужденных ювенальными судами Казахстана несовершеннолетних сократилось на 33 %, в целом число оправданных этими судами увеличилось в три раза (с 39 до 115). Таким образом, функционирование ювенальных судов отвечает потребностям сегодняшнего дня, о чем свидетельствует казахстанский опыт, где созданы реальные условия для защиты прав и законных интересов подрастающего поколения.

Действующий Уголовный кодекс Республики Казахстан (УК РК) предусматривает специальный шестой раздел, посвященный особенностям уголовной ответственности несовершеннолетних. Подобная законодательная практика, основанная на принципе гуманизма, соответствует современному международному уголовному законодательству, одобренному ООН (Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних от 29 ноября 1985 г. [6]).

Несовершеннолетним, совершившим уголовные правонарушения, может быть на-

значено наказание либо к ним могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 81 УК РК). УК РК 2014 г. не предусматривает каких-либо специальных наказаний для несовершеннолетних, однако круг наказаний, которые могут быть им назначены, ограничивается шестью видами: 1) лишение права заниматься определенной деятельностью; 2) штраф; 3) исправительные работы; 4) привлечение к общественным работам; 5) ограничение свободы; 6) лишение свободы.

Что касается практики назначения наказания, то всего по республике судами первой инстанции (включая ювенальные) в первый год действия УК РК были назначены меры наказания, не связанные с лишением свободы, в отношении 43,5 % несовершеннолетних, лишение свободы – 15,9 %, условное осуждение – 16,7 %.

Количество осужденных ювенальными судами сократилось на 33 %, число оправданных увеличилось почти в три раза. Каждое второе дело прекращено производством, в том числе с применением примирительных процедур (количество дел, оконченных в порядке медиации, составляет свыше 15 %) [1].

Таким образом, действующий УК РК учитывает относительную незрелость несовершеннолетних и содержит ряд норм, позволяющих дифференцировать их ответственность в сторону ее гуманизации. Вместе с тем создание в республике системы ювенальных судов обеспечивает реальную возможность защиты прав и законных интересов подрастающего поколения Казахстана в соответствии с международными стандартами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ деятельности специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних. URL: http://sud.gov.kz/sites/default/files/infografika_prestupnost_rus.jpg (дата обращения: 27.07.2017).
2. Аносов А. В. Соучастие несовершеннолетних в преступлениях: особенности уголовной ответственности и предупреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
3. Грабовская Н. П. Принудительные меры воспитательного характера // Курс советского уголовного права (часть общая) / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1970. Т. 2.
4. Доклады о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2003–2017 гг. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/results/annual_reports (дата обращения: 07.08.2018).
5. Лунеев В. В. Криминологические, виктимологические и пенитенциарные проблемы несовершеннолетних // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2009. № 8. С. 4–8.
6. Международные соглашения и рекомендации, определяющие стандарты обращения с правонарушителями и основные направления подготовки персонала исправительных учреждений : сб. док. : в 3 ч. / сост. И. В. Слепцов. Костанай, 2012. Ч. 1.
7. Научно-теоретическая модель Общей части УИК РФ / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2016.
8. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года : указ Президента Респ. Казахстан от 24.08.2009 № 858. URL: <http://sud.gov.kz/rus/content/o-konceptcii-pravovoy-politiki-respubliki-kazahstan-na-period-s-2010-do-2020-goda> (дата обращения: 27.07.2017).
9. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
10. О правах ребенка : закон Республики Казахстан от 08.08.2002 № 345-II. URL: <http://edu.resurs.kz/eleгал/zakon-opravan-rebenka> (дата обращения: 27.07.2017).
11. Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников : закон от 05.12.1866 // Полное собрание законодательства. СПб., 1867. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36251.
12. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних 1909 года // Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею. Устав о ссыльных. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних : репринт. изд. Вологда, 2002.
13. Положение о трудовых колониях для несовершеннолетних : утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 03.06.1968 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 23. Ст. 189.
14. Понятовская Т. Г. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Качество уголовного закона: проблемы Общей части / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2016.
15. Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 4.
16. Санташов А. Л. Дифференциация исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних в ИТК РСФСР 1970 г. // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2012. № 3. С. 83–85.
17. Санташов А. Л. Исполнение лишения свободы в отношении несовершеннолетних: вопросы законодательной техники и дифференциации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.
18. Санташов А. Л., Санташова Л. Л. Процессуальные гарантии реализации прав осужденных к лишению свободы на различных этапах передачи для отбывания наказания в государство их гражданства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 48–52.
19. Скомарох О. А. Практика тюремного служения Русской Православной Церкви в Российской Федерации в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... д-ра богословия. М., 2014.
20. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 16.
21. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
22. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.
23. Судебная система Республики Казахстан. Медиация. URL: <http://sud.gov.kz/rus/multimedia/infografika> (дата обращения: 27.07.2017).
24. Тенчов Э. С. Уголовная ответственность несовершеннолетних // Уголовное право России. Часть Общая : учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005.

25. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.
26. Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / отв ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 2001.
27. Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, Представления Министерства в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904.
28. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
29. Форма 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за декабрь 2009 – ноябрь 2016 гг. URL: http://crimestat.ru/indicator_passport (дата обращения: 07.08. 2018).

REFERENCES

1. Analiz deyatel'nosti specializirovannyh mezhrayonnyh sudov po delam nesovershennoletnih [Analysis of the activities of specialized inter-district courts in cases of minors]. Available at: http://sud.gov.kz/sites/default/files/infografika_prestupnost_rus.jpg (accessed 27.07.2017). (In Russ.).
2. Аносов А. В. Соучастие несовершеннолетних в преступлениях: особенности уголовной ответственности и предупреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Complicity of minors in crimes: the specifics of criminal liability and warnings : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2016. (In Russ.).
3. Grabovskaya N. P. Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo haraktera [Forced measures of educational character]. Kurs covetskogo ugovolnogo prava (chast' obshchaya) / отв. red. N. A. Belyaev, M. D. SHargorodskij – The course of Soviet criminal law (general part) : ed. by N. A. Belyaev, M. D. Shargorodsky. Leningrad, 1970. Vol. 2. (In Russ.).
4. Doklady o rezul'tatah i osnovnyh napravleniyah deyatel'nosti Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii v 2003–2017 gg. [Reports on the results and main activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in 2003–2017]. Available at: https://md.rf/Deljatelnost/results/annual_reports (accessed 07.08.2018). (In Russ.).
5. Luneev V. V. Kriminologicheskie, viktimologicheskie i penitenciarnye problemy nesovershennoletnih [Criminological, victimological and penitentiary problems of minors]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2009. Iss. 8. P. 4–8. (In Russ.).
6. Mezhdunarodnye soglasheniya i rekomendacii, opredelyayushchie standarty obrashcheniya s pravonarushitelyami i osnovnye napravleniya podgotovki personala ispravitel'nyh uchrezhdenij : sb. dok. : v 3 ch. / sost. I. V. Slepcev [International agreements and recommendations defining the standards for the treatment of offenders and the main directions of training of correctional staff : collection of documents : in 3 parts : comp. I. V. Slepcev. Kostanay, 2012. Part 1. (In Russ.).
7. Nauchno-teoreticheskaya model' Obshchej chasti UIK RF / pod red. V. I. Seliverstova [Scientific-theoretical model of the General part of the Penal Code of the Russian Federation : ed. by V. I. Seliverstov]. Moscow, 2016. (In Russ.).
8. O Konceptii pravovoj politiki Respubliki Kazahstan na period s 2010 do 2020 goda : ukaz Prezidenta Resp. Kazahstan ot 24.08.2009 № 858 [On the Concept of the Legal Policy of the Republic of Kazakhstan for the Period from 2010 to 2020 : Presidential Decree from 24.08.2009 No. 858]. Available at: <http://sud.gov.kz/eng/content/o-konceptii-pravovoy-politiki-respubliki-kazahstan-na-period-s-2010-do-2020-goda> (accessed 27.07.2017). (In Russ.).
9. O Konceptii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda : rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r (red. ot 23.09.2015) [On the Concept of the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2020 : Decree of the Government of the Russian Federation from 14.10.2010 No. 1772-r (in red. on 23.09.2015)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. Iss. 43. Art. 5544. (In Russ.).
10. O pravah rebenka : zakon Respubliki Kazahstan ot 08.08.2002 № 345-II [On the Rights of the Child: Law of the Republic of Kazakhstan from 08.08.2002 No. 345-II]. Available at: <http://edu.resurs.kz/eleгал/zakon-o-pravah-rebenka> (accessed 27.07.2017). (In Russ.).
11. Ob uchrezhdenii priyutov i kolonij dlya npravstvennogo ispravleniya nesovershennoletnih prestupnikov : zakon ot 05.12.1866 [On the establishment of shelters and colonies for the moral correction of juvenile delinquents : the law from 05.12.1866]. Polnoe sobranie zakonodatel'stva – Full collection of legislation. St. Petersburg, 1867. T. XXXVI. Dep. 1. Iss. 36251. (In Russ.).
12. Polozhenie o vospitatel'no-ispravitel'nyh zavedeniyah dlya nesovershennoletnih 1909 goda [Regulations on educational institutions for minors in 1909]. Svod uchrezhdenij i ustavov o sodержashchihsya pod strazheyu. Ustav o ssyl'nyh. Polozhenie o vospitatel'no-ispravitel'nyh zavedeniyah dlya nesovershennoletnih : reprint. izd. – Code of institutions and statutes on those held in custody. Statute of the exiles. Regulations on educational and correctional institutions for minors : reprint edition. Vologda, 2002. (In Russ.).
13. Polozhenie o trudovyh koloniyah dlya nesovershennoletnih : utv. Ukazom Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 03.06.1968 [Regulations on labor colonies for minors : approved by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from 03.06.1968]. Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR – Journal of the Supreme Soviet of the USSR. 1968. Iss. 23. Art. 189. (In Russ.).
14. Ponyatovskaya T. G. Osobennosti ugovolnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih [The specifics of the criminal responsibility of minors]. Kachestvo ugovolnogo zakona: problemy Obshchej chasti / отв. red. A. I. Ragog – The quality of criminal law: the problems of the General Part : ed. by A. I. Ragog. Moscow, 2016. (In Russ.).
15. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. [Russian legislation of the X–XX centuries]. Moscow, 1986. Vol. 4. (In Russ.).
16. Santashov A. L. Differenciatsiya ispolneniya lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih v ITK RSFSR 1970 g. [Differentiation of the execution of deprivation of liberty in relation to minors in correctional labor colonies of the RSFSR in 1970]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2012. Iss. 3. P. 83–85. (In Russ.).
17. Santashov A. L. Ispolnenie lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnih: voprosy zakonodatel'noj tekhniki i differenciacii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Execution of deprivation of liberty in respect of minors: issues of legislative techniques and differentiation : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Kazan, 2006. (In Russ.).
18. Santashov A. L., Santashova L. L. Processual'nye garantii realizacii prav osuzhdennyh k lisheniyu svobody na razlichnyh etapah peredachi dlya otbyvaniya nakazaniya v gosudarstvo ih grazhdanstva [Procedural guarantees for the realization of the rights of prisoners sentenced to deprivation of liberty at various stages of transfer to serve their sentence in the state of their citizenship]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2015. Iss. 2 (30). P. 48–52. (In Russ.).
19. Skomaroh O. A. Praktika tyuremnogo sluzheniya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v Rossijskoj Federacii v konce XIX – nachale XX veka : avtoref. dis. ... d-ra bogosloviya [The practice of prison ministry of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation in the late XIX – early XX century : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Theology]. Moscow, 2014. (In Russ.).

20. Sbornie zakonienij i rasporyazhenij raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of legalizations and orders of the workers and peasants government of the RSFSR]. 1918. Iss. 16. (In Russ.).
21. Sbornie zakonienij i rasporyazhenij raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of legalizations and orders of the workers and peasants government of the RSFSR]. 1922. № 15. Art. 153. (In Russ.).
22. Sbornie zakonienij i rasporyazhenij raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of legalizations and orders of the workers and peasants government of the RSFSR]. 1933. Iss. 48. Art. 208. (In Russ.).
23. Sudebnaya sistema Respubliki Kazahstan. Mediaciya [Judicial system of the Republic of Kazakhstan. Mediation]. Available at: <http://sud.gov.kz/rus/multimedia/infografika> (accessed 27.07.2017). (In Russ.).
24. Tenchov E.H. S. Ugolovnaya otvetstvennost' nesovershennoletnih [Criminal responsibility of minors]. Criminal law of Russia. General part : textbook for universities : ed. by L. L. Kruglikov. Moscow, 2005. (In Russ.).
25. Tihomirov M. N., Epifanov P. P. Sobornoe ulozhenie 1649 goda [The Cathedral Code of 1649]. Moscow, 1961. (In Russ.).
26. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' : ucheb. dlya vuzov / otv red. I. YA. Kozachenko, Z. A. Neznamova [Criminal law. General part : textbook for universities : ed. by I. Ya. Kozachenko, Z. A. Neznamova]. Moscow, 2001. (In Russ.).
27. Ugolovnoe ulozhenie ot 22 marta 1903 g. s motivami, izvlechennymi iz ob'yasnitel'noj zapiski redakcionnoj komissii, Predstavleniya Ministerstva v Gosudarstvennyj Sovet i zhurnalov – osobogo soveshchaniya, osobogo prisutstviya departamentov i obshchego sobraniya Gosudarstvennogo Soveta [The criminal code of March 22, 1903, with the motives extracted from the explanatory note of the editorial commission, the submission of the Ministry to the State Council and the magazines – a special meeting, a special presence of the departments and the general meeting of the State Council]. St. Petersburg., 1904. (In Russ.).
28. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh [Ordinance on the penalties of criminal and correctional]. St. Petersburg, 1845. (In Russ.).
29. Forma 4-EGS «Svedeniya o sostoyanii prestupnosti i rezul'tatah rassledovaniya prestuplenij» za dekabr' 2009 – noyabr' 2016 gg. [Form 4-USS «Information on the state of crime and the results of the investigation of crimes» for December 2009 – November 2016]. Available at: http://crimestat.ru/indicator_passport (accessed 07.08.2018). (In Russ.).

УДК 343.9:343.8

Виктимологические аспекты криминальной ситуации и их роль в повышении эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы

М. В. МОРЕВ – заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления отдела исследования уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра Российской академии наук (г. Вологда), кандидат экономических наук;

В. И. ПОПОВА – доцент кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент;

В. В. ВОЛКОВА – начальник кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент

Реферат

В статье рассматривается проблема виктимизации как одного из аспектов преступности. Приведены экспертные оценки факторов виктимизации населения и основных социально-демографических категорий, составляющих группу риска.

По мнению авторов, исследования виктимологических аспектов криминальной ситуации, обладая комплексным характером влияния на предотвращение правонарушений за счет изучения широкого спектра социально-психологических свойств личности и форм поведения, несут в себе значительный потенциал не только для гармонизации отношений в обществе, но и социально-экономического развития конкретных территорий, улучшения динамики демографических процессов, повышения эффективности функционирования государственных учреждений, прежде всего уголовно-исполнительной системы.

В статье представлены результаты социологических опросов, проводимых Вологодским научным центром РАН (ВолНЦ РАН) на территории Вологодской области, которые свидетельствуют о стабильном (18–20 %) уровне распространения факторов риска виктимизации и виктимных черт личности. Это создает потенциальную угрозу ухудшения криминальной ситуации в случае возникновения более сильных

рисков (например, экономического характера), что вызывает необходимость научных исследований круга проблем, связанных с виктимизацией населения, в частности разработки и реализации региональных систем мониторинга виктимологической ситуации.

Ключевые слова: преступность; виктимизация; виктимность; социологические исследования; уголовно-исполнительная система.

Victimological aspects of the criminal situation and their role in improving the efficiency of the penal system

M. V. MOREV – Head of the Laboratory of the Research Social Processes and Efficiency of Public Administration of the Department for Research the Level and Lifestyle of the Vologda Population of the Scientific Center of the Russian Academy of Sciences «(Vologda), PhD. in Economics;

V. I. POPOVA – Associate Professor of the Department of Economic Management and Production Organization in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics, Associate Professor;

V. V. VOLKOVA – Head of the Department of Economic Management and Production in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics, Associate Professor

Abstract

The article considers the problem of victimization as one of the aspects of crime. Expert assessments of the factors of victimization of the population and the main socio-demographic categories constituting a «risk group» are presented.

In the opinion of the authors the research of the victimological aspects of the criminal situation, having a complex character of the influence on preventing offenses through studying a wide range of socio-psychological properties of the individual and forms of behavior, have a significant potential not only for harmonizing relations in society, but also indirectly with more specific positions for the liberation of reserves of socio-economic development of specific territories, improving the dynamics of demographic processes, increasing the efficiency of functions of state institutions, especially the penal system.

The article presents the results of sociological polls conducted by the Vologda Research Center of the RAS in the Vologda Region, which testify to the existence of a stable (18-20%) level of risk factors for victimization and victim traits. This poses a potential threat to the deterioration of the criminal situation in the event of more severe risks (for example, economic ones), which necessitates scientific research on the range of problems associated with victimization, in particular the development and implementation of regional monitoring systems for the victimological situation.

Key words: crime; victimization; victimality; sociological research; penal system.

Стремительные темпы научно-технического прогресса, сопряженные с актуализацией человеческого фактора и, в частности, субъективного восприятия окружающей реальности, усугубляются нарастающей напряженностью геополитических отношений, вызванной постепенной, но неизбежной сменой парадигмы организационного и ценностного развития. Капиталистическая система ценностей, доминирующая на протяжении почти 70 лет, все больше обнажает свои недостатки и уступает место ценностям социализма, что сопровождается многочисленными локальными конфликтами, гибрид-

ной войной, экономическими кризисами, ростом международного терроризма и т. д.

В этих условиях так или иначе вынуждены существовать практически все страны мира, в том числе и Россия.

В разных странах мира вышеуказанные глобальные процессы создают определенный уровень психологической напряженности, актуализируя проблему безопасности для каждого человека на индивидуальном уровне. Это явление носит комплексный характер, поскольку косвенно воздействует на демографическую, экономическую, социальную ситуацию в обществе и др. Прямым

следствием данного явления являются повышение уровня преступности, изменения в структуре правонарушений и в социально-демографических характеристиках лиц, преступающих закон.

Результаты международных исследований показывают, что для России эта проблема особенно актуальна. По данным Института экономики и мира, в большинстве стран отмечается улучшение психологического фона, что показывает динамика Глобального

индекса мира (Global Peace Index). Большинство государств, как отмечают эксперты, относится к странам со средним уровнем безопасности. Однако в группу стран с высоким уровнем безопасности не относится ни одно государство из числа бывших республик Советского Союза. При этом регион «Россия и Евразия» по значению Глобального индекса мира уступает только самой напряженной территории – «Ближний Восток и Северная Африка» (см. диагр. 1).

Диаграмма 1

Глобальный индекс безопасности по регионам мира (2016 г.)

Преступность как социальный феномен представляет собой одну из наиболее актуальных патологий современного общества, сопряженную с целым комплексом факторов (социально-экономических, политических, культурно-исторических, духовно-ценностных и т. д.) и сопровождающуюся не менее многочисленными последствиями для формирования человеческого (и, в частности, трудового) потенциала, демографической структуры населения, экономической стабильности и в целом национальной безопасности государства.

Системный подход к анализу преступности, оценке факторов и последствий заключается в том, что данный феномен «не сводится к статистической совокупности правонарушений, а обладает многообразными устойчивыми закономерностями с различными явлениями и процессами общества» [4, с. 12]. Такой подход позволяет рассматривать проблему преступности с двух точек зрения:

– как сложное проявление внешних и внутривидовых связей, продукт социаль-

ной среды, который отражается на разных сферах жизни общества и жизнедеятельности различных групп и социальных общностей;

– как явление, имеющее некоторую самостоятельность, обладающее специфическими чертами и закономерностями. Динамика преступности не повторяет автоматически изменения внешних условий, а является следствием их преломления через собственные характерные особенности. При этом преступность может проявляться в виде обратного воздействия на породившие ее условия социальной среды.

Актуальность изучения криминальной ситуации состоит не только в том, что оно позволяет оценить динамику условий социальной среды, провоцирующих человека на нарушение закона. Другой стороной данного феномена являются люди, ставшие жертвами преступлений, то есть та часть социума, которая на кратковременный или продолжительный период вследствие преступного посягательства перестает участвовать в жизни общества и сама нуж-

дается в помощи различных социальных институтов.

Таким образом, число лиц, вовлеченных в круг проблем, связанных с преступностью, не ограничивается количеством людей, нарушающих закон, а затрагивает гораздо более значительную часть населения.

В период с 2005 по 2016 г., по данным сайта Федеральной службы статистики,

уровень преступности в России существенно снизился (с 3554,7 до 2160,0 тыс. правонарушений). Вместе с тем нельзя назвать устойчивой тенденцию снижения числа лиц, совершивших преступления: их количество увеличивалось в 2013 и 2015 гг., при этом в 2015 г. число правонарушителей возросло практически во всех половозрастных категориях населения (см. табл. 1).

Таблица 1
Некоторые показатели криминальной обстановки в Российской Федерации

Показатель	Год								2016, %		
	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	к 2005	к 2010	к 2015
Зарегистрировано преступлений, тыс. в том числе:	3554,7	2628,8	2404,8	2302,2	2206,2	2190,6	2388,5	2160,0	60,8	82,2	90,4
убийство и покушение на убийство	30,8	15,6	14,3	13,3	12,4	11,9	11,5	10,4	33,8	66,7	90,4
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	57,9	39,7	38,5	37,1	34,8	32,9	30,2	27,4	47,3	69,0	90,7
изнасилование и покушение на изнасилование	9,2	4,9	4,8	4,5	4,2	4,2	3,9	3,9	42,4	79,6	100,0
грабеж	344,4	164,5	127,8	110,1	92,1	77,7	72,7	61,5	17,9	37,4	84,6
разбой	63,7	24,5	20,1	18,6	16,4	14,3	13,6	11,4	17,9	46,5	83,8
кража	1573,0	1108,4	1038,6	992,2	922,6	908,9	1018,5	871,0	55,4	78,6	85,5
преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	175,2	222,6	215,2	219,0	231,5	254,7	236,9	201,0	114,7	90,3	84,8
нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	26,6	26,3	27,3	29,4	28,2	28,4	26,7	22,0	82,7	83,7	82,4
Выявлено лиц, совершивших преступления, тыс. чел., из них:	1297,1	1111,1	1041,3	1010,9	1012,6	1006,0	1075,3	1016,0	78,3	91,4	94,5
14–15 лет	44,6	21,5	20,5	18,5	19,7	17,1	17,2	15,6	35,0	72,6	90,7
16–17 лет	105,4	51,2	45,5	41,0	41,0	37,3	38,8	33,0	31,3	64,5	85,1
18–24 лет	364,5	277,6	254,1	233,6	222,5	207,8	203,6	182,0	49,9	65,6	89,4
25–29 лет	223,5	208,8	194,2	191,8	191,5	190,0	201,5	193,0	86,4	92,4	95,8
30–49 лет	453,6	448,2	432,6	432,2	440,5	454,6	504,0	483,0	106,5	107,8	95,8
50 лет и старше	105,5	103,5	94,6	93,9	97,3	99,2	110,2	109,0	103,3	105,3	98,9
Численность осужденных по приговорам судов, тыс. чел., из них:	879,0	845,0	782,0	739,0	736,0	719,0	734,0	740,0	84,2	87,6	100,8
убийство	20,3	12,4	10,8	9,5	9,3	9,2	9,1	8,9	43,8	71,8	97,8
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	43,0	33,8	32,4	30,9	30,2	28,8	26,9	25,2	58,6	74,6	93,7
изнасилование	6,6	4,0	3,5	3,1	2,9	2,9	2,7	2,5	37,9	62,5	92,6
Осуждено в возрасте, лет:											
14–17 лет	11,3	5,5	4,9	4,4	4,0	3,3	3,1	3,2	28,3	58,2	103,2
18–24 лет	29,5	27,0	26,1	24,7	23,5	22,1	20,7	19,0	64,4	70,4	91,8
25–29 лет	17,9	19,5	19,3	19,6	19,7	19,9	19,9	20,2	112,8	103,6	101,5
30–49 лет	35,1	40,5	42,2	43,8	44,9	46,6	48,4	48,7	138,7	120,2	100,6
50 лет и старше	6,2	7,5	7,5	7,5	7,9	8,1	7,9	8,8	141,9	117,3	111,4

Изучением потерпевших, их социально-психологических и социально-демографических особенностей занимается виктимология. Включение в ее предмет всех категорий лиц, ставших жертвами самых

различных обстоятельств, делает данную науку комплексной, не ограниченной криминальной сферой [2]. Виктимология как раздел криминалистики изучает преимущественно психологию жертвы (определен-

ные жизненные установки и стереотипы поведения), однако не менее важен и другой ее аспект – социологический, параметры социальной ситуации и характеристика социального портрета людей, имеющих повышенный риск стать жертвой.

Следует отметить, что проблема виктимизации в уголовно-исполнительной системе является предметом специального раздела науки – пенитенциарной виктимологии. Однако в данной статье речь пойдет об общих факторах и тенденциях виктимизации населения, что, на наш взгляд, является наибо-

лее важным в плане профилактики правонарушений.

Доля преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении потерпевших, в период с 2005 по 2015 г. (в связи с недоступностью данных за 2016 г.) снижается и составляет 15–21 % от общего числа правонарушений (за исключением Южного, Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов, где данный показатель, согласно данным официальной статистики, несколько ниже – 12–13 %) (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении потерпевших

Территория	Год													
	2005		2010		2011		2012		2013		2014		2015	
	тыс. ед.	в %												
Российская Федерация	658,8	18,5	451,2	17,2	403,5	16,8	387,8	16,8	372,2	16,9	357,2	16,3	374,4	15,7
Уральский федеральный округ	80,7	19,5	58,3	20,4	50,4	20,0	47,3	20,7	48,7	21,7	47,4	21,9	48	20,9
Приволжский федеральный округ	156,9	19,3	103,7	18,7	93,1	19,0	91,3	19,6	84,9	20,3	81,1	20,2	86	19,1
Сибирский федеральный округ	118,6	20,8	87,7	19,2	79,4	18,9	75,2	18,4	73,7	18,3	72,0	18,3	72,8	17,2
Северо-Западный федеральный округ	68,2	20,9	40,2	17,2	36,1	16,5	34,7	16,9	33,0	16,5	32,4	15,9	35,2	15,4
Дальневосточный федеральный округ	35,8	18,7	24,3	16,9	20,4	15,8	20,4	15,9	20,6	15,4	19,8	15,2	20,4	15,2
Южный федеральный округ	50,1	15,2	28,5	13,9	26,1	13,5	26,1	14,0	23,7	13,4	23,9	13,1	25,8	13,0
Центральный федеральный округ	141,5	18,1	95,8	15,9	86,3	15,3	81,1	14,8	76,3	14,5	68,2	13,2	71,9	12,9
Северо-Кавказский федеральный округ	н.д.	н.д.	10,9	14,5	10,0	13,8	10,2	13,8	9,9	13,8	9,2	13,1	9,2	12,1

* Федеральные округа ранжированы по значению показателя в 2015 г. (в %).

Результаты мониторинговых социологических исследований, проводимых на территории Вологодской области¹, свиде-

¹ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца. Опрашиваются 1500 респондентов старше 18 лет в Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %.

тельствуют о том, что в регионе снижается количество людей, ставших жертвами преступлений или хулиганских действий: в период с 2005 по 2016 г. их доля уменьшилась с 18 до 5 % (см. диагр. 2). В целом аналогичную динамику имеет удельный вес жителей области, отмечающих, что были свидетелями правонарушений.

Преступления против собственности происходят значительно чаще, чем убийства и другие более тяжелые формы нарушения закона. Однако именно по этим видам отмечается самая высокая доля пострадавших. Коэффициент специальной (избирательной) виктимности по таким видам преступлений, как убийство и покушение на убийство, умышленное причинение

тяжкого вреда здоровью, выше, чем аналогичный показатель по таким видам правонарушений, как грабеж, разбой и кража (см. табл. 3). При этом в период с 2005 по 2014 г. (в связи с недоступностью данных за 2015 и

2016 гг.) коэффициент специальной виктимности по более тяжелым видам правонарушений увеличился (чего не скажешь о динамике данного показателя в отношении грабежей и разбойных нападений).

Диаграмма 2
Доля пострадавших и свидетелей преступлений и хулиганских действий в Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Таблица 3
Коэффициент специальной (избирательной) виктимности по видам преступлений в Российской Федерации (число преступлений, в которых имелись потерпевшие, на 10 тыс. преступлений данного вида)

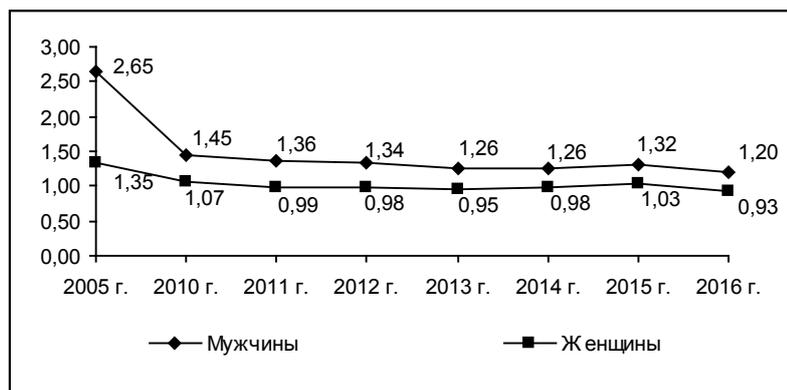
Виды преступлений	Годы					
	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	9729,9	9899,2	9896,1	9892,2	9913,8	9908,8
Убийство и покушение на убийство	9465,5	9551,3	9580,4	9548,9	9596,8	9579,8
Грабеж	9630,1	9477,2	9397,5	9282,5	9142,2	8918,9
Разбой	9407,7	9346,9	9353,2	9139,8	9024,4	8811,2
Кража	8104,3	8287,6	8207,2	8235,2	8273,4	8245,1

* Ранжировано по значению показателя в 2014 г.

Следует также отметить, что в период с 2005 по 2016 г. соотношение потерпевших от преступлений среди мужчин и женщин в целом по стране существенно сократилось, что, вероятно, является косвенным результатом процесса эмансипации. Так, доля мужчин,

потерпевших от преступных посягательств, снизилась с 2,65 до 1,2 %, доля женщин – с 1,35 до 0,93 % (см. диагр. 3). Вместе с тем на общероссийском уровне тенденция «сближения» уровня виктимизации среди мужчин и женщин проявляется отчетливо.

Диаграмма 3
Доля мужчин и женщин, потерпевших от преступных посягательств (в %)

Маргинализация и социальная неустроенность общества повышают риск распространения виктимных черт сознания и поведения. Поэтому динамика удельного веса соответствующих групп населения позволяет судить о том, как изменяется уровень рискогенности социума в плане виктимизации. С этой точки зрения можно

говорить о достаточно благоприятной тенденции снижения уровня распространения факторов виктимности. Так, по данным официальной статистики, за период с 2005 по 2015 г. в России уменьшилась доля безработных, людей, живущих за чертой бедности, больных алкоголизмом и наркоманией (см. табл. 4).

Таблица 4

Факторы риска повышенного уровня виктимизации населения

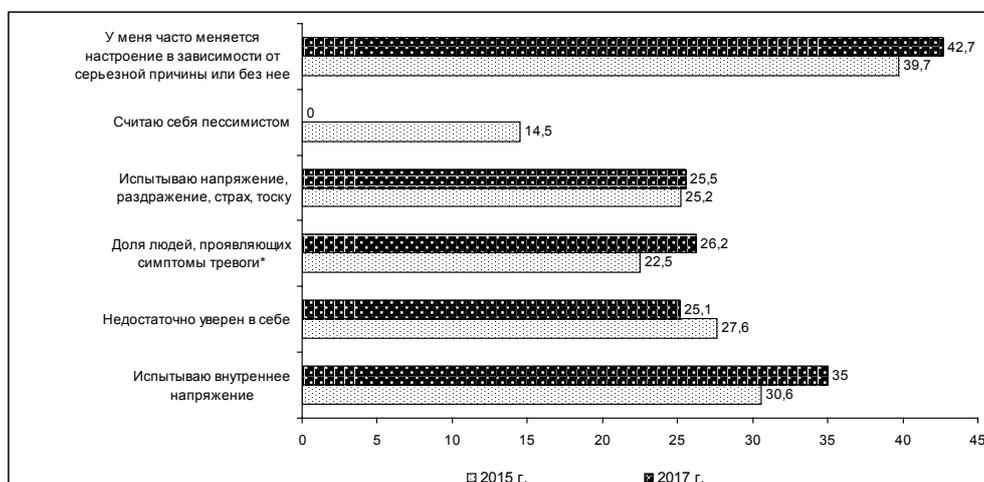
Категория населения	Российская Федерация			Северо-Западный федеральный округ			Вологодская область		
	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Численность безработных (на 10 тыс. чел.)	367,8	449,1	291,0	304,1	400,0	259,9	274,1	427,7	353,5
Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения)	17,7	12,5	13,3	17,3	14,3	н.д.	18,3	16,8	14,2
Численность беженцев и вынужденных переселенцев (на 100 тыс. чел.)	6,2	2,9	17,8	1,1	0,5	9,4	0,1	н.д.	7,7
Число прибывших мигрантов (на 10 тыс. чел.)	145,9	140,1	н.д.	130,8	133,2	н.д.	101,9	93,4	н.д.
Число людей, заболевших алкоголизмом и алкогольными психозами (на 100 тыс. населения)	147,0	107,8	74,7	141,9	106,6	н.д.	150,0	104,0	66,0
Число людей, заболевших наркоманией (на 100 тыс. населения)	18,5	18,1	15,0	17,7	18,2	н.д.	11,6	10,2	н.д.

По результатам проведенных в 2017 г. социологических исследований, 18 % жителей Вологодской области отмечают, что им трудно поддерживать разговор при знакомстве; 19 % говорят о том, что часто совершают поступки, в которых приходится раскаиваться; 21 % испытывает затруднения при знакомстве с незнакомыми людьми.

Такие же данные были получены в 2015 г. (см. диагр. 4). Другими словами, около 18–20 % населения региона испытывают определенные проблемы в реализации своих коммуникативных навыков, и это можно рассматривать как фактор риска формирования виктимных черт личности и форм поведения.

Диаграмма 4

Удельный вес жителей Вологодской области, имеющих психологические черты, потенциально способные привести к росту уровня виктимизации (в % от числа опрошенных)

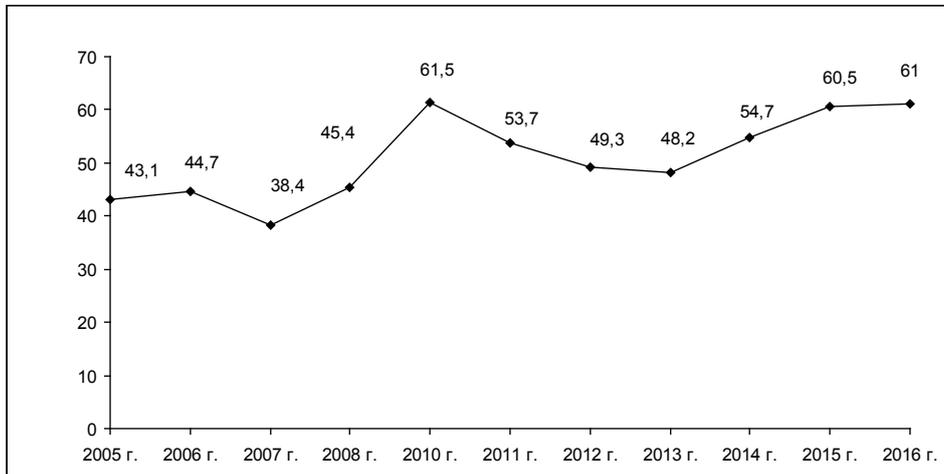

* Доля населения, имеющего признаки тревоги, определялась по госпитальной шкале тревоги и депрессии.

Одним из социально-психологических факторов, «поддерживающих» определенный уровень виктимности населения, на наш взгляд, является неуверенность в завтрашнем дне, которую испытывают (как по-

казывают результаты опросов) более 50 % населения. Причем с 2013 г. доля людей, сталкивающихся с этой проблемой, ежегодно увеличивается (2013–2016 гг.: с 48 до 61 %) (см. диагр. 5).

Диаграмма 5
Доля людей, сталкивающихся с проблемой отсутствия уверенности в завтрашнем дне (в % от числа опрошенных)

Сегодня многие крупные российские учреждения, осуществляющие мониторинговые социологические замеры, нередко прибегают к анализу страхов россиян. И чаще всего исследователей интересует, что в первую очередь беспокоит людей – развитие событий на международной политической арене или внутренняя социально-экономическая ситуация (вопросы уровня и качества жизни). Разные методические подходы, ис-

следования, проведенные как на общероссийском, так и региональном уровнях (ВЦИОМ, ВолНЦ РАН), позволяют сделать вывод, что болезни, потеря работы, бедность и нищета беспокоят россиян больше, чем угроза международных конфликтов.

Однако доминирует в обществе страх за будущее детей. По данным ВЦИОМ, он свойственен 30–32 % россиян, по данным ВолНЦ РАН – 52 % (см. табл. 5).

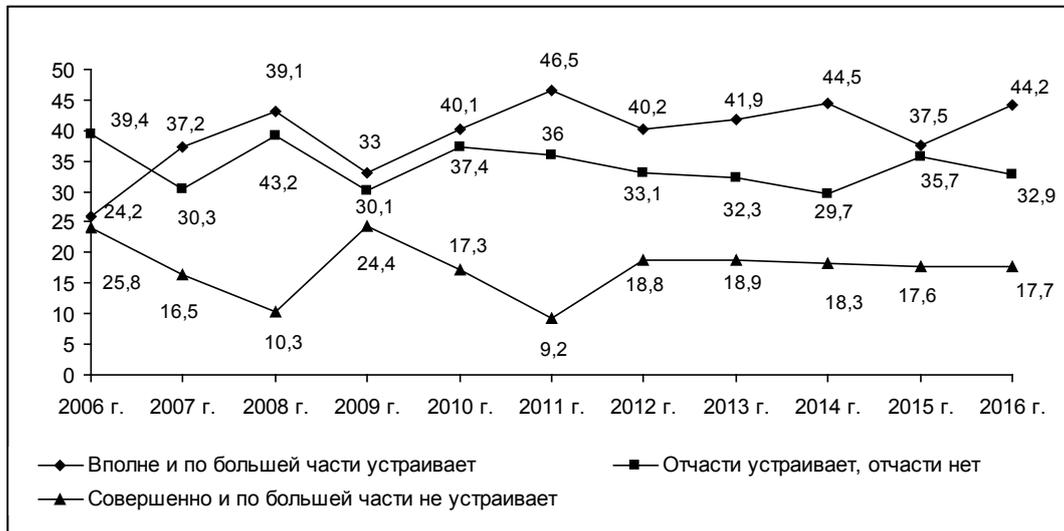
Таблица 5
Распределение ответов на вопрос «Что Вас лично больше всего беспокоит, внушает страх?» (закрытый вопрос, не более трех ответов)

Варианты ответов	ВЦИОМ	ВЦИОМ	ВолНЦ РАН
	Январь 2013 г.	Январь 2015 г.	Октябрь 2015 г.
Потеря работы	18,0	23,0	37,4
Пожары, землетрясения, наводнения	10,0	7,0	16,9
Бедность, нищета	22,0	26,0	49,1
Ядерная война	8,0	17,0	32,0
Голод	4,0	11,0	24,9
Старость, беспомощность	20,0	15,0	26,3
Преступность	11,0	11,0	18,5
Национальные конфликты, погромы	8,0	11,0	12,8
Смерть близких	27,0	19,0	31,0
Возврат к сталинизму, массовым репрессиям	1,0	2,0	4,4
Болезнь близких	30,0	22,0	33,1
Будущее моих детей	32,0	31,0	52,3
Анархия, гражданская война	4,0	7,0	32,0
Собственная смерть	5,0	3,0	5,7
Особых страхов не испытываю	11,0	9,0	8,2
Другое	1,0	2,0	0,4
Затрудняюсь ответить	1,0	2,0	2,9

Следует также отметить, что 17–20 % россиян стабильно на протяжении последних пяти лет (2012–2016 гг.) отмечают, что их не устраивает жизнь, которую они ведут (см. диагр. 6).

Это обстоятельство необходимо рассматривать как один из факторов, провоцирующих формирование и развитие виктимных черт личностей и типов поведения населения.

Диаграмма 6
Если говорить в целом, в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?
(в % от числа опрошенных)

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что современное состояние преступности в России (и если брать шире – перманентного ощущения безопасности граждан) не только находится под прессом негативных тенденций в динамике социально-экономической ситуации, регулярно испытывающей на себе последствия мировых финансовых кризисов, санкций и т. д., но и испытывает давление изнутри – со стороны общего фона психологического климата, формирующегося под воздействием многих (прежде всего информационных и политических) факторов. Это обуславливает принципиальную значимость системного и комплексного характера практической работы по выявлению лиц, склонных к правонарушениям, и их потенциальных жертв, к определению виктимных качеств социальной среды на макро-, мезо- и микроуровне.

Каждый человек на индивидуальном уровне испытывает воздействие множества факторов самой разной природы (экономических, политических, социальных, культурных, информационных и т. д.). Риск виктимизации или криминализации индивида возрастает многократно, и это обстоятельство предъявляет повышенные требования к организации диагностической и профилактической работы, направленной на снижение уровня правонарушений.

В заключение хотелось бы отметить, что исследование виктимологических аспектов криминальной ситуации имеет двойную степень значимости для снижения общего уровня криминогенности в стране:

1) в широком смысле в условиях напряженной международной обстановки проблема безопасности, отраженная в первую очередь в динамике и качестве правонарушений, представляет собой не столько внутреннюю проблему для России, сколько является необходимым условием для реализации курса независимой внешней политики, проводимой государством. Как отмечают многие эксперты, «в условиях глобальной конкуренции любая серьезная ошибка может стать фатальной: отыграть утраченные позиции уже практически невозможно. Это означает, что Россия не имеет права на серьезные управленческие ошибки, ибо любой просчет с ее стороны будет использован против нее с максимальной эффективностью. В таких условиях деградация страны перестает быть абстрактной угрозой, превращаясь в реальную опасность» [2, с. 12];

2) в более узком, специализированном плане профилактика виктимизации является одним из механизмов повышения эффективности уголовно-исполнительной системы. «Сама изоляция от общества как мера наказания предполагает ряд ограничений, которые у некоторых лиц могут вызывать

дезадаптацию, еще большую дистанцию от общества, усугублять неприятие среды... десоциализация и дезадаптация осужденных к лишению свободы являются одними из факторов их криминальной виктимиза-

ции, генетически связанных с условиями лишения свободы. Это один из примеров, который говорит о важности учета факторов виктимизации при исполнении наказания в виде лишения свободы» [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балацкий Е. В. Угрозы России в условиях рециркуляции мирового капитала // Общество и экономика. 2016. № 10. С. 12.
2. Волкова В. В. Феномен виктимного поведения в условиях современного мегаполиса. URL: <http://www.psysocwork.ru/855/> (дата обращения: 23.08.2017).
3. Кайсина Т. П. Пенитенциарная виктимизация осужденных // Виктимология. 2015. № 3 (5). С. 49–53.
4. Криминология : учеб. для вузов / под ред. В. Д. Малкова. М., 2006.

REFERENCES

1. Balackij E. V. Ugrozy Rossii v usloviyah recirkulyacii mirovogo kapitala [Threats to Russia in Conditions of Recycling World Capital]. Obshchestvo i ekonomika – Society and Economics. 2016. Iss. 10. P. 12. (In Russ.).
2. Volkova V. V. Fenomen viktimnogo povedeniya v usloviyah sovremennogo megapolisa [The phenomenon of victim behavior in the modern metropolis]. Available at: <http://www.psysocwork.ru/855/> (accessed 23.08. 2017). (In Russ.).
3. Kajsina T. P. Penitenciarnaya viktimizaciya osuzhdennyh [Penitentiary victimization of convicts]. Viktimologiya – Victimology. 2015. Iss. 3 (5). P. 49–53. (In Russ.).
4. Kriminologiya : ucheb. dlya vuzov / pod red. V. D. Malkova [Criminology : textbook for universities : ed. by V. D. Malkov]. Moscow, 2006. (In Russ.).

УДК 343.847

Правовое регулирование организации надзора за осужденными к принудительным работам в исправительных центрах

Е. В. ЧЕРНЫШЕНКО – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

Статья посвящена исследованию проблемы правового регулирования надзора за осужденными в исправительных центрах. Раскрывается содержание норм как федерального, так и ведомственного уровней, закрепляющих основные требования к организации надзора за осужденными к принудительным работам.

На сегодняшний день в законодательстве недостаточно отражены вопросы проведения ряда режимных мероприятий на территории исправительных центров. В частности, не урегулированы порядок производства обысков и досмотров, а также случаи их обязательного проведения. В связи с этим целесообразно принятие отдельного нормативного акта, закрепляющего основания, порядок производства обысков и досмотров на территории исправительных центров, изъятия и уничтожения обнаруженных запрещенных предметов, закрепления образцов документов, необходимых для заполнения по результатам указанных мероприятий.

В отдельных нормативных актах, регулирующих вопросы организации надзора в исправительных центрах, встречаются разногласия в используемой терминологии. Так, например, в Правилах внутреннего распорядка исправительных центров вместо оборота «безопасное место» следует использовать сочетание «безопасное помещение для краткосрочного содержания осужденных сроком до 24 часов», что соответствует нормам УИК РФ.

В перечне нормативно закрепленных технических средств контроля и надзора, используемых в исправительных центрах, отсутствуют системы контроля управления доступом на территорию. Данный пробел следует устранить путем внесения соответствующих изменений, что позволит более эффективно организовать надзор за осужденными и предотвратить факты несанкционированного проникновения в исправительные центры.

В статье представлен ряд предложений по вопросам планирования надзора за осужденными к принудительным работам, контроля за несением службы. В част-

ности, предлагается предусмотреть план на сутки, а также закрепить за заместителем начальника исправительного центра обязанность по контролю за организацией надзора.

Следует также устранить пробелы в вопросах нормативного закрепления алгоритмов действий сотрудников центров при возникновении различных чрезвычайных обстоятельств.

Ключевые слова: исправительные центры; принудительные работы; организация надзора; средства обеспечения надзора; правовое регулирование надзора.

Legal Regulation of the Organization of Supervision of Convicts for Forced Labor in Correctional Centers

E. V. CHERNYSHENKO – Lecturer of the Department of the Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

This article is devoted to the study of the problem of the legal regulation of supervision of convicts in correctional centers. The content of the norms of both the federal and departmental levels, which establish the basic requirements for the organization of supervision over convicts for forced labor, is disclosed.

To date the legislation does not adequately reflect the implementation of a number of regime measures on the territory of correctional centers. In particular the procedure for the examinations and searches as well as cases of their mandatory conduct has not been regulated. In this regard it seems advisable to adopt a separate normative act that consolidates the grounds, the procedure for the production of examinations and searches in the territory of correctional centers, seizures and the destruction of the detected prohibited items, fixing the samples of documents required to fill in the results of these activities.

In some regulatory acts that regulate the organization of supervision in correctional centers there are disagreements in the terminology used. For example, in the Rules of internal regulations of correctional centers, instead of the «safe place» turnover, the combination «safe premises for short-term detention of convicts for up to 24 hours» should be used, which corresponds to the norms of the Penal Code of the Russian Federation.

The list of normatively fixed technical means of control and supervision used in correctional centers lacks systems for controlling access to the territory. This gap should be eliminated by introducing appropriate changes, which will allow more effective organization of supervision over convicts and prevention of unauthorized penetration into correctional centers.

The article presents a number of proposals on the planning of supervision of convicts for forced labor monitoring of service. In particular it is proposed to provide a plan for the day and also to assign to the deputy head of the correctional center the duty to supervise the organization of supervision.

It is also necessary to remove gaps in the issues of normative fixing of the algorithms of actions of the employees of the centers in the event of various emergency circumstances.

Key words: correctional centers; forced labor; organization of supervision; means of supervision; legal regulation of supervision.

Принудительные работы являются молодым и достаточно перспективным видом уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы. Согласно законодательству Российской Федерации учреждениями, исполняющими данный вид наказания, являются исправительные центры. Именно необходимость их создания отодвинула начало исполнения принудительных работ до 1 января 2017 г. К началу 2019 г. в системе учреж-

дений и органов ФСИН России предполагается появление достаточного количества исправительных центров, позволяющего реализовать один из основных принципов уголовно-исполнительного законодательства – отбывание наказания по месту жительства до осуждения. Также разрабатывается вопрос создания при исправительных колониях изолированных участков, функционирующих в режиме исправительных центров [5].

Учитывая перспективы развития рассматриваемого вида наказания, следует обратить внимание не только на вопросы нормативного регулирования в целом порядка и условий исполнения и отбывания принудительных работ, но и на его отдельные аспекты, такие как осуществление надзора за осужденными в исправительных центрах. Сама концепция функционирования этого нового для уголовно-исполнительной системы России вида исправительного учреждения предполагает необходимость всестороннего изучения особенностей организации надзора за осужденными к принудительным работам.

На сегодняшний день порядок исполнения и отбывания рассматриваемого вида наказания регулируется достаточным количеством нормативных актов как федерального, так и ведомственного уровней. Вместе с тем в силу объективного отсутствия опыта организации исполнения принудительных работ данные источники требуют некоторой корректировки, что позволит в дальнейшем в практической деятельности сотрудников пенитенциарной службы избежать ряда проблем, в том числе связанных с осуществлением надзора за осужденными в исправительных центрах.

Основным нормативным правовым актом, устанавливающим требования по порядку исполнения и отбывания наказания в виде принудительных работ, является УИК РФ. Анализируя содержание гл. 8.1, введенной в кодекс Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ [1], можно выделить ряд норм, касающихся особенностей организации надзора за осужденными в исправительных центрах. Часть 2 ст. 60.4 УИК РФ закрепляет, что осужденные к принудительным работам находятся под надзором, а ч. 5 данной статьи устанавливает право администрации исправительного центра подвергать осужденных обыскам, а их личные вещи досмотру.

Отметим, что производство указанных режимных мероприятий является неотъемлемой частью процесса организации надзора, позволяет обнаружить и изъять у осужденных к принудительным работам запрещенные предметы, перечень которых установлен Правилами внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы [6]. Данный перечень отличается от того, что предусмотрен для осужденных в исправительных колониях, однако обнаружение предметов и вещей, в него включенных, также влечет их

изъятие, а также либо передачу на хранение до освобождения осужденного, либо уничтожение (алкоголь, порнографическая продукция и др.).

Вместе с тем на законодательном уровне недостаточно раскрыт сам процесс производства обысков и досмотров в исправительных центрах, не закреплены случаи обязательного проведения указанных мероприятий, что в практической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы может вызвать ряд проблем, которые будут порождать жалобы осужденных на основания и порядок осуществления обысков и досмотров. Часть 5 ст. 60.4 УИК РФ закрепляет, что порядок производства обысков и досмотров в исправительных центрах должен определяться Минюстом России, ФСИН России, однако на сегодняшний день подобные нормативные акты отсутствуют и лишь в ряде актов Минюста России идет указание на производство данных мероприятий при приеме осужденных в учреждение. Возникает вопрос относительно законности проведения рассматриваемых режимных мероприятий в период отбывания осужденными наказания в виде принудительных работ. Следует восполнить указанные пробелы путем принятия отдельного нормативного акта, регулирующего основания, порядок производства обысков и досмотров на территории исправительных центров, изъятия и уничтожения обнаруженных запрещенных предметов, закрепления образцов документов, необходимых для заполнения по результатам указанных мероприятий.

Статья 60.18 УИК РФ, полностью посвященная вопросам организации надзора за осужденными к принудительным работам, в том числе устанавливает и меры по предупреждению нарушений порядка и условий отбывания наказания. Положения статьи закрепляют право администрации исправительного центра поместить осужденного к принудительным работам в безопасное помещение на срок до 24 часов, в случае если от него или в отношении него исходит угроза. Однако формулировка «администрация исправительного центра» представляется некорректной, так как в числе сотрудников учреждения есть такие, например, как главный бухгалтер, юристконсульт, которые по своим должностным обязанностям не должны принимать подобные решения. Для разрешения указанной проблемы следует обратиться к Правилам внутреннего распорядка исправительных центров, где разд. 9 «Перевод осужденных в безопасное место»

дает указание на конкретные должностные лица, уполномоченные на принятие таких решений, – это начальник исправительного центра и в случаях, нетерпящих отлагательства, оперативный дежурный.

Также разногласия прослеживаются в наименовании помещения, в которое может переводиться осужденный. Так, УИК РФ и приказ Минюста России от 27.12.2016 № 311 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за осужденными к принудительным работам» [3] (далее – приказ № 311) закрепляют категорию «безопасное помещение для краткосрочного содержания осужденных сроком до 24 часов», а Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений – «безопасное место». Целесообразно для устранения установленных противоречий в ч. 2 ст. 60.18 УИК РФ заменить оборот «администрация исправительного центра» на сочетание «начальник центра или лицо, временно его замещающее, а в случаях, нетерпящих отлагательств, – оперативный дежурный». В Правилах внутреннего распорядка исправительных центров следует «безопасное место» заменить на «безопасное помещение для краткосрочного содержания осужденных сроком до 24 часов».

Статья 60.19 УИК РФ определяет право применения в исправительных центрах для контроля за поведением осужденных технических средств надзора и контроля и указывает, что перечень таких средств закрепляется Правительством Российской Федерации, а порядок их применения должен устанавливаться Минюстом России, ФСИН России. На сегодняшний день перечень технических средств, применяемых для надзора и контроля за осужденными к принудительным работам, утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.12.2016 № 2932-р [2].

В перечень технических средств надзора и контроля входят:

- система охранной сигнализации (которая позволяет выявить факты несанкционированного проникновения в здания и помещения исправительного центра);

- система тревожной сигнализации (предназначена для подачи сигнала тревоги при возникновении различных чрезвычайных ситуаций);

- преграждающие устройства (которые позволяют обеспечить физическое препятствие проникновению на территорию исправительного центра);

- система речевого оповещения (позволяющая транслировать объявления и распо-

ряжения по всей территории исправительного центра);

- система видеонаблюдения (которая обеспечивает возможность постоянного видеонаблюдения на территории исправительного центра);

- система сбора и обработки информации (позволяющая обеспечить посредством технических средств и программного обеспечения полное функционирование системы охранной сигнализации и системы видеонаблюдения).

Вместе с тем также эффективным видится внедрение системы контроля управления доступом на территории исправительных центров, в том числе применение биометрических систем идентификации личности, что значительно упрощает вопросы организации пропускного режима и установления личности как осужденных, отбывающих принудительные работы, так и сотрудников, проходящих службу в центрах. Порядок же их применения установлен приказом Минюста России от 19.09.2017 [4], который устанавливает, что технические средства надзора и контроля используются с целью предупреждения совершения преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденными к принудительным работам, а также для получения информации об их поведении. Сигналы системы охранной сигнализации, мониторы системы видеонаблюдения должны выводиться в помещение оперативного дежурного исправительного центра. Также помещение дежурной службы оснащается системой сбора и обработки информации. Устанавливается обязанность помощника оперативного дежурного при заступлении на службу производить проверку исправности всех технических средств надзора и контроля, которые применяются в исправительном центре.

Одним из основных нормативных актов, подробно раскрывающих вопросы организации надзора за осужденными в исправительных центрах, является вышеуказанный приказ № 311 о порядке осуществления надзора за осужденными к принудительным работам. Однако и его содержательная сторона не лишена ряда недостатков. В частности, положения данного нормативного акта не содержат определения категории «надзор в исправительном центре», а лишь закрепляют перечень мероприятий, входящих в него, которые включают контроль за исполнением осужденными правил внутреннего распорядка исправительного цен-

тра; осуществление пропускного режима на территории исправительного центра и проверку наличия у осужденных документов, удостоверяющих личность; проведение проверок наличия осужденных; обеспечение соблюдения требований режима осужденными, водворенными в помещение для нарушителей.

Также приказ содержит указание на то, что надзор за осужденными к принудительным работам осуществляется посредством наблюдения и контроля за их поведением. Следует отметить, что все мероприятия в указанном направлении реализуются с целью соблюдения установленного на территории исправительных центров порядка исполнения и отбывания наказания, а также предупреждения правонарушений со стороны осужденных. Исходя из этого, представляется возможным предложить следующее понятие надзора за осужденными в исправительных центрах: это комплекс мер, реализуемых путем постоянного наблюдения и контроля за поведением осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, в местах их работы и размещения с целью предупреждения и предотвращения совершения с их стороны нарушений установленного порядка отбывания наказания и иных правонарушений, обеспечения безопасности осужденных, персонала и иных лиц на территории исправительного центра. Видится целесообразным дополнить положения рассматриваемого приказа предложенным понятием.

Вызывает вопросы и порядок планирования надзора в исправительных центрах. В частности, положения приказа № 311 предусматривают лишь один вид плана надзора – план на месяц, который представляет собой перечень мероприятий по проверке выполнения осужденными правил внутреннего распорядка исправительного центра, графики дежурства сотрудников центра, проверки наличия осужденных. Вместе с тем оперативная обстановка в таких учреждениях, учитывая, что все же в них содержатся осужденные, может изменяться намного чаще, чем раз в месяц, в том числе за счет освобождения и прибытия новых осужденных. Предусмотреть указанные изменения в плане надзора на месяц просто не представляется возможным, в связи с чем следует ввести по аналогии с исправительными колониями второй вид планов – план надзора на сутки. В данном плане должны отражаться следующие данные: вариант несения службы, состав сотрудников, осуществля-

ющих надзор на сутки, планируемые мероприятия (обыски, досмотры), отметки о выполнении основных режимных мероприятий (проверки наличия осужденных, внеплановые обыски, досмотры), движение осужденных (количество убывших на работу за пределы исправительного центра и др.), отметки об отработанных учебных вводных по предупреждению различных чрезвычайных ситуаций. Такая форма плана позволит наиболее полно отражать складывающуюся обстановку в учреждении, а также облегчит контроль со стороны руководства исправительного центра за организацией надзора.

Приказ № 311 закрепляет осуществление не реже чем раз в сутки контроля за исполнением плана мероприятий по надзору за начальником исправительного центра. Вместе с тем в штатном расписании данных учреждений, согласно положениям приказа ФСИН России от 11.08.2016 г. № 641 «Об утверждении типовых структуры и штатного расписания исправительного центра и признании утратившим силу приказа ФСИН России от 04.10.2012 № 460» [7] (далее – приказ № 641), предусматривается должность заместителя начальника центра, который выполняет функции начальника отдела безопасности. Следует предусмотреть необходимость обязательного контроля за организацией службы по надзору в исправительных центрах и со стороны заместителя начальника центра и закрепить данное положение в п. 5 приказа № 311.

Приказ № 641 предусматривает в штатном расписании исправительного центра должности оперативного дежурного и помощника оперативного дежурного, старшего инспектора и инспектора отдела безопасности. Однако приказ № 311 не закрепляет перечень должностных полномочий, возлагаемых на данные категории сотрудников. Необходимо законодательно определить круг обязанностей для должностных лиц, осуществляющих надзор за осужденными (начальник исправительного центра, заместитель начальника исправительного центра (начальник отдела безопасности), старший инспектор и инспектор отдела безопасности, оперативный дежурный и его помощник), что позволит устранить возможные противоречия в организации службы по надзору в различных исправительных центрах.

Следует отметить, что завершающие положения приказа № 311, содержащиеся в разд. 6 «Действия администрации исправительного центра при осложнении оператив-

ной обстановки», предусматривают усиление службы по надзору при возникновении различных чрезвычайных обстоятельств в исправительном центре. Однако перечень мероприятий, предусматривающих усиленный вариант несения службы по надзору, не определен. Также нет указаний на конкретные алгоритмы действий должностных лиц, осуществляющих надзор за осужденными к принудительным работам, в той или иной чрезвычайной ситуации.

Все это определяет необходимость закрепления в положениях приказа № 311 как мероприятий по усиленному варианту несения службы по надзору, так и алгоритма конкретных действий должностных лиц исправительного центра при возникновении таких чрезвычайных обстоятельств, как массовые беспорядки, акты группового неповиновения, противоправные действия с участием больших групп осужденных, групповой отказ от работы, отравление осужденных, самовольное оставление осужденными объектов исправительного центра, работы, нападение на представителей администрации центра и других лиц, захват заложников, а также при других происшествиях и чрезвычайных обстоятельствах, стихийных бедствиях, пожарах и катастрофах с тяжкими последствиями.

Немаловажным вопросом организации надзора за осужденными к принудительным работам является порядок приема-сдачи дежурства личным составом дежурной смены. Такой порядок должен включать в себя пере-

чень мероприятий, проводимых сотрудниками сдающей и принимаемой смены, содержание инструктажа перед заступлением на службу, ответственных лиц. В приказе № 311 законодатель не указал продолжительность несения службы личным составом дежурных смен центра. Согласно примерному штатному расписанию, закрепленному в приказе № 641, в данных учреждениях предусматривается четыре оперативных дежурных и четыре помощника оперативного дежурного, следовательно, возможно формирование четырех дежурных смен с продолжительностью несения службы по 12 часов. Перечисленные недостатки необходимо устранить путем внесения дополнений в положения приказа № 311 с указанием порядка приема-сдачи дежурства личным составом дежурной смены центра, а также продолжительности несения службы по надзору.

Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день система нормативных правовых актов, регулирующих вопросы организации надзора за осужденными к принудительным работам в исправительных центрах, представлена актами как федерального, так и ведомственного уровней. Анализ указанных источников позволил определить ряд недостатков и противоречий в их содержании, устранение которых позволит в дальнейшем в практической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы избежать проблем в вопросах осуществления надзора за рассматриваемой категорией осужденных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 дек.
2. Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных центров для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам : распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2016 № 2932-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 2 (ч. 2). Ст. 472.
3. Об утверждении Порядка осуществления надзора за осужденными к принудительным работам : приказ Минюста от 27.12.2016 № 311. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.06.2018).
4. Об утверждении Порядка применения технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам : приказ Минюста России от 19.09.2017 № 170. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.06.2018).
5. Об утверждении Порядка создания при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы изолированных участков, функционирующих как исправительные центры : приказ Минюста России от 08.04.2014 № 67 // Рос. газ. 2014. 30 апр.
6. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 29.12.2016 № 329. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.06.2018).
7. Об утверждении типовых структуры и штатного расписания исправительного центра и признании утратившим силу Приказа ФСИН России от 4 октября 2012 г. № 460 : приказ ФСИН России от 11.08.2016 № 641. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2018).

REFERENCES

1. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 07.12.2011 № 420-FZ [On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation : Federal Law from 07.12.2011 No. 420-FL]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 2011. December 9. (In Russ.).

2. Ob utverzhdenii perechnya audiovizual'nyh, ehlektronnyh i inyh tekhnicheskikh sredstv nadzora i kontrolya, ispol'zuemyh administraciyami ispravitel'nyh centrov dlya preduprezhdeniya prestuplenij, narushenij poryadka i uslovij otbyvaniya prinuditel'nyh rabot i dlya polucheniya neobhodimoj informacii o povedenii osuzhdennyh k prinuditel'nyh rabotam : rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 31.12.2016 № 2932-r [On approval of the list of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used by the administrations of correctional centers for the prevention of crimes, breaches of order and conditions for serving compulsory labor and for obtaining the necessary information on the behavior of convicts for forced labor : Decree of the Government of the Russian Federation from 31.12.2016 No. 2932-p]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. Iss. 2 (part two). Art. 472. (In Russ.)*.
 3. Ob utverzhdenii Poryadka osushchestvleniya nadzora za osuzhdennymi k prinuditel'nyh rabotam : prikaz Minyusta ot 27.12.2016 № 311 [On approval of the Procedure for the Supervision of the Convicted Persons to forced labor : the order of the Ministry of Justice from 27.12.2016 No. 311. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 12.06.2018). (In Russ.).
 4. On the Approval of the Procedure for the Application of Technical Means of Supervision and Control to Convicts for Forced Labor: Order No. 170 of the Ministry of Justice of Russia dated September 19, 2017. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 14.06.2018). (In Russ.).
 5. Ob utverzhdenii Poryadka primeneniya tekhnicheskikh sredstv nadzora i kontrolya k osuzhdennym k prinuditel'nyh rabotam : prikaz Minyusta Rossii ot 19.09.2017 № 170 [On the Approval of the Procedure for the Establishment of Corrective Institutions of Penitentiary System of Isolated Sites Operating as Correctional Centers : Order of the Ministry of Justice of Russia from 08.04.2014 No. 67]. *Ros. gaz. – Russian newspaper. 2014. April 30. (In Russ.)*.
 6. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh centrov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy : prikaz Minyusta Rossii ot 29.12.2016 № 329 [On the approval of the Rules of Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal System : Order of the Ministry of Justice of Russia from 29.12.2016 No. 329]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 12.06.2018). (In Russ.).
 7. Ob utverzhdenii tipovyh struktury i shtatnogo raspisaniya ispravitel'nogo centra i priznanii utrativshim silu Prikaza FSIN Rossii ot 4 oktyabrya 2012 g. № 460 : prikaz FSIN Rossii ot 11.08.2016 № 641 [On the approval of the standard structure and staffing of the correctional center and the recognition of the Order of the Federal Penal Service of Russia of 4 October 2012 No. 460 : Order of the Federal Penal Service of Russia from 11.08.2016 No. 641]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 15.06.2018). (In Russ.).
-

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.99

Особенности мотивации осужденных с различным уровнем самооценки, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции

С. В. МАРИШИН – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Реферат

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей мотивации обладающих различной самооценкой осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. Исследование проводилось на базе ФКУ УИИ УФСИН России по Ярославской области, для получения эмпирических результатов использовались методика исследования самооценки личности С. А. Будасси, методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса, методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса, методика диагностики степени готовности к риску Шуберта.

Результаты исследования могут быть использованы пенитенциарными психологами при осуществлении психологического сопровождения осужденных. Так, например, было установлено, что лица, проявившие низкий уровень самооценки, обладают высоким и очень высоким уровнем мотивации избегания неудач, низким уровнем мотивации достижения успеха и, соответственно, низким уровнем готовности к риску. В группе осужденных с высокой самооценкой выявлен преимущественно низкий уровень мотивации избегания неудач, высокий уровень мотивации достижения успеха, средний и высокий уровни готовности к риску. Данные результаты свидетельствуют о том, что избегание неудач и риска, нежелание менять свой привычный образ жизни могут способствовать совершению повторных преступлений. Велика вероятность такого исхода и у лиц, стремящихся к достижению высокого результата в короткий срок, переоценивающих свои возможности, готовых к неоправданному риску.

Ключевые слова: мотивация к избеганию неудач; мотивация к успеху; самооценка; готовность к риску.

Peculiarities of motivation convicts with different level of self-esteem, registered in the penal inspections

S. V. MARISHIN – Head of the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

Abstract

The article presents the results of an empirical study of the features of motivation of convicts who are registered with a penal inspections and who have different level of self-esteem. The basis for the study was the PKU UII FPS of Russia in the Yaroslavl region. To obtain empirical results the following methods were used: «Methods of investigating the self-esteem of S.A. Budassi», «Methods of diagnosing an individual for motivating to

avoid failures of T. Ehlers», «Methods of diagnosing an individual for motivating success of T. Ehlers», «Diagnostic technique degree of readiness for the risk of Schubert».

In the course of the empirical study results were obtained that can be used by penal psychologists in the conduct of psychological support for this category of convicts. Thus, those who have a low level of self-esteem have a high and very high level of motivation to avoid failures, low level of motivation to achieve success and accordingly a low level of readiness for risk. In the group of convicts with high self-esteem, the predominantly low level of motivation for avoiding failures, a high level of motivation for achieving success, an average and high level of risk readiness are revealed. These results indicate that avoidance of failures and risks, unwillingness to change their habitual way of life can facilitate the commission of repeated crimes. There is a great likelihood of such an outcome for individuals seeking to achieve a high result in a short time, overestimating their capabilities, ready for unjustified risk.

Key words: motivation to avoid failures; motivation for success; self-esteem; readiness for risk.

В настоящее время остро встает вопрос эффективности ресоциализации и исправления осужденных. При этом большое значение имеет мотивация исправляемых лиц, а также влияние на особенности мотивации осужденного различных факторов, где одним из главных, на наш взгляд, является самооценка.

Мотивация – это совокупность мотивов, побуждающих к активности и определяющих ее направленность. Достижение целей возможно при выполнении намеченных задач, именно поэтому под мотивацией можно также понимать ряд факторов, способствующих достижению этих целей, а также сам процесс побуждения себя и других к деятельности [2, с. 64].

Традиционно выделяется внутренняя и внешняя мотивация. Первая направлена на удовлетворение чувства собственного достоинства, повышение уверенности в своих силах и намерениях, удовлетворение трудовой деятельностью, самореализацию. Внешняя же мотивация отражает отношения человека со средой (желание получить вознаграждения, избегать наказаний) и может регулироваться внешними условиями деятельности, как психологическими, так и материальными.

Любая мотивация основана на потребностях человека, определяющих его связь с окружающей средой и являющихся неотъемлемым условием его существования.

А. Н. Леонтьев считает, что мотив – это предмет потребности, который может быть материальным или идеальным, чувственно воспринимаемым или возникающим в представлениях [3, с. 124].

С. Адамс является основателем теории справедливости, в основе которой лежит предположение о связи уровня мотивации с субъективной оценкой справедливости воз-

награждения за те или иные действия. Иными словами, человеку свойственно субъективно вычислять взаимосвязь полученных вознаграждений и затраченных усилий и после этого соотносить их с вознаграждениями других людей, которые выполняют аналогичную работу. При этом в случае, если человек посчитает свое «вознаграждение» недостаточным, он будет стремиться уменьшить интенсивность затрат. Однако если он поймет, что его личная награда выше, чем у других за такой же труд, то, как правило, это не повлияет стимулирующе на повышение интенсивности его работы.

На наш взгляд, при определении условий эффективности труда важно учитывать не только мотивы деятельности, но и мотивы выбора данной деятельности [6, с. 100–103].

Е. Торндайк объяснил в так называемом законе эффекта механизм влияния удовольствия и боли на особенности поведения человека [4, с. 147]. В соответствии с этим законом поведенческие реакции, возникающие за приятными переживаниями, закрепляются и с большой долей вероятности повторяются в подобных ситуациях. В случае возникновения неприятных переживаний следующие за ними реакции угасают и могут повторяться в похожих ситуациях с меньшей долей вероятности.

Д. Макклелландом и его коллегами была разработана модель мотивации, основанная только на потребностях высших уровней, которые были объединены в три категории:

1. Потребность присоединения (причастности) – потребность устанавливать и поддерживать межличностные отношения. Для таких людей привлекателен вид деятельности, который дает возможность общения. Как правило, такие люди открыты и социально активны.

2. Потребность власти – потребность в установлении контроля над другими людьми, влиянии на события. Люди с доминированием такой потребности обладают высокой дисциплинированностью и стремятся к самовыражению.

3. Потребность достижения (успеха) – потребность принятия на себя личной ответственности и успеха в выполнении заданий [5, с. 205].

В рамках нашей работы наибольший интерес представляет потребность в успехе. Такие люди добиваются гораздо большего эффекта в своей деятельности при условии оценки окружающими их достоинств. Как правило, они решаются на совершение умеренного риска, ждут поощрения. Наибольшей мотивацией для них является общественное признание и уважение окружающих.

Стремление к достижению успеха – это устойчивая потребность индивида в успехе при реализации различных видов деятельности.

Удовлетворение потребности в успехе может быть реализовано только при завершении работы. Человек, стремящийся к успеху, может создавать для себя более сложные задачи, желая получить отзывы о своей деятельности.

Большинство людей испытывают потребность в успехе, но степень выраженности данной потребности различна. От выраженности этой потребности зависит эффективность профессиональной и любой другой значимой деятельности.

Дж. Аткинсон внес важное дополнение в концепцию Д. Макклелланда, указав, что потребность в успехе необходимо рассматривать одновременно с потребностью в избегании неудач.

Выявлено, что люди с высокой мотивацией достижений обладают стремлением к успеху, а люди с низкой мотивацией достижений стремятся избегать неудач.

Это дополнение лежит в основе предложенной Дж. Аткинсоном и Д. Макклелландом теории субъективно предпочитаемого риска. Эта теория утверждает, что мотивация достижения и мотивация избегания неудач определяют приемлемый для человека допустимый уровень риска в поведении. Люди с высокой мотивацией достижения предпочитают умеренный риск, где успех приносят собственные усилия человека.

Х. Хекхаузен утверждает, что мотивация достижения направлена на получение определенного конечного результата с ис-

пользованием собственных способностей человека, а именно: на достижение успеха или избегание неудачи [7, с. 24]. Таким образом, мотивация достижения ориентирована на определенную цель. Она подводит человека к «естественному» результату ряда последовательных действий, связанных друг с другом. Следует отметить существование специфических форм активности, не связанных напрямую с целью. Таким образом, деятельность, направленная на достижение, может выполняться сама по себе и не завершаться при реализации цели или по какой-то другой внешней причине.

Поведение людей, которые стремятся к достижению успеха, и людей, которые стараются избегать неудач, имеет существенные различия. Первые в большинстве своем ставят перед собой определенные положительные цели, достижение которых расценивается как успех. Стараясь добиться успеха, человек, выбирая соответствующие способы и средства, активизирует деятельность, направленную на достижение цели кратчайшим путем.

Люди, мотивированные на избегание неудач, занимают противоположную позицию: цель их деятельности состоит не в том, чтобы добиться успеха, а в том, чтобы избежать неудачи. Все свои действия они направляют именно на реализацию данной цели. Для таких людей характерны неуверенность в себе, неверие в возможность добиться успеха, боязнь критики. Работа, при выполнении которой возможна неудача, вызывает у них отрицательные эмоции. Поэтому человек не испытывает удовлетворения своей деятельностью, тяготеет к ней, старается избегать ее выполнения.

Одной из центральных проблем формирования личности является возникновение и развитие самооценки, которая является важным компонентом самосознания, предоставляющим возможность человеку осознать самого себя, свои физические силы, умственные способности, поступки, мотивы и цели поведения, отношения к окружающим и к самому себе.

Адекватная самооценка – реалистичная оценка человеком самого себя, своих способностей, нравственных качеств и поступков. Адекватная самооценка позволяет человеку не только отнестись к себе критически, но и правильно соотносить свои возможности с поставленными задачами, обладающими различной трудностью [1, с. 30–38]. Благодаря адекватной самооценке человек приобретает уверенность в себе,

получает возможность ставить и успешно достигать цели в карьере, личной жизни, творчестве, развивает полезные для себя качества: предприимчивость, инициативность, способность адаптироваться в различных условиях.

Высокая самооценка приводит к формированию таких качеств личности, как высокомерие, самоуверенность, нескритичность и т. п. Неадекватное самомнение, подчеркивание своих достоинств, надменность, пренебрежение к другим – неиссякаемый источник негативизма окружающих. При высокой самооценке возможно появление такой черты характера, как высокая обидчивость. Обида возникает, как правило, в случаях несправедливого к человеку отношения окружающих. Человек с завышенной самооценкой является потенциально конфликтным в ситуациях, затрагивающих вознаграждение и поощрение за труд. В случае несовпадения ожидаемого и реального вознаграждения закономерно возникает обида и зависть, которые при накоплении перерастают в обвинения в чей-либо адрес.

Низкая оценка человеком самого себя способствует формированию в нем робости, несамостоятельности, неуверенности в своих силах, замкнутости, стеснительности, чрезмерной зависимости от других, искаженного восприятия окружающих. Заниженная самооценка проявляется жалостью к себе и агрессией к окружающим, более успешным сверстникам.

Применение методики исследования самооценки личности С. А. Будасси в ФКУ УИИ УФСИН России по Ярославской области позволило сформировать три экспериментальные группы осужденных. В состав первой группы вошли осужденные, обладающие низким уровнем самооценки, вторую группу составили осужденные со средним уровнем самооценки, в третью группу были включены осужденные с высоким уровнем самооценки. В общей сложности в эмпирическом исследовании приняло участие 60 осужденных.

Обследование испытуемых трех сформированных экспериментальных групп при помощи методики диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса позволило получить следующие результаты: у половины осужденных с низким уровнем самооценки наблюдалась высокая мотивация избегания неудач, 32 % показали средний уровень мотивации избегания неудач, а у 18 % была выявлена очень высокая мотивация к избеганию неудач.

В поведении осужденных, мотивированных на избегание неудач, прослеживаются определенные тенденции. Данные осужденные ставят перед собой цели, которые трудно реализовать или, напротив, очень легкие, которые не требуют больших трудовых затрат; выбирают задачи, которые являются нереально заниженными или нереально завышенными. В ситуациях, связанных с низкой мотивационной значимостью, осужденные, мотивированные на избегание неудач, предпочитают трудные задачи, а в ситуациях высокой мотивационной значимости склонны к выбору легких задач. Эта особенность находит объяснение в предпочитаемом уровне риска: либо выбирается совсем незначительный риск, то есть решаются очень легкие задачи, где успешность гарантирована, либо очень высокий, при котором решаются трудные задачи, где низкий результат не воспринимается как личное недостижение успеха.

В группе испытуемых со средним уровнем самооценки мы получили следующие результаты: у 82 % осужденных со средним уровнем самооценки средняя мотивация избегания неудач, у 9 % низкий уровень мотивации избегания неудач и такое же количество осужденных данной группы показало высокую мотивацию к избеганию неудач.

В группе испытуемых с высоким уровнем самооценки выявлено, что у 73 % осужденных с высоким уровнем самооценки низкая мотивация избегания неудач, у 18 % испытуемых средний уровень мотивации избегания неудач, и только у 9 % осужденных данной группы высокая мотивация к избеганию неудач.

Осужденных с высоким уровнем самооценки и низким уровнем мотивации избегания неудач можно охарактеризовать как людей, направленных на достижение успеха, проявляющих активность, инициативность, ответственность и добросовестность. Они настойчиво достигают цели и стремятся добиваться в своей деятельности только успеха. Они не пытаются действовать по шаблону, постоянно искать способы решения задач и преодоления препятствий, проявляют находчивость и способность мобилизоваться в ситуации соревнования. При получении высокого результата испытывают удовольствие и гордость.

Эмпирическое исследование с использованием методики диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса выявило у большинства осужденных с низким уровнем самооценки низкий уровень мотивации до-

стижения (83 %). У оставшихся 17 % респондентов уровень мотивации достижения соответствует среднему.

У большинства осужденных со средним уровнем самооценки (75 %) выявлен средний уровень мотивации достижения; у 11 % уровень мотивации достижения соответствует низкому уровню; 14 % обследованных обладают высоким уровнем мотивации достижения.

64 % осужденных с высоким уровнем самооценки имеют высокий уровень мотивации достижения, у 27 % респондентов уровень мотивации достижения соответствует среднему, а оставшиеся 9 % обладают очень высоким уровнем мотивации достижения. Ни у кого из осужденных данной группы не выявлено низкого уровня мотивации достижения.

Осужденные с высокой самооценкой, обладающие мотивацией достижения успеха, ставят для себя реальные положительные цели, достижение которых является успехом. Они не исключают разумный риск, выбирая задачи средней трудности, где вероятность успеха и неудачи во многом зависит от собственных усилий человека. При этом более привлекательными становятся задачи, обладающие высокой сложностью. Решая проблемные задания, требующие продуктивного мышления в условиях ограничения времени, осужденные показывают более высокую результативность работы. Легкие задачи не вызывают интереса, так как не способны вызвать чувство удовлетворения настоящим успехом, а при выборе слишком трудных увеличивается вероятность неуспеха.

Осужденные, обладающие мотивацией достижения успеха, приписывают свои высокие результаты внутриличностным факторам, а объяснение неудачам находят в стечении обстоятельств. Они твердо уверены в том, что многое зависит от их собственных способностей, предпочитают низкий или средний уровень риска.

Высокая мотивация достижения успеха обуславливается стремлением осужденных брать на себя ответственность, осуществлять контроль над своим поведением. Данная категория лиц совершает рискованные поступки, проявляя инициативу, решает проблемы, выбирая при этом сложные пути достижения цели и предъявляя к себе повышенные требования.

Методика диагностики степени готовности к риску Шуберта позволила выявить следующие результаты: в экспериментальной

группе респондентов с низким уровнем самооценки подавляющее большинство осужденных (76 %) обладают низким уровнем готовности к риску, у 18 % выявлен средний и у 6 % высокий уровень готовности к риску.

Готовность к риску необходимо понимать как свойство саморегуляции личности, которое позволяет человеку приходиться к принятию решения и выполнять действия в ситуации неопределенности. Это не столько личностная позиция, сколько достаточно значимая характеристика способа выхода субъекта из ситуации неопределенности. В личностном плане готовность к риску осужденного предполагает оценку своего прошлого опыта. Готовность к риску может быть связана с различными видами активности неадаптивного характера. Критерии принятия риска включают элемент субъективной оценки: риск с позиции субъекта есть там, где им обнаружено несоответствие требуемых и потенциальных возможностей в конкретной ситуации, а также там, где оценка потенциала своих возможностей является неопределенной.

Риск является ситуативной характеристикой деятельности, состоящей в случае неуспеха в неопределенном исходе и возможной неблагоприятности последствий. В различных ситуациях склонность к риску может иметь различную степень проявления.

Осужденные, обладающие низким уровнем склонности к риску, стараются избегать действий в опасной зоне, стремясь выбрать наименее опасное место, часто могут преувеличивать опасность. Они стремятся избежать воздействия стресс-факторов, используя при этом различные способы, не исключая отказ выполнить задание.

88 % осужденных со средним уровнем самооценки показали средний уровень готовности к риску. У 9 % выявлена низкая готовность к риску, и только у 3 % осужденных со средней самооценкой выявлен высокий уровень готовности к риску.

У 55 % осужденных с высоким уровнем самооценки средний уровень готовности к риску. У 45 % выявлен высокий уровень готовности к риску, и никто из осужденных с высоким уровнем самооценки не показал низкого уровня готовности к риску.

Таким образом, анализируя результаты данного исследования, мы можем сделать ряд выводов.

Наиболее проблемными в плане исправления, ресоциализации и адаптации к новым условиям являются осужденные с низким и

высоким уровнями самооценки. Пенитенциарным психологам важно акцентировать свое внимание на данных категориях осужденных при планировании и проведении психокоррекционных мероприятий, исходя из того, что осужденные с низким уровнем самооценки обладают высоким и очень высоким уровнем мотивации избегания неудач, низким уровнем мотивации достижения успеха и, соответственно, низким уровнем готовности к риску. Выявленные особенности свидетельствуют о том, что для данных лиц характерно возникновение трудностей при адаптации к новой профессии, новому социуму. Избегание неудач и риска может

привести их к отказу от перемен и возврату к прежнему образу жизни, который неминуемо приведет их к повторному совершению преступлений.

Осужденные с высокой самооценкой обладают преимущественно низким уровнем мотивации избегания неудач, высоким уровнем мотивации достижения успеха, средним и высоким уровнями готовности к риску. Для данных лиц характерно стремление к быстрому достижению высоких результатов. Переоценка своих возможностей и желание рисковать может подтолкнуть их к совершению преступления ради выбранной цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бороздина Л. В. Самооценка и психометрический интеллект в прогнозе эффективности учебной деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 2012. № 3. С. 30–38.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002. 512 с.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность : учеб. 2-е изд. М., 2005. 352 с.
4. Македошин А. А. Организация труда персонала : учеб. пособие. СПб., 2011. 188 с.
5. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007. 672 с.
6. Маришин С. В. Особенности представлений выпускников ведомственного вуза ФСИН России о своей будущей профессиональной деятельности // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2017. № 3 (39). С. 100–103.
7. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб., 2003. 860 с.

REFERENCES

1. Borozdina L. V. Samoocenka i psihometricheskij intellekt v prognoze ehffektivnosti uchebnoj deyatel'nosti [Self-esteem and psychometric intelligence in predicting the effectiveness of learning activities]. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14, Psihologiya – Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2012. Iss. 3. P. 30–38. (In Russ.).
2. Il'in E. P. Motivaciya i motivy [Motivation and motives]. St. Petersburg, 2002. 512 p. (In Russ.).
3. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' : ucheb. 2-e izd. [Activity. Consciousness. Personality : textbook : second ed.]. Moscow, 2005. 352 p. (In Russ.).
4. Makedoshin A. A. Organizaciya truda personala : ucheb. posobie [Organization of staff work : tutorial]. St. Petersburg, 2011. 188 p. (In Russ.).
5. Makklelland D. Motivaciya cheloveka [Motivation of a person]. St. Petersburg, 2007. 672 p. (In Russ.).
6. Marishin S. V. Osobennosti predstavlenij vypusknikov vedomstvennogo vuza FSIN Rossii o svoej budushchej professional'noj deyatel'nosti [Peculiarities of the representations of the graduates of the departmental institution of the Federal Penal Service of Russia about their future professional activity]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2017. Iss. 3 (39). P. 100–103. (In Russ.).
7. Hekkhauzen H. Motivaciya i deyatel'nost' [Motivation and activities]. St. Petersburg, 2003. 860 p. (In Russ.).

УДК 316.624

Разработка базового подхода к формализации делинквентного поведения

Т. В. ОГОРОДНИКОВА – декан факультета экономики предприятий, отраслей и управления бизнесом Байкальского государственного университета (г. Иркутск), доктор экономических наук, доцент, заслуженный экономист Российской Федерации;

А. П. ОГОРОДНИКОВ – помощник министра сельского хозяйства Иркутской области, магистр юриспруденции

Реферат

Большинство общественных и научных институтов, изучающих или затрагивающих социализацию человека, стремятся формализовать и снизить вариативность парадигм и в итоге спрогнозировать поведение индивида с целью управления его поступками. Однако поступки человека, в отличие от действия сил природы и поведения животных, носят осознанный, волевой характер. Это обстоятельство значительно усложняет задачу анализа, тем более прогнозирования поведения.

В рамках настоящей статьи предлагается авторский взгляд на начальный этап создания базовой методики структурирования и формализации противоправного поведения человека.

Авторы анализируют сложившиеся представления о понятии «делинквентное поведение» с позиций психологии и юриспруденции, а также излагают собственное видение содержания этой категории в целях создания актуальной математической модели делинквентного поведения, реагирующей на управляемые изменения условий. Для решения данной задачи в статье разрабатывается необходимый категоризальный аппарат, включающий такие понятия, как «пространство состояний», «мотив делинквентного поведения», «интенсивность действия мотива делинквентного поведения», «делинквентный акт», «вероятность совершения делинквентного акта», «делинквентная функция». Для описания исходного, идеального состояния субъекта вводится новое теоретическое понятие «делинквентная статика». Используя линейные инструменты, авторы развивают представления об источниках и формальном образе делинквентного поведения.

Ключевые слова: делинквентное поведение; математическая модель; гуманистическая психология; пирамида потребностей; правонарушение.

Development of basic approach to delinquent behavior formalization

T. V. OGORODNIKOVA – Dean of the Faculty of Economics of Enterprises, Industries and Business Administration, Baikal State University (Irkutsk), Dsc. in Economics, Associate Professor, Honored Economist of the Russian Federation;

A. P. OGORODNIKOV – Assistant Minister of Agriculture of the Irkutsk Region, Master of Law

Abstract

Most of the public and scientific institutions studying or involving person's socialization seek to formalize and reduce paradigms' variability and as a result to predict individual's behavior with the purpose to manage his/her acts. However person's acts unlike action of nature forces and animals' behavior have conscious and strong-willed origin. This circumstance complicates considerably an analysis task, moreover, forecasting of the behavior.

The article offers the author's view of the initial stage of basic technique creation for person's illegal behavior structuring and formalization.

The authors analyze the developed ideas of the «delinquent behavior» concept from the standpoints of psychology and law, and also state own vision of this category for the relevant mathematical model creation of delinquent behavior reacting to the managed changes of conditions. To realize this task authors develop the urgent conceptual categorial apparatus, including such concepts as states space, delinquent behavior motive, intensity of action of delinquent behavior motive, the delinquent act, probability of delinquent act commitment, delinquent function. For the description of initial, ideal subject's state the new theoretical concept of «delinquent statics» is offered. Using linear tools, the authors develop ideas of sources and a delinquent behavior formal image.

Key words: delinquent behavior; mathematical model; humanistic psychology; hierarchy of needs; offense.

Изучение и последующая формализация поведения человека есть одна из фундаментальных задач, решаемых современным научным сообществом. Огромное количество исследований в психологии, философии,

экономике, юриспруденции и иных науках посвящено поиску ответа на вопрос, почему человек совершает те или иные поступки, выделяя один из способов удовлетворения своих потребностей.

Большинство общественных и научных институтов, изучающих или затрагивающих социализацию человека, стремятся формализовать и снизить вариативность парадигм и в итоге спрогнозировать поведение индивида с целью управления его выбором.

Следует отметить, что постановка задачи формализации поведения субъектов не является ни пионерской, ни уникальной. Наиболее существенных результатов в этой области добилась экономика, предметом исследования которой на протяжении последних полутора столетий являлось поведение человека (выбор) в условиях ограниченных ресурсов. Данная тенденция отмечается и в других науках социальной направленности, таких как психология и юриспруденция. Так, можно упомянуть проводимые В. Н. Кудрявцевым с позиций опыта криминологического моделирования [1] обобщенные исследования генезиса преступления, разработку Л. В. Сенициной в области статической оценки факторов противоправных актов [2], а также интегрированную модель детерминации девиантного поведения, предложенную Е. В. Змановской в рамках исследуемой ею динамической концепции [3].

Необходимо отметить, что прогнозирование поведения, принимающего различные качественные образы (продавец, покупатель, преступник, жертва и т. п.), в естественной среде представляется крайне сложной задачей ввиду неисчислимого количества вариантов характеристик самого индивида и факторов, влияющих на его поведение. Кроме того, в реальной социальной среде бесчисленное множество факторов, определяющих тенденции поведения, постоянно эволюционируют путем взаимодействия друг с другом и с окружающей институциональной средой. Так, авторы, рассматривающие факторы детерминации противоправного поведения с точки зрения клинических и экспериментальных данных, отмечают наличие стихийного взаимодействия «(конвергенцию) внешних условий и внутренних свойств индивида» [4, с. 170]. Необходимо отметить, что данные сложные взаимодействия обсуждались задолго до того, как на рубеже XX в. идеологи синергетической парадигмы вывели процесс описания поведения субъектов за пределы линейных представлений в область нелинейной динамики [5]. Так, еще в 1910 г. известный исследователь факторов преступности С. К. Гогель в своей монографии «Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией» отмечал: «Все факторы, как индивидуальные,

так и внешние, действуют одновременно, они находятся в неразрывной связи и взаимодействии друг с другом, они действуют то в качестве непосредственных, то в качестве производящих непосредственные факторы, то просто преступность оказывается в зависимости от нескольких факторов, среди них имеются и такие, которые науке пока не известны или мало известны (например, генетические, биологические, различные мутации и так далее)» [6].

Так как данная статья описывает начальный этап исследования делинквентного поведения, авторы осознанно ограничиваются исключительно линейными (простыми) представлениями о делинквентном поведении, не затрагивая нелинейные методы, предполагающие высокую степень изученности и формальной проработки рассматриваемой проблемы.

Таким образом, в рамках настоящей статьи дается авторский взгляд на начальный этап создания базовой методики структурирования и формализации делинквентного поведения человека путем сопряжения математического инструментария и опытов различных дисциплин, описывающих процесс совершения правонарушения.

Первоочередной задачей данного исследования является четкая идентификация самого понятия «делинквентное поведение». В первую очередь проанализируем содержание этой категории с позиций психологии и юриспруденции.

Для выполнения поставленной задачи выбрана модель гуманистической психологии. Это обусловлено теми соображениями, что данная научная концепция противопоставляет себя, с одной стороны, бихевиоризму, который критикуется за рассмотрение человеческого поведения как полностью зависимого от внешних стимулов, и с другой стороны, психоанализу, критикуемому за представление о психической жизни человека как полностью определяемой неосознаваемыми влечениями и комплексами.

Согласно Джеймсу Ф. Т. Бьюдженталю, первому президенту Ассоциации гуманистической психологии, определен ряд основополагающих положений:

- человек целостен и должен изучаться в его целостности;
- каждый человек уникален, поэтому анализ отдельных случаев не менее оправдан, чем статистические обобщения;
- человек открыт миру, переживания человеком мира и себя в мире – главная психологическая реальность;

– человек не может быть объяснен своими частичными функциями, в которых не принимается в расчет межличностный опыт;

– человек обладает потенциалом к непрерывному развитию и самореализации, которые являются частью его природы;

– человек имеет выбор (человек не является пассивным наблюдателем процесса своего существования – он творит свой собственный опыт);

– человек интенционален (человек обращен в будущее; в его жизни есть цель, ценности и смысл) [7].

Для удобства формализации делинквентного поведения выбираем предложенную А. Х. Маслоу позднюю модель потребностей, которую отличает структуризация потребностей по двум критериям (врожденные и приобретенные), а не жесткая иерархическая мотивационная пирамида физиологических потребностей [8].

Согласно поздней модели А. Х. Маслоу выделяют:

– первичные (врожденные) потребности, которые проявляются на уровне индивида (физиологические и экзистенциальные);

– вторичные (приобретенные) потребности, которые проявляются на уровне личности (социальные, престижные и духовные).

Таким образом, психологический подход предполагает рассмотрение поведения как реакции субъекта на мотивы, воздействующие на него и имеющие внешнюю (удовлетворение потребностей) и внутреннюю природу, обусловленную субъективными (врожденными, приобретенными) качествами самой личности.

С точки зрения общепринятых в юриспруденции понятий термин «поведение» определяется как социально значимое действие социальных индивидов, влекущее юридические последствия. Поведение личности в правовом поле опирается на исследования психологии и социологии, однако сосредотачивается на специфической форме проявления поведения – противоправном поведении субъекта, которое воплощается в проступках (действиях или бездействии), наносящих вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом.

Понятие «делинквентность» происходит от латинского *delinquens* (проступок, провинность). Под этим термином понимается противоправное поведение, отклоняющееся от установленных в обществе норм и законов, угрожающее благополучию людей и (или) социальному порядку. Криминальное поведение можно назвать утрирован-

ной формой делинквентного поведения. В целом противоправное поведение непосредственно направлено против существующих норм государственной жизни, четко выраженных в правилах (законах), принятых в обществе. Иными словами, «делинквентность» есть *любое поведение, нарушающее нормы общественного порядка*. Она также может выражаться в преступных действиях и, соответственно, иметь признаки криминального или антисоциального поведения.

Многообразие общественных правил порождает большое количество подвидов противоправного поведения, а проблема классификации различных форм делинквентного поведения носит междисциплинарный характер. В данной работе все многообразие видов описываемого поведения приведено к общему понятию, определяемому специальными государственными социальными институтами (судами и органами правопорядка) как противоправное поведение.

Проблема создания математической модели делинквентного поведения происходит из того, что юриспруденция не изучает внутренний мир человека (субъекта), его мысли, настроение, побуждения в отрыве от его действий и (или) бездействий. Уголовная юриспруденция берет за факт проявления поведения человека исключительно активное (действие) или пассивное (бездействие). Именно этот принцип подчеркивает, что моментом наступления уголовной ответственности выступает противоправное поведение, выразившееся в конкретном деянии, а не в антиобщественных свойствах личности, в ее помыслах, убеждениях.

Итак, на общепринятых, традиционных юридическом и психологическом уровнях исследования поведение представляется набором поступков [9]. Соответственно, делинквентное поведение с этих позиций представляется как единичный (или множественный) противоправный поступок или набор таковых, то есть акт, событие, которое уже состоялось.

Необходимость формализации делинквентного поведения в первую очередь исходит из задачи поиска воздействия на личность, которое «скорректирует» его движение в «пространстве состояний» таким образом, чтобы субъект избежал криминального поступка. Принимая во внимание, что субъект постоянно находится под влиянием неисчислимого количества факторов внешней и внутренней природы, находящихся в сложном взаимодействии, мы будем понимать под термином «поведение» эволюцию

(динамику, изменение) рефлексии (ответной реакции) субъекта на действие внешних и внутренних факторов (мотивов, стимулов). А *делинквентным поведением* будем считать такое изменение состояния субъекта в заданном нами пространстве, в результате которого растет величина вероятности совершения им противоправного поступка. Таким образом, по нашему мнению, формой проявления *делинквентного поведения* будет *положительная динамика вероятности совершения противоправного поступка*.

Для целей настоящей статьи и формализации терминологии вводим следующие понятия:

Субъект (субъект исследования) – это дееспособное физическое лицо, достигшее возраста, с которого наступает ответственность, и самостоятельно несущее ответственность за совершение противоправных действий.

Правовое поле – пространство общественных отношений, которое отражает и содержит информационные интересы о правилах (способах) поведения субъекта правоотношений в общеобязательной, формально определенной, гарантированной государством системе правил поведения. Однако для целей строгой формализации будем использовать не понятие правового поля, а понятие «*пространство состояний*» субъекта, изменение положения в котором и будем трактовать как его поведение.

Для полного представления о структуре пространства состояний уточним еще несколько понятий:

Мотив делинквентного поведения – осознанное побуждение к действию (потребность, чувство) в направлении совершения противоправного события.

Интенсивность действия мотива делинквентного поведения – величина, количественно характеризующая силу действия (мощность) мотива, побуждающего субъекта двигаться в противоправном направлении.

Для количественной оценки интенсивности действия мотива делинквентного поведения предлагаем использовать следующий показатель: *отношение субъективной и объективной оценки степени удовлетворения потребности*

$$M = \frac{C_s}{C_o},$$

где M – интенсивность действия мотива;

C_s – субъективная оценка степени удовлетворения потребности (некое личностное

восприятие фактического состояния удовлетворения конкретной потребности субъекта);

C_o – объективная оценка степени удовлетворения потребности (фактическое наличие определенного уровня удовлетворения потребности субъекта).

Идея, лежащая в основе данной трактовки содержания мотива поведения субъекта, впервые была высказана нами применительно к экономическому поведению [10]. Однако этот подход представляется нам вполне универсальным и применимым к иным формам проявления поведения человека. Так, предложенное нами толкование согласуется с точкой зрения одного из наиболее авторитетных современных отечественных исследователей детерминации делинквентного поведения – Я. И. Гилинского, который, в частности, утверждал, что «важным криминогенным фактором служит противоречие между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения» [11, с. 162].

Таким образом, соотношение, определяемое параметром M , является своего рода *импульсом*, определяющим движение субъекта в пространстве состояний.

Делинквентный акт (деликт) – правонарушение (общественно опасное деяние), совершение которого влечет применение к субъекту меры ответственности.

Вероятность совершения делинквентного акта – это количественная оценка (относительная мера) возможности наступления противоправного события.

В связи с вышеизложенным толкованием делинквентного поведения предлагаем структурировать пространство состояний субъекта следующим образом:

– ось абсцисс (x) – интенсивность действия мотивов (стимулов) делинквентного поведения (M);

– ось ординат (y) – вероятность делинквентного акта (события) (W).

Такое структурирование позволяет трактовать *пространство состояний субъекта* как бесконечное количество сочетаний вероятности делинквентного акта и интенсивности действия мотивов поведения субъекта.

Также настоящей статьей предлагается ввести новое теоретическое понятие «*делинквентная статика*».

Делинквентная статика (идеальное состояние субъекта) – состояние, при котором положение субъекта в пространстве состояний оказывается неизменным, а действие всех внешних (общество, государство, окружающая среда, иные неуправляемые про-

цессы) и внутренних факторов (потребности индивида) уравнивается. При этом психическое состояние субъекта не имеет отклонений от нормы.

С нашей точки зрения, понятие «делинквентная статика» выполняет роль своего рода «идеального состояния системы», без задания параметров которой невозможен поиск закономерностей, описывающих переход субъекта в иные состояния делинквентного поведения (делинквентная динамика).

Опираясь на сформулированные выше понятия, приступим к изложению основных предпосылок математического моделирования делинквентного поведения.

Итак, ранее мы предположили, что факторами, стимулирующими субъект двигаться в пространстве состояний, являются потребности. За основу возьмем упомянутую выше позднюю модель пирамиды потребностей А. Х. Маслоу.

Очевидно, что каждая потребность формирует как минимум два разнонаправленных импульса, стимулирующих движение субъекта в пространстве состояний: положительный (+) и отрицательный (-).

Иными словами, потребность в еде может стимулировать (побуждать) проявления делинквентного поведения в виде желания украсть (-), а может и побудить общественно положительное поведение в виде устройства на работу (+). Другой пример: удовлетворение потребности в безопасности может побудить субъект проявить делинквентное поведение, выраженное в превышении допустимой обороны при охране имущества (-), а может привести к положительному поведению в виде страхования имущества (+).

Интересно отметить, что на существование двух вариантов поведения, с одной стороны, направленного на формирование преступных наклонностей, а с другой – способствующего социализации, указывается в литературе, посвященной детерминации девиантного поведения [12, с. 35]. Хотя, справедливости ради необходимо указать, что данные выводы относились к психическим расстройствам личности. Мы же предполагаем, что подобный дуализм свойственен любой личности, в том числе не имеющей никаких отклонений, и является формой поведения, имманентно предшествующей конкретному акту выбора.

Таким образом, в пространстве состояний субъекта формируются две функции делинквентного поведения: возрастающая (рост вероятности совершения противо-

правного поступка по мере роста интенсивности действия фактора потребности) и убывающая (снижение вероятности совершения противоправного поступка по мере роста интенсивности этого же фактора).

Предположим, что делинквентное поведение подчиняется простой линейной зависимости между интенсивностью действия мотивов поведения и вероятностью совершения противоправного поступка. Тогда возрастающая функция делинквентного поведения примет вид:

$$W = a + bM.$$

Аналогично представим и убывающую функцию:

$$W = c - dM,$$

где a, c – свободные члены,

b, d – угловые коэффициенты, определяющие их наклон.

Отметим, что содержание и роль этих величин в решении задачи моделирования делинквентного поведения представляет собой предмет исследования и в рамках данной статьи рассматриваться не будет.

На начальной стадии моделирования делинквентного поведения будем исходить из предположения, что каждый уровень потребностей пирамиды Маслоу формирует свою функцию делинквентного поведения. А поскольку выше мы постулировали их линейную природу, то результирующий вектор, аккумулирующий воздействие всех потребностей, может быть получен простым суммированием этих функций.

$$\sum_{i=1}^n W = a + bM,$$

$$\sum_{i=1}^n W = c - dM,$$

где i – потребность.

Решение данных элементарных линейных уравнений в системе позволяет определить координаты точки пересечения положительной и отрицательной делинквентных функций. Координаты этой точки представляют интерес, поскольку они фиксируют единственное значение мотива делинквентного поведения (соотношение субъективной и объективной оценок степени удовлетворения потребностей), при котором вероятность совершения и несовершения противоправного поступка совпадает.

$$\frac{a - c}{M} = d + b.$$

Тогда в точке пересечения делинквентных функций значения субъективной и объективной оценок степени удовлетворения потребностей можно представить через свободные члены и угловые коэффициенты этих функций, что может придать существенный импульс для исследования параметров a , c , d , b :

$$C_s = a - c \text{ и } C_o = d + b.$$

В свете данных представлений очевидно, что состояние субъекта, соответствующее делинквентной статике, есть точка, совпадающая с началом координат, поскольку только в этом состоянии у субъекта отсутствует и мотив, и вероятность совершения правонарушения.

В состоянии делинквентной статике $W=0$, а также $a=c=b=d=0$.

При этом $M=1$, то есть $C_s=C_o$.

Последнее означает, что у субъекта совпадают объективная и субъективная оценки степени удовлетворения каждой потребности. Именно в этом случае он не имеет стимула двигаться в пространстве состояний.

Любое внешнее или внутреннее воздействие может восприниматься субъектом как импульс, инициирующий его движение, в результате чего происходит изменение субъективной и (или) объективной оценки степени удовлетворения любой потребности. Как следствие, меняются параметры делинквентных функций субъекта, и сумма этих функций уже не обращается в нуль, а принимает вид *линии*, приобретающей определенный наклон. Если результирующая функция положительна, субъект при-

обрел склонность к совершению правонарушения. Отрицательная результирующая функция свидетельствует о том, что по мере роста интенсивности действия данного мотива намерения субъекта относительно совершения делинквентного акта ослабевают и вероятность совершения противоправного поступка снижается.

В свете данных представлений, математическим образом продуктивного воздействия на субъекта в целях угнетения его делинквентного поведения будет результирующая делинквентная функция, имеющая отрицательный наклон.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что идеи данной статьи представляют собой гипотезу, требующую подтверждения путем определения методик диагностики склонности к делинквентному поведению.

В первую очередь это касается выяснения характера и тесноты связи предложенных нами мотивов делинквентного поведения и вероятности совершения делинквентных актов, а также поиска индикаторов объективных и субъективных оценок степени удовлетворения потребностей. Однако эти перспективы не только не противопоставляют высказанные нами соображения сложившимся общепринятым научным знаниям в области психологии, юриспруденции, социологии и иных теоретических науках, но и в большей степени развивают одно из самых сложных и трудно изучаемых направлений психологии, исследующее поведение человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова А. Ю., Еремина Ю. С. Асоциальное поведение личности: определение понятия, сущность // Экон. и гуманитар. исследование регионов. 2013. № 5. С. 5–12.
2. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта // Психотерапия. СПб., 2001. 304 с.
3. Васильева Я. С., Змановская Е. В. Проблема детерминации делинквентного поведения в отечественных исследованиях // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2011. № 1 (49). С. 166–172.
4. Гилинский Я. И. Криминология : курс лекций. СПб., 2002. 384 с.
5. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М., 2009. 386 с.
6. Змановская Е. В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход. СПб., 2005. 274 с.
7. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. 3-е изд., доп. М., 2010. 256 с.
8. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М., 1998. 214 с.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. 480 с.
10. Огородникова Т. В. Индивидуальное и коллективное поведение микросубъектов экономики: методологический аспект. Иркутск, 2007. 296 с.
11. Салахова В. Б., Еняшина Н. Г., Романова А. В. Проблема девиантного поведения в современном обществе // Власть. 2016. № 11. С. 33–37.
12. Синицина Л. В. Психолого-акмеологический анализ уровней, факторов и механизмов формирования и последствий противоправных поступков, допускаемых сотрудниками внутренних дел // Власть и упр. на востоке России. 2012. № 4. С. 92–99.

REFERENCES

1. Arutyunova A. Yu., Eremina Yu. S. Asocial'noe povedenie lichnosti: opredelenie ponyatiya, sushchnost' [Asocial behavior of the individual: definition of the concept, essence]. Ekonom. i gumanitar. issledovaniya regionov – Economic and humanitarian studies of the regions. 2013. Iss. 5. P. 5–12. (In Russ.)

2. B'yudzhental' Dzh. Iskusstvo psihoterapevta [The art of the psychotherapist]. Psihoterapiya – Psychotherapy. St. Petersburg, 2001. 304 p. (In Russ).
3. Vasil'eva YA. S., Zmanovskaya E. V. Problema determinacii delinkventnogo povedeniya v otechestvennyh issledovaniyah [The problem of determination of delinquent behavior in domestic studies]. Vestn. S.-Peterb. un-ta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. Iss. 1 (49). P. 166–172. (In Russ).
4. Gilinskij YA. I. Kriminologiya : kurs lekcij [Criminology: a course of lectures]. St. Petersburg, 2002. 384 p. (In Russ).
5. Gogel' S. K. Kurs ugolovnoj politiki v svyazi s ugolovnoj sociologiej [The course of criminal policy in connection with criminal sociology]. Moscow, 2009. 386 p. (In Russ).
6. Zmanovskaya E. V. Psihologiya deviantnogo povedeniya: strukturno-dinamicheskij podhod [Psychology of Deviant Behavior: Structural-Dynamic Approach]. St. Petersburg, 2005. 274 p. (In Russ).
7. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Osnovaniya sinergetiki: Sinergeticheskoe mirovidenie. 3-e izd., dop. [Foundations of synergetics: Synergetic worldview : third ed., enl.]. Moscow, 2010. 256 p. (In Russ).
8. Kudryavcev V. N. Genezis prestupleniya: opyt kriminologicheskogo modelirovaniya : ucheb. posobie [Genesis of crime: the experience of criminological modeling : tutorial]. Moscow, 1998. 214 p. (In Russ).
9. Maslou A. Motivaciya i lichnost' [Motivation and personality]. St. Petersburg, 1999. 480 p. (In Russ).
10. Ogorodnikova T. V. Individual'noe i kollektivnoe povedenie mikrosub»ektov ehkonomiki: metodologicheskij aspekt [Individual and collective behavior of micro-subjects of the economy: methodological aspect]. Irkutsk, 2007. 296 p. (In Russ).
11. Salahova V. B., Enyashina N. G., Romanova A. V. Problema deviantnogo povedeniya v sovremennom obshchestve [The problem of deviant behavior in modern society]. Vlast' – Power. 2016. Iss. 11. P. 33–37. (In Russ).
12. Sinicina L. V. Psihologo-akmeologicheskij analiz urovnej, faktorov i mekhanizmov formirovaniya i posledstvij protivopravnyh postupkov, dopuskaemyh sotrudnikami vnutrennih del [Psychological and acmeological analysis of the levels, factors and mechanisms of formation and consequences of unlawful acts allowed by the employees of internal affairs]. Vlast' i upr. na vostoке Rossii – Power and Administration in the East of Russia. 2012. Iss. 4. P. 92–99. (In Russ).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 376.58

Актуализация раскаяния несовершеннолетних осужденных педагогическими средствами

О. Б. ПАНОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;

Э. В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования

Реферат

Актуализация раскаяния воспитанников исправительных учреждений педагогическими средствами содержит в себе значительный нравственный потенциал. Раскаяние несовершеннолетних осужденных рассматривается как состояние и результат. В качестве состояния оно включает процесс оценивания определенной утраты, обусловленной совершенным преступлением. Результатом раскаяния становится признание негативного характера последствий от совершенного преступления, принятие своих преступных действий в качестве ошибочных, отказ от последующего совершения преступлений.

Механизмами раскаяния выступают эмоциональное реагирование на последствия от преступления и рефлексия. Целенаправленность и системность воспитательной работы, ориентированной на актуализацию раскаяния несовершеннолетних осужденных, обеспечивается применением системы педагогических методов, направленных на формирование рефлексивного сознания, организацию деятельного раскаяния, стимулирование позитивного посткриминального поведения, контроля и самоконтроля.

Эффективность педагогической деятельности по актуализации раскаяния несовершеннолетних осужденных может быть определена с помощью следующих критериев: мера педагогического воздействия на личность, мера реализации возможностей воспитательной системы исправительного учреждения, мера реализации педагогического взаимодействия.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; способность к раскаянию; рефлексия; эмоциональное реагирование; актуализация раскаяния; педагогический принцип; педагогические методы.

Actualization of repentance of juvenile convicts by pedagogical means

O. B. PANOVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety;

E. V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal

Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Member-correspondent of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Abstract

Actualization of repentance of juvenile convicts by pedagogical means contains considerable moral potential. Repentance of juvenile offenders is regarded as a process and a result. As a process it includes the assessing a certain loss caused by the crime. The result of repentance is understanding negative consequences of the crime, taking criminal actions as erroneous, refusal to commit further crimes.

The mechanisms of repentance include emotional response to the consequences of the crime and reflection. The purposefulness and consistency of educational work, focused on the actualization of the repentance of juvenile convicts, is ensured by the use of a system of pedagogical methods aimed at the formation of reflexive ideas, the organization of active repentance, stimulating positive post-criminal behavior, control and self-control.

The effectiveness of pedagogical activities to actualize repentance of juvenile convicts can be determined by the following criteria: the measure of pedagogical impact on the individual, the measure of the means implementation of the educational system of correctional institutions, the measure of implementation of pedagogical interaction.

Key words: juvenile convicts; capacity to repentance; reflection; emotional response; actualization of repentance; pedagogical principle; pedagogical means.

На современном этапе развития Российского государства одним из ключевых направлений является достижение согласованности между различными слоями общества. В своем Послании Федеральному Собранию в 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, отмечая, что «наша сплоченность – самая прочная основа для дальнейшего развития», особо подчеркивает, что «нам важен и ценен каждый человек, чтобы он чувствовал свою востребованность» [15].

Совершенно очевидно, что лица, осужденные к лишению свободы за совершение преступлений, не исключаются из социума, а лишь на определенный срок изолируются перемещением в исправительные учреждения. На пути возвращения в общество им предстоит решение специфической задачи, обусловленной общепринятым представлением о преступлении как нарушении гражданских законов. Ведь поскольку преступник пренебрегает общественными нормами и фактически расторгает общественный договор, то он сам лишает себя статуса полноправного члена общества.

Интеграция таких лиц в общественную жизнь в качестве полноценных участников должна начинаться с восстановления отношений с окружающими людьми с целью перестраивания собственной жизни после нанесенного ущерба. Для того чтобы заслужить прощение от общества, осужденному необходимо провести духовную работу над собой – раскаяться в содеянном. Раскаяние – это не столько нравственное требование, сколько конкретная жизненная задача, актуальная в первую очередь для человека с установкой быть таким же, как все «нормальные люди».

Значимость раскаяния отражена в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, ориентирующей на соотнесение отношения к осужденным, в том числе при определении условий отбывания наказания и вида исправительных учреждений, с деятельным раскаянием. Особое внимание требуют несовершеннолетние осужденные как специфическая микрогруппа детей, чье личностное становление происходит в условиях, ограничивающих накопление позитивного социокультурного опыта. Мы исходим из того, что актуализация раскаяния воспитанников исправительных учреждений педагогическими средствами содержит в себе значительный нравственный потенциал и является фактором успешной ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

На протяжении длительного времени феномен раскаяния преступников рассматривался преимущественно в этико-философской и психологической плоскостях и связывался с особенностями конкретного индивида. В христианском учении, отождествляющем преступное с греховным, традиционно используется слово «покаяние», которое, выступая формой особой духовной деятельности, соединяет два аспекта – осознание себя преступником перед Богом и людьми и призыв к Богу о прощении, просьбу о помощи в обретении силы перестать грешить и стать другим. Таким образом, в русле религиозной этики преодоление греховного состояния возможно для преступника лишь путем покаяния, ведущего к преображению и обновлению его жизни. В отличие от раскаяния, отражающего признание своих грехов, покаяние содержит важный момент их практическо-

го преодоления и подразумевает не только воздержание от зла, но и совершение добра [4, с. 68–69].

С целью выяснения представлений несовершеннолетних осужденных о специфике этической нагрузки слов «покаяние» и «раскаяние» нами были опрошены 140 несовершеннолетних воспитанников исправительных учреждений, которым предлагалось в форме мини-сочинения ответить на вопросы «К чему Вы относитесь более ответственно: к раскаянию или покаянию? Существует ли разница между этими понятиями? Обсудите свое мнение».

Анализ мини-сочинений показал, что 37 % воспитанников (52 чел.) не раскрыли значения предложенных категорий и продемонстрировали свое подчеркнуто пренебрежительное отношение к обоим понятиям, выразив отсутствие намерения как к покаянию, так и к раскаянию (в одном из сочинений юноша констатирует: «Мне все равно. Хочу – каюсь, хочу – нет. В ВК мы каемся, а потом за старое принимаемся»); 37 % авторов мини-сочинений (52 чел.) отметили одинаковое отношение к предложенным категориям (типичным суждением было: «Разница есть, но я не знаю, какая точно. Отношусь нормально. Когда спрашивают, то отвечаю по настроению»); 26 % воспитанников (36 чел.) отметили, что более ответственно относятся к покаянию по причине его связи с верой в Бога (так, один из воспитанников пишет, что «покаяние – это таинство, к которому необходимо готовиться серьезно, если хочешь получить прощение у Бога. Я пока не готов. Но когда покаюсь, то точно не буду воровать»).

Таким образом, в представлениях подавляющего большинства воспитанников исправительных учреждений отсутствует четкая дифференциация понятий «раскаяние» и «покаяние». Наше исследование позволило установить, что многие воспитанники, не всегда правильно понимая точное значение этих слов, тем не менее эмоционально верно оценивают их духовно-нравственную нагрузку, осознают их значимость для этической сферы человеческой жизнедеятельности. Представляется, что для практики пенитенциарного воспитания также не столь важно выделение особых оттенков в значениях рассматриваемых понятий, тем более что категория «деятельное раскаяние» в известной мере синтезирует их.

Взгляды ученых на раскаяние не являются однозначными. Острый антагонизм в рассмотрении сущности этого феномена обна-

руживаем в позициях Ф. М. Достоевского и Ницше. В понимании Ф. М. Достоевского, раскаяние «неизменно располагается на полюсе, противоположном преступлению, и осознается как единственная до конца последовательная альтернатива преступному сознанию» [3, с. 101]. Известно, что Ф. М. Достоевский проявлял большой интерес к судебной хронике, изучал материалы уголовных дел в судах, а находясь на каторге и в ссылке, внимательно слушал истории о совершенных преступлениях непосредственно от самих исполнителей. Особое значение он придавал аспектам, связанным с душевными волнениями преступников, вникал в детали их эмоциональных состояний, уточнял нюансы испытываемых чувств, содержание мыслей, опосредованных совершенными криминальными деяниями.

Неслучайно роман «Преступление и наказание» представляет собой убедительный анализ раскаяния как процесса, разложенного на отдельные спектры переживаний на разных этапах подготовки и совершения преступления, а также после него. Раскаяние представляется как сложная работа души. При описании сопутствующих ему эмоциональных состояний авторы нередко используют яркие и впечатляющие образы. Например, Thomas Watson констатирует, что раскаяние – такой сложный труд, что «сердца разрываются от печали за свой грех!»¹ [23, р. 29]. В понимании Ф. М. Достоевского, самым тягостным аспектом раскаяния является осознание отчуждения преступников от остальных людей. По этому поводу он описывает душевные терзания Раскольников: «Мрачное ощущение мучительно-го, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно оказалось в душе его» [5, с. 32]. Ф. М. Достоевский на примере литературного персонажа показывает неизбежную тяжесть груза раскаяния, которую в конечном итоге Раскольников не смог вынести в одиночестве и по этой причине явился с повинной.

Ницше скептически относился к взглядам Достоевского в отношении актуальности раскаяния преступников и негативно реагировал на желание «русского писателя» «вернуть злему человеку чистую совесть». Раскаяние, по мнению Ницше, не должно быть присуще «злему человеку», совершившему преступление, которое в свою очередь есть простое подтверждение того факта, что индивид, его совершивший, – «сильный чело-

¹ Перевод О. Б. Пановой.

век», а потому не может не преступать норму, нравственную или правовую, ибо она создана по мерке «средних», то есть слабых, людей [3, с. 85]. Ницше стремится представить раскаяние в искаженном виде, утверждая, что оно – признак ненормального психического состояния, неспособности индивида преодолеть свои переживания. Таким образом, очевидна установка немецкого философа на разграничение преступления и раскаяния, намерение провести четкую линию между ними.

Обоснование важности всестороннего и тщательного изучения различных аспектов раскаяния преступников представлено в трудах Ю. М. Антоняна, М. И. Еникеева, С. В. Познышева, И. Я. Фойницкого, В. Е. Эминова и др. [1; 14; 19]. В последние годы проблема раскаяния в пенитенциарной практике в основном рассматривается в плоскости деятельного раскаяния, преимущественно через потенциал юридической науки (А. В. Савкин, М. А. Стадник, А. Х. Хамаганова, Д. Н. Хархардин и др.) [16; 17; 20; 21]. В психологии проблема раскаяния преступников исследуется в большей степени в ее соотношении с чувством вины и отношения к жертве (И. А. Белик, Д. А. Дружиненко, А. В. Молоствов и др.) [2; 6; 9].

Можно констатировать, что в педагогической науке не уделяется достаточное внимание рассматриваемым вопросам. Мы разделяем позицию В. П. Кащенко, отмечавшего необходимость участия педагогов в формировании у детей способности к раскаянию как общечеловеческой ценности, укоренение которой в ребенке отражает соответствие его поведения определенной норме. В. П. Кащенко считал, что цель воспитания составляет достижение поведенческих норм. Исходя из такого понимания, перевоспитание несовершеннолетних осужденных достигнет цели в том случае, если воспитанник будет соответствовать нравственному образцу, станет носителем общепринятого стандарта жизни, включающего способность к раскаянию [13, с. 22]. Раскаяние как объект педагогического влияния рассматривается нами в двух аспектах – аксиологическом, подразумевающим ценностное понимание сущности данного феномена сотрудниками исправительных учреждений, и праксеологическом, ориентирующем на формирование у осужденного способности адекватно на эмоциональном и практическом уровнях относиться к последствиям совершенных им преступных деяний.

Раскаяние может характеризоваться как состояние и результат. Как состояние раскаяние несовершеннолетних осужденных отражает процесс оценивания определенной утраты, обусловленной совершенным преступлением. Результатом раскаяния становится констатация и признание негативного характера последствий от совершенного преступления, принятие своих преступных действий в качестве ошибочных и отвращение от них, отказ от совершения вредоносных поступков в последующей жизни, ориентированность на правопослушное поведение.

Феномен раскаяния имеет этико-философскую и психическую природу. Этико-философский аспект связан с ценностно-нормативной системой индивида, а психический – с эмоционально-интеллектуальными проявлениями личности. Поскольку внутреннее содержание раскаяния составляют переоценка ценностей и связанные с ней переживания, то механизмами процесса выступают *эмоциональное реагирование* на негативные последствия преступления и *рефлексия*.

Эмоциональное реагирование может быть инициировано в ходе организованного педагогами целенаправленного интерактивного взаимодействия с воспитанниками исправительных учреждений по поводу негативных последствий от совершенных преступлений. Получая соответствующую информацию о тяжести таких последствий, несовершеннолетний осужденный открывает для себя бессмысленность получения краткосрочных выгод от преступлений на фоне причиненного вреда. По сути, эмоциональное реагирование – это реакция воспитанника на систему общечеловеческих ценностей и собственных притязаний. Его содержание составляет отклик на причиненный ущерб в форме вины, стыда, отчаяния, гнева, печали, сочувствия, сострадания и др.

Основу рефлексии составляет соотношение общечеловеческих ценностей с ценностно-смысловым ядром я-концепции индивида. Содержание рефлексии предполагает необходимость учета трех главных ее видов, выделяемых по так называемому «временному» принципу: ситуативной (актуальной), ретроспективной и перспективной рефлексии. Ситуативная рефлексия в раскаянии проявляется в сожалении по поводу происходящего в актуальной ситуации, ретроспективная рефлексия отражает склонность к угрызениям совести в связи с уже свершившимися событиями, перспектив-

ная – отрицательное отношение к предстоящим вредоносным поступкам [8, с. 45–57].

Важной составляющей рефлексии выступает рефлексивное сознание – интеграция явлений реальности в духовную деятельность, при которой происходит самопознание и самопонимание [18, с. 169–170]. Рефлексивное сознание реализуется в первую очередь в осмыслении целесообразности совершения определенных действий через ответы на вопросы: что я сделал? для чего я это сделал? правильно ли я поступил? каковы последствия моих действий? как мои действия соотносятся с общепринятыми нормами? как мне жить с этим дальше? и др. Рефлексивное сознание представляет собой отражение эмоционально-интеллектуального соотношения индивидуального опыта с общепринятыми нормами в форме определенных знаний, представлений, суждений, оценок, установок. Рефлексивное сознание преступника, основанное на анализе собственных криминальных действий, размышлении об их границах и значении, является импульсом для развития готовности к самоуправлению, задерживанию намерений совершения антиобщественных поступков, взвешиванию всех «за» и «против». Рефлексивное сознание как форма мировоззрения традиционно выступает объектом и предметом воспитания, целенаправленной, специально организованной деятельности педагогов.

Значимым с педагогической точки зрения является оперирование термином «способность к раскаянию», поскольку существует возможность воспитательного влияния на развитие способностей несовершеннолетнего. Способность понимается как свойство, имеющее индивидуальную меру выраженности, проявляющееся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации отдельных функций [22, с. 183]. Способность к раскаянию состоит в успешности и продуктивности избирательного отношения к совершенному преступлению, а также в индивидуальном выборе приемлемых видов деятельности, нацеленной на минимизацию негативных последствий от совершенного преступления.

Изначально несовершеннолетние, как правило, не склонны к раскаянию, поэтому побуждение к нему становится важной педагогической задачей сотрудников исправительного учреждения. Необходимость целенаправленного мотивирования к раскаянию, служащему границей между прошлой (преступной) и будущей (правовой,

нравственной) жизнью, обуславливает выдвигание специфического методологического ориентира, в роли которого выступает *принцип актуализации раскаяния*. Данный принцип нацелен на оказание педагогической поддержки в процессе развития у несовершеннолетних осужденных способности к раскаянию. Рассмотрим основания и содержание данного принципа.

Сущность криминальной субкультуры состоит в оправдании преступного поведения. Отправной точкой отхода несовершеннолетних правонарушителей от делинквентных представлений становится сожаление о совершенном преступлении, основанное на осознании полноты и глубины его негативных последствий. Раскаяние отражает личностную позицию, которую человек занимает не только по отношению к своей вине, но в первую очередь по отношению к самому себе. В обстоятельствах, когда несовершеннолетний, совершивший преступление, не в полной мере способен изменить всю тяжесть его последствий, он может изменить себя. Создание педагогических условий, при которых воспитанник исправительного учреждения обретает потребность в раскаянии, постигает меру ответственности за преодоление вины и таким образом проявляет стремление к преобразованию себя, ведет к сознательному отказу осужденного от иллюзорных ценностей криминальной субкультуры.

Требования к реализации принципа актуализации раскаяния:

- выяснение психологических и социально-педагогических причин, приведших несовершеннолетнего к совершению противоправных деяний;
- выявление склонности осужденного к деятельному раскаянию;
- восстановление у несовершеннолетнего функции понимания сущности своих действий и их последствий;
- достижение осознания несовершеннолетним правонарушителем меры ответственности за последствия совершенного преступления.

Условия реализации данного принципа:

- включение несовершеннолетних в обстоятельства, побуждающие к минимизации негативных последствий от совершаемых деяний;
- создание ситуаций, призванных вызвать у воспитанников эмпатию к страданиям и переживаниям других людей;
- базирование общения с воспитанником на доверительных отношениях;

- достижение нормализации отношений с семьей;

- исключение морализирования и эскалации напряженности по поводу криминальных поступков несовершеннолетнего;

- включение несовершеннолетних в ситуации, позволяющие постичь сферу их обязательств по отношению к родственникам и другим близким людям в связи с совершенным преступлением;

- включение несовершеннолетних в ситуации, позволяющие постичь сферу их обязательств по отношению к лицам, непосредственно пострадавшим от совершенных преступлений.

Правила применения принципа актуализации раскаяния:

- побуждение воспитанников к проектированию своих поступков, направленных на минимизацию негативных последствий от совершенных преступлений;

- индивидуализация педагогического общения между воспитателем (наставником) и несовершеннолетним по поводу минимизации негативных последствий от совершенного преступления;

- включение членов семей несовершеннолетних осужденных в восстановительный процесс, направленный на достижение минимизации негативных последствий от совершенных ими преступлений [10, с. 188–190].

Принцип актуализации раскаяния, направленный на развитие способности к раскаянию, лаконично выражает основные концептуальные идеи, на основе которых разворачивается необходимое общение всех субъектов педагогического процесса, функционирует комплекс его составляющих: формы, содержание, методы и приемы.

Анализ воспитательной работы в исправительных учреждениях позволяет считать, что накоплен определенный опыт в сфере побуждения осужденных к раскаянию через формирование у них определенных личностных свойств: решительности, целеустремленности, ответственности, милосердия, эмпатии и др. В ряду наиболее востребованных форм воспитательных мероприятий представлены дни милосердия с участием служителей церкви, тематические концерты художественной самодеятельности осужденных, просмотры художественных и документальных фильмов с религиозным содержанием, прослушивание аудиозаписей духовной музыки и др. Определенный интерес вызывает переписка осужденных с трудными подростками переходного возраста:

в своих письмах-наставлениях взрослые осужденные предостерегают несовершеннолетних от совершения противоправных действий, основываясь на своих негативных переживаниях [7, с. 52–55].

В то же время следует отметить, что такая работа нередко проводится ситуативно и эпизодически. Целенаправленность и системность воспитательной работы, ориентированной на актуализацию раскаяния несовершеннолетних осужденных, достигается применением системы педагогических методов. В отечественной педагогической науке существует ряд классификаций методов воспитания. Значимой представляется система методов с позиций целостного педагогического процесса, обоснованная В. А. Сластениным [11, с. 296–327]. Основываясь на данном подходе, а также исходя из задач актуализации раскаяния несовершеннолетних осужденных, предлагаем следующую модифицированную классификацию методов: методы формирования рефлексивного сознания, методы организации деятельного раскаяния, методы стимулирования позитивного посткриминального поведения, методы контроля и самоконтроля поведения.

Методы формирования рефлексивного сознания направлены на формирование адекватного восприятия негативных последствий совершенного преступления и готовности проектировать жизненные события в соответствии с нормами морали и права. К их числу относятся: лекция, рассказ, пример, анализ ситуаций, беседа, дилемма, дискуссия, диспут, зрительская/читательская конференция, совет, намек, наставление, увещание и др.

Методы организации деятельного раскаяния включают пути выделения, закрепления и формирования в опыте воспитанников нравственно-правовых способов и форм минимизации негативных последствий от совершенных преступлений. Они представлены такими видами, как поручение, упражнение, педагогический тренинг и др. Содержательными направлениями выступают позитивное посткриминальное поведение, примирение с жертвой, погашение задолженностей по судебным искам, явка с повинной, сдача предметов, указанных законодателем, добровольное и своевременное выполнение предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации действий.

Использование *методов стимулирования позитивного посткриминального поведения* нацелено на побуждение воспитанников к

минимизации негативных последствий от совершенного преступления. К их числу относятся: метод естественных последствий, наказание, поощрение, принуждение, требование, общественное мнение.

Методы контроля и самоконтроля поведения ориентированы на получение информации воспитателем и воспитанниками о направленности и содержании посткриминального поведения. Данная группа методов позволяет установить, насколько поведение соответствует нормам морали и права, готов ли воспитанник возместить ущерб от совершенного преступления. К числу методов данной группы относятся: педагогическое наблюдение, беседа, общественное мнение, самоотчет и др.

Эффективность педагогического сопровождения процесса развития у воспитанников исправительных учреждений способности к раскаянию может быть определена в соответствии с критериями и показателями, обоснованными Т. И. Петраковой применительно к оценке духовно-нравственного воспитания подростков [12]. Нами внесены определенные поправки с учетом специфики контингента несовершеннолетних осужденных.

Первый критерий – *мера педагогического воздействия* на личность несовершеннолетнего осужденного. Его показатели отражают характеристики профессиональной готовности и личностных качеств воспитателей. Показателями профессиональных умений являются: включение в воспитательную работу событий, актуализирующих раскаяние осужденных, разнообразие средств и методов педагогического воздействия, использование ситуаций выбора, подкрепление воспитательных воздействий стимулами.

Второй критерий – *мера реализации возможностей воспитательной системы исправительного учреждения* – отражает учет особенностей среды исправительного учреждения. Его показателями являются: использование педагогического потенциала всех средств исправления, ориентированность на развитие полезных социальных

связей, уровень реализации правового статуса несовершеннолетних осужденных, деятельность сотрудников по повышению педагогической культуры родителей несовершеннолетних осужденных, направленность и содержание формального и неформального общения.

Третий критерий – *мера реализации педагогического взаимодействия*. Его показателями являются: эмоциональное состояние осужденных, связанное с тем или иным мероприятием, актуализирующим раскаяние; словесная реакция, заключающаяся в вербальном выражении отношения подростков к своим негативным поступкам; поведенческая реакция, выраженная непосредственными действиями по минимизации причиненного вреда.

Таким образом, категория «раскаяние» охарактеризована нами как многогранное явление. Социальный аспект позволяет увидеть в нем средство возвращения несовершеннолетних осужденных в общественную жизнь в качестве полноправных участников; этико-философский подход отражает соотношение ценностно-нормативной системы отдельного воспитанника с нормами общества; с позиций психологии раскаяние выступает эмоционально-интеллектуальным реагированием на собственные вредоносные действия.

В статье с педагогической точки зрения сделан акцент на специально организованном развитии у несовершеннолетних осужденных способности принять ответственность за свои действия. Движущей силой развития выступает преодоление противоречий между необходимостью признать ошибочность своих действий и минимизировать негативные последствия от совершенного преступления и тем, в какой мере воспитанник может и стремится решить эти задачи. Оперирование понятием «способность к раскаянию» позволяет более точно обозначить образовательные и социокультурные процессы при сопровождении несовершеннолетних осужденных в ситуациях выбора личностной позиции по отношению к своим негативным поступкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М. Психология преступления и наказания : моногр. М., 2018. 399 с.
2. Белик И. А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 209 с.
3. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия : моногр. М., 1989. 317 с.
4. Дмитриева Н. М. Об изменении этической нагрузки слов «преступление» и «наказание» в сознании носителей русского языка // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2012. № 11 (147). С. 66–70.
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 2007. 608 с.
6. Дружиненко Д. А. Особенности переживания чувства вины подростками : дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 263 с.

7. Заурова Э. В. Взаимодействие пенитенциарных учреждений и Русской православной церкви как одно из направлений уголовно-исполнительной политики // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2009. № 7. С. 52–55.
8. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
9. Молоствов А. В. Представления осужденных о жертвах преступлений : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2006. 220 с.
10. Панова О. Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии : дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2013. 489 с.
11. Педагогика : учеб. пособие для студентов пед. вузов / В. А. Сластенин и др. М., 2000. 512 с.
12. Петракова Т. И. Гуманистические ценности образования в процессе духовно-нравственного воспитания подростков : дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999. 440 с.
13. Подласый И. П. Курс лекций по коррекционной педагогике : учеб. пособие для студентов сред. спец. учеб. заведений. М., 2002. 352 с.
14. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926. 255 с.
15. Послание Президента Рос. Федерации Федер. Собр. от 01.03.2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976 (дата обращения: 18.05.2018).
16. Савкин А. В. Деятельное раскаяние в преступлении (правовые и криминалистические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 425 с.
17. Стадник М. А. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 27 с.
18. Топольская Е. А. Понятие «рефлексивное сознание» молодого человека // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 168–173.
19. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М., 2000. 464 с.
20. Хамаганова А. Х. Деятельное раскаяние: теория и практика освобождения от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 183 с.
21. Хархардин Д. Н. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004. 202 с.
22. Шадриков В. Д. Деятельность и способности : учеб. пособие. М., 1994. 320 с.
23. Watson T. The Doctrine of Repentance. Carlisle, PA, USA, 2011. 58 p.

REFERENCES

1. Antonyan YU. M. Psihologiya prestupleniya i nakazaniya : monogr. [Psychology of crime and punishment : monograph]. Moscow, 2018. 399 p. (In Russ.).
2. Belik I. A. CHuvstvo viny v svyazi s osobennostyami razvitiya lichnosti : dis. ... kand. psihol. Nauk [Feeling of guilt in connection with the peculiarities of personality development : the diss. ... PhD. in Psychology]. St. Petersburg, 2006. 209 p. (In Russ.).
3. Davydov YU. N. Ehtika lyubvi i metafizika svoevoliya : monogr. [Ethics of love and metaphysics of self-will : monograph]. Moscow, 1989. 317 p. (In Russ.).
4. Dmitrieva N. M. Ob izmenenii ehticheskoy nagruzki slov «prestuplenie» i «nakazanie» v soznanii nositelej russkogo yazyka [About the change in the ethical load of the words «Crime» and «Punishment» in the minds of native speakers of the Russian language]. Vestn. Orenburg. gos. un-ta – Bulletin of the Orenburg State University. 2012. Iss. 11 (147). P. 66–70. (In Russ.).
5. Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]. Moscow, 2007. 608 p. (In Russ.).
6. Druzhineno D. A. Osobennosti perezhivaniya chuvstva viny podrostkami : dis. ... kand. psihol. nauk [Features of experiencing feelings of guilt by adolescents : the diss. ... PhD. in Psychology]. Moscow, 2007. 263 p. (In Russ.).
7. Zaurorova EH. V. Vzaimodejstvie penitenciarnyh uchrezhdenij i Russkoj pravoslavnoj cerkvi kak odno iz napravlenij ugovolno-ispolnitel'noj politiki [Interaction between Penal institutions and the Russian Orthodox Church as one of the directions of the criminal-executive policy]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2009. Iss. 7. P. 52–55. (In Russ.).
8. Karpov A. V. Refleksivnost' kak psihicheskoe svojstvo i metodika ee diagnostiki [Reflectivity as a Psychic Property and the Method of Its Diagnostics]. Psihol. zhurn. – Psychological Journal. 2003. Vol. 24. Iss. 5. P. 45–57. (In Russ.).
9. Molostov A. V. Predstavleniya osuzhdennyh o zhertvah prestuplenij : dis. ... kand. psihol. nauk [Representations of convicts about victims of crimes : the diss. ... PhD. in Psychology]. Ryazan, 2006. 220 p. (In Russ.).
10. Panova O. B. Pedagogicheskoe obespechenie pravovoj resocializacii nesovershennoletnih osuzhdennyh v vospitatel'noj kolonii : dis. ... d-ra ped. nauk [Pedagogical support of legal resocialization of juveniles convicted in an educational colony : the diss. ... Dsc. in Pedagogy]. Yaroslavl, 2013. 489 p. (In Russ.).
11. Pedagogika : ucheb. posobie dlya studentov ped. vuzov / V. A. Slastenin i dr. [Pedagogy : tutorial for students of pedagogical universities / V. A. Slastenin and others]. Moscow, 2000. 512 p. (In Russ.).
12. Petrakova T. I. Gumanisticheskie cennosti obrazovaniya v processe duhovno-nravstvennogo vospitaniya podrostkov : dis. ... d-ra ped. nauk [Humanistic values of education in the process of spiritual and moral education of adolescents : the diss. ... Dsc. in Pedagogy]. Moscow, 1999. 440 p. (In Russ.).
13. Podlasyj I. P. Kurs lekcij po korrekcionnoj pedagogike : ucheb. posobie dlya studentov sred. spec. ucheb. zavedenij [The course of lectures on correctional pedagogy : tutorial for students of secondary special educational institutions]. Moscow, 2002. 352 p. (In Russ.).
14. Poznyshhev S. V. Kriminal'naya psihologiya. Prestupnye tipy [Criminal psychology. Criminal types]. Leningrad, 1926. 255 p. (In Russ.).
15. Poslanie Prezidenta Ros. Federacii Feder. Sobr. ot 01.03.2018 [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly from 01.03.2018]. Availabel at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976 (accessed 18.05.2018). (In Russ.).
16. Savkin A. V. Deyatel'noe raskayanie v prestuplenii (pravovye i kriminalisticheskie problemy) : dis. ... d-ra yurid. nauk [Active repentance in crime (legal and forensic problems) : the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2002. 425 p. (In Russ.).
17. Stadnik M. A. Deyatel'noe raskayanie kak institut osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Active repentance as an institution for liberation from criminal liability : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. St. Petersburg, 2017. 27 p. (In Russ.).

18. Topol'skaya E. A. Ponyatie «refleksivnoe soznanie» mladogo cheloveka [The concept of «reflexive consciousness» of a young person]. Vestn. Mosk. gos. un-ta kul'tury i iskusstv – Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2014. Iss. 3 (59). P. 168–173. (In Russ.).
19. Fojnickij I. YA. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow, 2000. 464 p. (In Russ.).
20. Hamaganova A. H. Deyatel'noe raskayanie: teoriya i praktika osvobozhdeniya ot ugovnoj otvetstvennosti : dis. ... kand. jurid. nauk [Active repentance: theory and practice of exemption from criminal liability : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2007. 183 p. (In Russ.).
21. Harhardin D. N. Deyatel'noe raskayanie v sovershenном prestuplenii : dis. ... kand. jurid. nauk [Active repentance in a perfect crime : the diss. ... PhD. in Law]. Orel, 2004. 202 p. (In Russ.).
22. SHadrikov V. D. Deyatel'nost' i sposobnosti : ucheb. posobie [Activities and abilities : tutorial]. Moscow, 1994. 320 p. (In Russ.).
23. Watson T. The Doctrine of Repentance. Carlisle, PA, USA, 2011. 58 p. (In Eng.).

УДК 304.44

Кружковая работа в условиях лишения свободы: организация социокультурной деятельности осужденных

Е. В. СЕРЕБРЯНИК – доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

Реферат

В статье рассмотрены практические и методические вопросы организации кружковой работы в исправительном учреждении в контексте социокультурной реабилитации осужденных. За основу взято понимание социокультурной реабилитации осужденных как процесса восстановления у них утраченных социальных связей и функций, восполнения среды жизнеобеспечения в специально организованной сотрудниками исправительного учреждения системе социокультурной деятельности.

Кружковая работа с осужденными, являясь основным средством организации их досуга, позволяет удовлетворить разнообразные социокультурные потребности воспитуемых. По данным эмпирического исследования, в пенитенциарной практике преимущественно представлены направления кружковой работы, ориентированные на здоровый образ жизни и творческое самовыражение осужденных. Для их реализации используется кадровый потенциал учреждений, а также осуществляется взаимодействие с общественностью. Сотрудниками исправительных учреждений ведется поиск мер стимулирования осужденных к участию в кружках, при этом важным принципом выступает учет интересов и потребностей осужденных в тех или иных видах культурно-досуговой деятельности. Вместе с тем существуют проблемы, касающиеся материальных и технических ресурсов, общего правового регулирования кружковой работы, доступных осужденным сфер кружковой занятости, мотивации досуговой деятельности, психолого-педагогической культуры руководителей кружков. Их решение требует комплексного характера действий (административных, юридических, социальных, педагогических, психологических и др.). Важными педагогическими условиями являются развитие новых для конкретного исправительного учреждения интегративных видов кружковой занятости, примененные в кружковой работе активные формы взаимодействия, что может быть реализовано в рамках социального театра осужденных.

К л ю ч е в ы е с л о в а : кружковая работа с осужденными; социокультурная реабилитация осужденных; социокультурная деятельность; досуг; социальный театр.

Workshop in prisons: organization of socio-cultural activities of convicts

E. V. SEREBRYANIK – Associate Professor of the Department of Legal Pedagogy and Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor

Abstract

In the article practical and methodical questions of organization of workshops in the correctional institution in the context of socio-cultural rehabilitation of convicts are considered. It is based on the understanding of the socio-cultural rehabilitation of convicts as a process of restoring their lost social connections and functions, replenishing the life support environment in a system of socio-cultural activities specially organized by the penitentiary staff.

Workshops with convict being the main means of organizing their leisure allows satisfying the diverse socio-cultural needs of the people being educated. According to the empirical research in the penal practice the directions of workshops focused on a healthy way of life and creative self-expression of convicts are mainly presented. To realize them the personnel potential of institutions is used, and also interaction with the public is carried out. Employees of correctional institutions are searching for measures to encourage convicts to participate in workshops while an important principle is the consideration of the interests and needs of convicts in certain types of cultural and recreational activities. At the same time there are problems related to material and technical resources, general legal regulation of the workshops, available for convicts' interests workshops, motivation for leisure activities, psychological and pedagogical culture of the leaders of the workshops. Their solution requires a complex nature of activity (administrative, legal, social, pedagogical, psychological, etc.). Important educational conditions are the development of new types of community employment for a particular correctional institution, the use of active forms of interaction in the workshops, which can be realized within the social theater of convicts.

Key words: workshops with convicts; socio-cultural rehabilitation of convicts; socio-cultural activities; leisure; social theater.

Современное общество развивается в постиндустриальную эпоху, в нем повышается ценность образования, науки и знаний во всех видах социальной инновационной деятельности. Осужденные к лишению свободы, которые долгое время находятся в изоляции от общества, такие изменения переживают довольно болезненно и часто после освобождения из исправительного учреждения испытывают трудности в адаптации к новым условиям жизни.

Воспитательная работа как важнейшее средство исправления должна создавать в пенитенциарном учреждении условия для социального развития, самовоспитания и самообразования осужденных, тем самым активизируя процессы их ресоциализации и социокультурной реабилитации. Социокультурную реабилитацию осужденных следует рассматривать как процесс восстановления у них утраченных социальных связей и функций, восполнения среды жизнеобеспечения в специально организованной сотрудниками исправительного учреждения системе социокультурной деятельности. В концепции М. А. Ариарского социокультурная деятельность – это обусловленная нравственно-интеллектуальными мотивами общественно целесообразная деятельность по созданию, освоению, распространению и дальнейшему развитию ценностей культуры [1, с. 80].

Особой сферой социокультурной деятельности, а следовательно и реализации возможностей воспитательной работы в

обеспечении социокультурной реабилитации осужденных, является досуг. Представляя собой субъективно оцениваемое человеком свободное время, досуг в контексте удовлетворения социокультурных потребностей человека характеризуется сбалансированностью разных видов рекреационной, развивающей и развлекательной активности, наполненностью социально значимым смыслом, согласованностью с традициями и современными требованиями общества.

Культурный досуг в исправительном учреждении организуется прежде всего посредством кружковой работы. В педагогическом отношении кружок представляет собой группу, особое добровольное самодеятельное объединение воспитуемых. Кружок является средой общения и совместной деятельности, в которой можно проверить себя, реализовать свой личностный потенциал в выбранной области занятости. Он позволяет удовлетворить многообразные потребности воспитуемых, соединить их со стремлением к самосовершенствованию или перевести стихийно возникшее желание в осознанное увлечение [4, с. 254]. Занятия осужденных в кружках создают условия для нравственной переориентации личности; расширения социально полезных умений и навыков; ознакомления с достижениями отечественной и мировой науки, техники, литературы, искусства, спорта; формирования умений применять полученные знания в жизненной практике; развития потребности в самовос-

питании и самообразовании; формирования здорового образа жизни [1].

Ввиду значимости кружковой работы в процессе исправления осужденных автором был проведен опрос начальников отрядов осужденных и начальников отделов воспитательной работы с осужденными исправительных учреждений на эту тему. В анкетировании приняли участие 427 сотрудников УИС. Исследование осуществлялось на базе свыше 80 учреждений (исправительные колонии общего, строгого и особого режимов, колонии-поселения, воспитательные колонии, следственные изоляторы) 13 территориальных органов ФСИН России.

Вопросы анкеты, предложенной участникам опроса, были направлены на получение информации о содержании, организации, правовом и методическом обеспечении кружковой работы с осужденными, а также выявление отношения к кружковой работе: представление сотрудников об активности осужденных и предпочитаемых ими направлениях кружковой занятости; понимание значимости кружковой работы в социокультурной реабилитации осужденных; проявляющиеся особенности ее организации (связь с клубной работой, взаимодействие с общественностью, меры стимулирования, пути преодоления трудностей).

Анализ полученных в ходе опроса данных показывает, что работа кружков регулируется приказами исправительных учреждений, утверждающими порядок организации кружковой работы с осужденными, назначение руководителей кружков и состав осужденных, участвующих в кружковой работе, на календарный год. Задача по координации кружковой работы осужденных возлагается на заместителя начальника колонии, курирующего кадровую и воспитательную работу, или начальника отдела воспитательной работы с осужденными (начальника отдела социально-психологической работы с осужденными). Руководство конкретными кружками осуществляют сотрудники различных отделов и служб учреждения. Можно предположить, что такой управленческий механизм выбран для обеспечения систематичности и целенаправленности кружковой работы с осужденными, а также максимальной реализации ресурсов воспитательного процесса в учреждении.

В целом содержание кружковой работы в исправительных учреждениях охватывает такие направления, как физкультурно-спортивное, художественной самодеятельности, литературное, изобразительного искусства

или декоративно-прикладного творчества. Следует заметить, что именно эти области занятости осужденных перечислены в рекомендациях НИИ ФСИН России [7], которыми руководствуются в организации кружковой деятельности начальники отделов воспитательной работы с осужденными пенитенциарных учреждений.

Другие направления работы называются респондентами редко. Их примерами служат кружок иностранных языков; кружок редакции, видеостудии (телестудии), кинематографии; духовный (православный) кружок; кружок церковного пения; кружок ландшафтного дизайна; психологический кружок (в том числе арт-терапия); кружок обучения навыкам пожарно-технической безопасности; кружок цветоводства. В отдельных анкетах упомянуты кружок шефской помощи, краеведческий кружок, кружок формирования гражданско-правовой позиции, кружок реабилитации лиц с наркотической и алкогольной зависимостью, кружок социальной помощи, мультипликационный кружок, кружок аквариумистов.

Точно так же и при выборе сотрудниками наиболее интересных осужденным сфер кружковой занятости определились направления, ставшие уже традиционными для исправительных учреждений: на первом месте – физкультура и спорт, на втором месте – различные виды художественного творчества, на третьем – техническое творчество.

В связи с этим количество кружков, в которые вовлечены осужденные, ограничено: в среднем 3–4 кружка на одно учреждение. В редких случаях перечень направлений кружковой работы в исправительном учреждении более разнообразен (8–9 направлений).

Согласно ответам начальников отделов воспитательной работы с осужденными в различных учреждениях в кружковую работу вовлечено разное количество осужденных. В воспитательных колониях занятость достигает 100 %. В колониях, где отбывают наказание взрослые осужденные, этот показатель колеблется от 0,6 до 81 % и в среднем составляет примерно 23 %. При этом наблюдается некоторое противоречие между данными показателями и довольно высокой оценкой начальниками отрядов активности осужденных в кружковой деятельности (ее отмечают около 60 % опрошенных). Возможно, респондентами оценивалась активность осужденных в выборе исключительно тех немногочисленных направлений кружковой деятельности, которые представлены в отдельном учреждении.

В пенитенциарной практике прослеживается связь кружковой работы с другим элементом организации культурного досуга осужденных – клубной деятельностью исправительного учреждения. Во многих учреждениях, где функционируют клубы, на базе последних проводятся мероприятия, отражающие результаты кружковой работы за определенный период. К ним относятся праздничные концерты, смотры художественной самодеятельности, конкурсы (хоров, агитбригад, инсценированной военной песни, танцевальные и др.), викторины, КВН, выступления музыкальных групп, интеллектуальные вечера («Час поэзии», «Знатоки»), читательские конференции, театральные постановки, выставки (картин, изделий прикладного творчества осужденных), соревнования по настольным играм и гиревому спорту, мастер-классы.

Вместе с тем обнаруживается отсутствие в клубной деятельности осужденных образовательных мотивов. Среди целей посещения осужденными клуба исправительного учреждения сотрудниками указываются реализация творческих способностей (47 %), отдых (42 %) и общение (34 %).

Важным условием успешности социокультурной реабилитации осужденных является участие представителей институтов гражданского общества в воспитательном процессе. Обобщенные ответы начальников отделов воспитательной работы с осужденными демонстрируют довольно широкий круг субъектов внешнего взаимодействия исправительных учреждений в области кружковой работы: попечительские советы, библиотеки, учреждения культуры, здравоохранения, социального обслуживания, образовательные организации, ветеранские организации, спортивные клубы, благотворительные организации, РПЦ, органы местного самоуправления, мастера народных промыслов. Участники опроса на первое место по интенсивности ставят взаимодействие с учреждениями культуры, оставшиеся позиции (по убыванию) занимают общественные организации, образовательные организации, библиотеки и попечительские советы. К сожалению, при анализе отдельно взятых анкет выясняется, что в ряде исправительных учреждений взаимодействие с общественностью в процессе организации кружковой работы с осужденными отсутствует.

Большинство участников опроса (75 %) считает, что кружковая работа направлена на формирование культуры досуга. Реже из-

бираются реализация творческого потенциала и профессиональное самоопределение. Таким образом, сотрудники исправительных учреждений видят связь социокультурной реабилитации осужденных с кружковой работой, но не в полной мере осознают воспитательный потенциал социокультурной деятельности.

Размышляя над принципами, в соответствии с которыми должны создаваться кружки, большая часть сотрудников (71 %) заявляет о необходимости учета интересов и потребностей осужденных. Кроме того, около трети опрошенных отмечает принцип учета наличия специальных навыков у осужденных. Следует заметить, что это является основой для реализации в кружковой работе с осужденными индивидуального подхода как важнейшего принципа организации досуга.

Среди мер, стимулирующих осужденных к участию в клубной и кружковой деятельности, большинство участников опроса (82 %) называет поощрение осужденных за активность в ней. Респонденты упоминают также проведение конкурсных мероприятий, пропаганду и агитацию. К сожалению, иные меры в ответах сотрудников исправительных учреждений не встречаются. Представляется, что преобладание над другими способами и формами педагогического воздействия поощрений может снизить эффективность проводимой работы, поскольку это не соответствует основным правилам применения данного метода воспитания.

Трудности в организации клубной и кружковой работы в исправительном учреждении респонденты объясняют недостаточностью материальной базы и оборудования (52 %), низкой заинтересованностью осужденных (37 %), отсутствием в штатном расписании соответствующих должностей (36 %), отсутствием специалистов для руководства конкретным направлением кружковой работы (35 %). В качестве мероприятий, которые будут способствовать совершенствованию клубной и кружковой работы, согласно ответам сотрудников, могут выступать увеличение финансирования; укрепление материальной базы, технического оснащения и оборудования кружков и соответствующих помещений; закрепление сотрудников за кружковой работой через штатное расписание; привлечение специалистов, стимулирование наиболее активных сотрудников; взаимодействие с представителями учреждений культуры; пропаганда. Как видно, начальниками отрядов здесь указываются в

основном внешние по отношению к их труду факторы, а развитие кружковой работы не связывается с необходимостью изменения собственной профессиональной деятельности (например, усиление творческой составляющей в работе, освоение новых психолого-педагогических методов и технологий и др.).

Таким образом, исследование показало, что сотрудники исправительных учреждений проявляют осознанное отношение к организации кружковой работы, понимают ее значение для социокультурной реабилитации осужденных и заинтересованы в ее результатах. В практике представлены разные направления кружковой работы, преимущественно ориентированные на здоровый образ жизни и творческое самовыражение осужденных. Для их реализации используется кадровый потенциал учреждений, а также осуществляется взаимодействие с общественностью. Сотрудниками исправительных учреждений ведется поиск мер стимулирования осужденных к участию в кружках, при этом важным принципом является учет интересов осужденных и их потребностей в тех или иных видах культурно-досуговой деятельности. Вместе с тем выявляются проблемы, касающиеся материальных и технических ресурсов, общего правового регулирования кружковой работы, имеющих сфер кружковой занятости, мотивации досуговой деятельности осужденных, психолого-педагогической культуры руководителей кружков.

Преодоление указанных проблем требует действий комплексного характера (административных, юридических, социальных, педагогических, психологических и др.) и, безусловно, должно осуществляться на разных уровнях функционирования УИС. Если рассматривать уровень исправительного учреждения, то представляется целесообразным, например, принятие его сотрудниками следующих мер:

- активизация поиска внутренних ресурсов развития материальной базы кружковой работы (работа положительно зарекомендовавших себя осужденных по благоустройству помещений и ремонту оборудования и др.), а также привлечение представителей общественности, которые могут оказать в этом помощь;

- составление и утверждение оптимального для данного учреждения перечня регламентирующих документов, разработка их содержания и четкого алгоритма организации кружковой деятельности (ориенти-

ром здесь могут служить методические рекомендации, подготовленные сотрудниками НИИ ФСИН России [7; 2], Академии ФСИН России [6]);

- регулярное повышение психолого-педагогической компетентности сотрудников, осуществляющих воспитательную работу с осужденными (в том числе участие в работе краткосрочных курсов, семинаров, конференций, профессиональных тренингов и др.);

- развитие новых для конкретного исправительного учреждения интегративных видов кружковой занятости; совершенствование индивидуальной воспитательной работы с осужденными; применение интерактивных форм взаимодействия и др.

Одним из направлений кружковой работы, интегрирующим разнообразные интерактивные формы взаимодействия осужденных, является социальный театр, успешно реализованный в ряде исправительных учреждений (в частности, в учреждениях ГУФСИН России по Нижегородской области). Предлагаемая далее характеристика социального театра осужденных базируется на анализе работ О. И. Даниленко [3], М. В. Киселевой [5], Н. Ю. Скорик [8], С. С. Чагина [9].

Социальный театр основан на механизмах актуализации резервных возможностей личности. Предполагается создание неформальной театрализованной группы лиц для проигрывания трудных жизненных ситуаций с целью выработки стратегий по их разрешению на личностном и межличностном уровне. При этом содержание проблем может быть различным (наркозависимость, социально значимые заболевания, социально полезные связи, взаимоотношения в семье, подростковый возраст, жизненные ценности и др.). Здесь реализуются два основных направления взаимодействия участников – проигрывание спектакля, затрагивающего конкретную социальную проблему, и его обсуждение, поиск механизмов разрешения проблемы (в рамках групповой дискуссии).

Социальный театр создается с целью включения осужденного в групповую театрализованную деятельность для решения конкретной социальной проблемы. В условиях уголовно-исполнительной системы социальный театр может решать следующие задачи: организация культурного досуга осужденных; привлечение осужденных к занятию театральным искусством; актуализация и развитие творческих способностей; создание условий для эмоциональ-

ного, нравственного и интеллектуального самовыражения осужденных; расширение контактов осужденных, их взаимное творческое обогащение; профилактика социально значимых заболеваний и вредных привычек; развитие потенциала к самостоятельному решению собственных проблем.

Используется два подхода к организации социального театра осужденных. Первый предполагает применение малых художественных форм – детских сказок, юмористических мини-сценок, которые придумываются совместно с осужденными, а также перевод различных социальных жизненно важных ситуаций в сказочный контекст. При втором подходе организуется символическое представление, основной сюжет которого отражает процесс преодоления жизненных проблем и трудностей человека.

Можно выделить основные этапы работы объединения осужденных «Социальный театр». Первый этап – набор и подготовка участников группы театра. Он включает определение специфики проблем осужденных, разделение их на группы; выбор репертуара, подбор постановок, подходящих данной группе; подготовку сценария или адаптацию текста спектакля; разработку режиссерского постановочного плана; перспективную разбивку текста инсценировки на части по событиям; перспективное распределение ролей среди всех участников группы, определение зрительского и ролевого участия; планирование репетиций; продумывание декорационно-костюмного и музыкального оформления спектакля. Второй этап – постановка спектакля, которую образуют подготовка декораций и костюмов; анонсирование спектакля с участием других людей (афиша, программа); организация участников спектакля на мо-

мент показа; организация зрителей спектакля на момент показа; показ спектакля зрителям, управление этим процессом. Третий этап предполагает обсуждение спектакля с участниками и зрителями; рассмотрение проблемы, проигранной в рамках театрализованной деятельности; поощрение участников спектакля за творческую активность.

В рамках социального театра используются следующие методы работы (все они интерактивные): групповые игры; выполнение творческих заданий; упражнения по освоению новых социальных ролей; имитация поведения других людей; проигрывание и анализ социальных ситуаций; групповая дискуссия.

В числе основных требований к руководителю кружка можно назвать: замещение должностей специалиста по социальной работе, старшего специалиста по социальной работе, начальника отряда, начальника отдела воспитательной работы с осужденными; компетентность в области социальной и воспитательной работы с осужденными; опыт участия в театральной деятельности.

Социальный театр относится к тем направлениям кружковой работы исправительного учреждения, которые могут обеспечить включение осужденного в активные формы взаимодействия в рамках конкретной практической и творческой деятельности. В нем заключен потенциал комплексного, глубокого воздействия на личность человека, совершившего преступление. Использование таких технологий можно рассматривать в качестве одного из педагогических условий совершенствования организации воспитательной работы с осужденными, направленной на их социокультурную реабилитацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ариарский М. А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления. СПб., 2008. 792 с.
2. Давыдова Н. В., Данилин Е. М. Кружковая работа с осужденными в исправительных учреждениях // Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2014. № 1. С. 41–45.
3. Даниленко О. И., Янкелевич М. С. Отношение к искусству как проявление ценностных ориентаций личности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2011. № 2. С. 208–214.
4. Евладова Е. Б., Логинова Л. Г., Михайлова Н. М. Дополнительное образование детей. М., 2004. 349 с.
5. Киселева М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. СПб., 2007. 336 с.
6. Кузнецов М. И. Кружковая работа с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях // Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2016. № 4. С. 42–45.
7. Порядок организации кружковой работы с осужденными к лишению свободы : метод. рекомендации / Н. В. Давыдова и др. М., 2013. 17 с.
8. Скорик Н. Ю. Использование театротерапии как эффективного метода социокультурной реабилитации молодых инвалидов детства // Работник социальной службы. 2012. № 1. С. 82–85.
9. Социальный театр как средство профилактики негативных социальных явлений среди молодежи (на примере учебной программы интегрированного курса для подростков и старших школьников «Социальный театр») / авт.-сост. С. С. Чагин. М., 2004. 18 с.

REFERENCES

1. Ariarskij M. A. Social'no-kul'turnaya deyatel'nost' kak predmet nauchnogo osmysleniya [Socio-cultural activity as a matter of scientific comprehension]. St. Petersburg, 2008. 792 p. (In Russ.).
2. Davydova N. V., Danilin E. M. Kruzhkovaya rabota s osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah [Circle work with convicts in correctional institutions]. Vedomosti ugovolov.-ispolnit. sistemy – Journal of the Penal system. 2014. Iss. 1. P. 41–45. (In Russ.).
3. Danilenko O. I., YAnkelevich M. S. Otnoshenie k iskusstvu kak proyavlenie cennostnyh orientacij lichnosti [Relationship to art as a manifestation of value orientations of the individual]. Vestn. S.-Peterb. un-ta – Bulletin of St. Petersburg University. 2011. Iss. 2. P. 208–214. (In Russ.).
4. Evladova E. B., Loginova L. G., Mihajlova N. M. Dopolnitel'noe obrazovanie detej [Additional education for children]. Moscow, 2004. 349 p. (In Russ.).
5. Kiseleva M. V. Art-terapiya v prakticheskoj psihologii i social'noj rabote [Art therapy in practical psychology and social work]. St. Petersburg, 2007. 336 p. (In Russ.).
6. Kuznecov M. I. Kruzhkovaya rabota s nesovershennoletnimi osuzhdennymi v vospitatel'nyh koloniyah [Circle work with juvenile convicts in educational colonies]. Vedomosti ugovolov.-ispolnit. sistemy – Journal of the Penal system. 2016. Iss. 4. P. 42–45. (In Russ.).
7. Poryadok organizacii kruzhkovoj raboty s osuzhdennymi k lisheniyu svobody : metod. rekomendacii / N. V. Davydova i dr. [The order of organization of the circle work with prisoners sentenced to deprivation of liberty : methodical recommendations / N. V. Davydova and others]. Moscow, 2013. 17 p. (In Russ.).
8. Skorik N. YU. Ispol'zovanie teatroterapii kak ehffektivnogo metoda sociokul'turnoj rehabilitacii molodyh invalidov detstva [Use of theater therapy as an effective method of socio-cultural rehabilitation of young disabled children]. Rabotnik social'noj sluzhby – Social Worker. 2012. Iss. 1. P. 82–85. (In Russ.).
9. Social'nyj teatr kak sredstvo profilaktiki negativnyh social'nyh yavlenij sredi molodezhi (na primere uchebnoj programmy integrirovannogo kursa dlya podrostkov i starshih shkol'nikov «Social'nyj teatr») / avt.-sost. S. S. CHagin [Social theater as a means of preventing negative social phenomena among young people (on the example of the curriculum of the integrated course for teenagers and senior students «Social Theater») : auth.-comp. S. S. Chagin]. Moscow, 2004. 18 p. (In Russ.).

УДК 378.14

Реализация практико-ориентированного подхода в профессиональной подготовке курсантов по направлению «Управление персоналом»

М. Н. РАССАДИНА – старший преподаватель кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук

Реферат

В статье рассматриваются особенности реализации практико-ориентированного подхода в процессе обучения курсантов в Вологодском институте права и экономики ФСИН России (ВИПЭ ФСИН России). В работе отмечается актуальность компетентностного образования на современном этапе развития рынка труда, обосновывается необходимость внедрения практико-ориентированного подхода к подготовке будущих специалистов в соответствии с образовательными стандартами нового поколения, профессиональными и личностными качествами сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Автором анализируется опыт реализации практико-ориентированного подхода на инженерно-экономическом факультете ВИПЭ ФСИН России при обучении курсантов по направлению «Управление персоналом» с первого по четвертый курс. Применение практико-ориентированного подхода включает в себя использование в образовательном процессе разнообразных видов практик, задействование на занятиях учебного рабочего места инспектора отдела кадров и работы с личным составом, а также проведение на четвертом курсе комплексных межкафедральных учений. Особое внимание в статье уделяется постоянному, на протяжении всего периода обучения, приращению профессиональных компетенций, необходимым будущим выпускникам в служебной деятельности. Представленный опыт может быть интересен преподавателям высшей школы, реализующим образовательные стандарты нового поколения.

Ключевые слова: практико-ориентированное обучение; профессиональные компетенции; комплексные учения; рабочее учебное место; практика; образовательное пространство.

Implementation of a practice-oriented approach in the professional training of cadets in the field of «Personnel Management»

M. N. RASSADINA – Senior Lecturer of the Department of Economic Management and Production Organization in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics

Abstract

The article examines the specifics of implementing a practice-oriented approach in the process of training cadets of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (VILE of the FPS of Russia). The article highlights the relevance of competence education at the present stage of labor market development, substantiates the necessity of introducing a practice-oriented approach to the training of future specialists in accordance with the educational standards of the new generation, professional and personal qualities of the penal service staff.

The author analyzes the experience of introducing a practice-oriented approach to the VIPI of the FSIN of Russia at the Faculty of Engineering and Economics during the training of cadets in the direction «Personnel Management» from the first to the fourth year. The application of the practice-oriented approach includes the use in the educational process of a variety of types of practices, the use of the inspector of the human resources department at work and the work with personnel, and the conduct of comprehensive inter-cathedral exercises in the fourth year. The author pays special attention to the constant increase of the professional competencies required for future graduates in their professional activity, throughout the entire period of study. The presented experience can be of interest to teachers of higher education, implementing the educational standards of the new generation.

Key words: practical-oriented training; professional competences; complex exercises; workplace; practice; educational space.

Современный этап развития общества характеризуется стремительным развитием инноваций в сфере образования. Требования к высшей школе сегодня определяются ситуацией, в которой находится государство, когда происходят глобальные процессы перераспределения труда. Главная задача, стоящая перед высшей школой, – обеспечивать развитие потенциала будущих специалистов для созидательной, творческой деятельности. В качестве основной цели реформирования профессионального образования рассматривается цель научить будущего специалиста самостоятельно взаимодействовать с инновационно развивающимся миром профессионального труда [1].

Важнейшей составляющей миссии любого профессионального учебного заведения, безусловно, является выпуск конкурентоспособного, востребованного на рынке специалиста. Понятие «competence» можно использовать как ключевой организационный ресурс для получения конкурентного преимущества. Сегодня возникает необходимость не только дать студенту набор необходимых знаний, но и научить его учиться в течение всей последующей профессиональной деятельности. На рынке труда востребованы не сами по себе знания, а способность

специалиста применять их на практике, выполнять определенные профессиональные и социальные задачи [8, с. 77].

Одним из острых вопросов кадрового обеспечения является неспособность молодых специалистов эффективно выполнять свои должностные обязанности в силу отсутствия практических навыков применения теоретических знаний, полученных в вузе. Гражданский работодатель может решить стоящую перед ним проблему за счет приема на работу опытных специалистов, тогда как уголовно-исполнительная система (УИС) осуществляет свою деятельность в области подготовки кадров через ведомственные образовательные учреждения. Таким образом, высшие учебные заведения ФСИН России должны готовить выпускников, способных включаться в реальные трудовые процессы, эффективно используя компетенции, сформированные в процессе обучения.

Набор актуальных для сотрудника УИС профессиональных и личностных качеств постоянно обновляется. На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы можно выделить такие из них, как:

– системное мышление, способность к глубокому анализу своей деятельности;

- умение действовать в экстремальных ситуациях, принимать нестандартные решения, анализировать возникающие проблемы;

- творческая активность и ответственность за выполняемую работу;

- включенность в систему непрерывного образования и повышения квалификации;

- высокий уровень правовой, информационной, коммуникативной культуры.

Вся эта совокупность требований вписана в три основных контекста:

1. Личностный контекст. Приоритет на рынке труда отдается таким личностным качествам работника, как инициативность, ответственность, креативность. Работодатели особо выделяют в перечне необходимых свойств работника личностную зрелость, которой зачастую не хватает многим современным выпускникам ведомственных вузов. В настоящее время требуемые профессиональные характеристики сотрудника стали напрямую определяться его личностными качествами.

2. Мобильный контекст. Подразумевается готовность работника к постоянным изменениям, в том числе способность к принятию решений в такой ситуации. Ценятся не только имеющиеся профессиональные качества, но и желание и возможность их приобрести, обозначаемые многими исследователями как потенциал работника.

3. Корпоративный контекст. Этот аспект можно назвать социальным, так как он подчеркивает важность коммуникативных качеств работника, уровня их адаптации в социальной среде. Лояльность организации, преданность ее ценностям и интересам, корпоративный дух выходят среди них на первое место [6, с. 56].

Действующие федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования определяют перечень общих и профессиональных компетенций, освоение которых позволит будущим специалистам успешно осуществлять профессиональную деятельность и соответствовать современным требованиям рынка труда. Вышеперечисленные факторы диктуют необходимость смещения акцентов преподавания от теоретической, знаниевой парадигмы к практико-ориентированному обучению.

Компетентностное содержание высшего образования предусматривает:

- ориентацию на конкретные компетенции при целеполагании и отборе содержания каждого учебного занятия;

- продуктивный характер используемых в образовательном процессе технологий, направленных на формирование компетенций;

- связь с практикой (жизнедеятельностью);

- совершенствование методической системы, обеспечивающей реализацию компетентностного подхода в образовательном процессе.

Формирование и развитие профессиональных компетенций происходит комплексно, системно. Включение практических действий в учебный процесс создает образовательное пространство, в котором теоретическая база обретает свое практическое приложение. Так, практико-ориентированный подход создает возможность постепенного наращивания профессиональной квалификации специалиста – от формирования типовых профессиональных действий до продуктивной творческой деятельности.

Обобщая многочисленные трактовки, практико-ориентированное обучение можно определить следующим образом: это вид обучения, приоритетной целью которого является развитие у обучающихся способностей и готовности к практической работе, необходимых сегодня в разнообразных сферах профессиональной деятельности, а также достижение понимания, для чего были сформированы данные умения, где и как они используются в реальной практике [3, с. 180].

Современная высшая школа выработала целый ряд подходов к практико-ориентированному образованию. Первый из них связан с особенностями организации учебной, производственной и преддипломной практик обучаемого посредством погружения его в профессиональную среду, соотнесения его представлений о профессии с требованиями, предъявляемыми обществом, осознания собственной роли в профессии (Ю. Ветров, Н. Клушина). Второй подход связан с внедрением профессионально-ориентированных технологий обучения, способствующих формированию у студентов значимых для будущей профессиональной деятельности качеств личности, а также знаний, умений и навыков, обеспечивающих выполнение функциональных обязанностей по избранной специальности на требуемом уровне (П. Образцов, Т. Дмитриенко, Р. Ромашов). Третий подход связан с использованием в практико-ориентированном образовании возможностей контекстного (профессионально направленного) изуче-

ния профильных и непрофильных дисциплин (А. Вербицкий, Е. Плотникова, В. Шершнева) [7, с. 199].

На сегодняшний день в ВИПЭ ФСИН России активно используется практико-ориентированное обучение, в частности при подготовке бакалавров по направлению 38.03.03 Управление персоналом. Применение практико-ориентированного подхода позволяет повысить эффективность образовательного процесса и качество освоения профессиональных компетенций.

Актуальность использования рассматриваемого подхода в процессе преподавания дисциплин по направлению подготовки «Управление персоналом» обусловлена прежде всего тем, что специалисту в области кадровой работы очень важно уметь принимать эффективные управленческие решения, касающиеся развития карьеры сотрудников, организации профессионального обучения, мотивации и стимулирования труда коллектива и т. д. Практико-ориентированный подход включает в себя использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий параллельно с внеаудиторной работой с целью формирования профессиональных навыков будущих сотрудников.

Так, преподавателями кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в УИС в процессе преподавания профильных дисциплин широко применяются проектный метод, ролевые и деловые игры, групповые дискуссии, метод кейсов. Использование кейс-технологии позволяет увидеть в процессе анализа вариативность решения управленческих проблем в реальной жизни, научиться находить наиболее рациональные выходы. Преподаватель должен научить обучающихся рассуждать, дискутировать и предполагать возможные отрицательные последствия принятия необдуманных решений [2, с. 89].

Практико-ориентированное обучение требует соответствующей организации самостоятельной работы курсантов. В организации самостоятельной работы курсантов используются различные формы обучения, в том числе веб-квест-технологии [5, с. 106–107]. Именно веб-квест объединяет в себе элементы проблемного обучения, метода проектов, игры и предполагает активное использование информационных и коммуникационных технологий.

Особое значение при подготовке бакалавров по направлению «Управление персоналом» придается практике. Согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ

«Об образовании в Российской Федерации», практика – это вид учебной деятельности, направленной на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенции в процессе выполнения определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью [4].

Курсанты на протяжении всего периода обучения в обязательном порядке проходят следующие виды практики:

1. Учебная практика: проходит в 4 семестре, продолжительность – 2 недели. Носит характер знакомства с будущей профессией и службой в УИС. Основной целью практики является изучение специфики работы отдела кадров и работы с личным составом как функционального подразделения исправительного учреждения.

2. Организационно-экономическая практика: проходит в 6 семестре, продолжительность – 4 недели. Задачи практики следующие: обучение приемам и способам выполнения должностных обязанностей, необходимым для формирования общих и профессиональных компетенций по избранной профессии; закрепление и совершенствование первоначальных практических профессиональных умений обучающихся.

3. Производственная практика: проходит в 8 семестре, продолжительность – 4 недели. Основными целями данного вида практики являются углубление теоретических знаний и закрепление практических навыков применения нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность кадровых аппаратов органов (учреждений) УИС; закрепление курсантами практических навыков решения организационно-экономических и управленческих задач по формированию, развитию и использованию персонала учреждений УИС.

4. Преддипломная (стационарная) практика: проходит в 8 семестре, продолжительность – 2 недели. Она обеспечивает закрепление и углубление полученных теоретических знаний в сфере кадровой деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы, приобретение и совершенствование общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, приобщение к организаторской и научно-исследовательской деятельности, подготовку к службе по избранной специальности, анализ и обработку эмпирических материалов, относящихся к теме выпускной бакалаврской работы.

Учебная, организационно-экономическая и производственная практики проходят в исправительных учреждениях УИС, где под

руководством опытных наставников из числа практических работников происходит отработка навыков, формирование значимых компетенций.

Представленные виды практик для курсантов бакалавриата по направлению подготовки «Управление персоналом» ориентированы на закрепление теоретического материала, применение его на практике, проверку готовности будущего специалиста к самостоятельному решению профессиональных задач, овладение навыками рефлексии своей профессиональной и научно-исследовательской деятельности, а также деятельности в кооперации с коллегами, формирование потребности в самообразовании.

Еще одной составляющей практико-ориентированного подхода является создание рабочего учебного места (РУМ). При подготовке бакалавров по направлению «Управление персоналом» используется рабочее учебное место инспектора отдела кадров и работы с личным составом. Использование РУМ позволяет профессорско-преподавательскому составу творчески подойти к организации занятий по профильным дисциплинам («Управленческий учет и учет персонала», «Регламентация и нормирование труда», «Кадровое делопроизводство в УИС», «Делопроизводство и режим секретности»), а курсантам приобрести практические навыки, необходимые для освоения профессиональных компетенций.

Профессиональная компетентность сотрудника УИС может быть сформирована только в условиях, максимально приближенных к практическим. Исходя из этого еще одним проявлением практико-ориентированного подхода, реализуемого в ВИПЭ ФСИН России, выступают комплексные межкафедральные учения. Основной их целью является интеграция знаний курсантов, полученных при изучении дисциплин управленческого блока, тактико-специальной подготовки, основ правовых знаний.

К проведению комплексных учений институтом привлекаются специалисты с большим опытом работы и сотрудники УФСИН России по Вологодской области. Учения проводятся в шесть этапов в течение шести дней:

1 этап – прием на службу в уголовно-исполнительную систему, оформление сопровождающих документов;

2 этап – подготовка и выступление на служебной подготовке;

3 этап – специальная операция по розыску и задержанию осужденного, совершившего побег;

4 этап – оформление отпуска, проведение служебной проверки;

5 этап – проведение организационно-штатных мероприятий по сокращению аттестованных должностей;

6 этап – подведение итогов учений.

В соответствии с учебным планом учения организуются в 8 семестре на 4 курсе обучения по направлению подготовки «Управление персоналом». Состав игрового коллектива формируется в соответствии с должностями отдела кадров и работы с личным составом исправительного учреждения и включает в себя:

- начальника отдела кадров и работы с личным составом исправительного учреждения;

- старшего инспектора;

- инспектора.

Работа игрового коллектива осуществляется согласно плану, замыслу учения и передаваемым из оперативного штаба вводным.

Каждый курсант, отрабатывая поступающие вводные, действует в рамках предложенной должности. Руководит действиями начальник отдела кадров и работы с личным составом учреждения, избираемый из числа наиболее подготовленных курсантов. В каждой игровой коллектив назначается посредник из числа преподавателей выпускающей кафедры и наиболее опытных практических работников кадровых служб учреждений УИС.

Формулировка заданий к вводным ориентирована на принятие специалистами по управлению персоналом решений о последовательности действий согласно приказам, регламентирующим деятельность кадровых подразделений исправительных учреждений. Поступающие вводные приближены к ситуациям, реально возникающим в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, и отражают действительный вклад специалистов по управлению персоналом в решение поставленных перед учреждением задач.

Вводные в игровой коллектив передаются через посредников, которые следят за их отработкой, фиксируют ход работы внутри подгруппы, в исключительных случаях вмешиваясь в процесс с целью направления действий участников. Руководитель игрового коллектива направляет действия своих сотрудников, добивается их согласованно-

сти и эффективности, следит за поддержанием порядка и дисциплины, обеспечивает соблюдение плана проведения учения, в ходе учения дает оценки работе игрового коллектива и отдельных его членов, докладывает о них руководителю учения.

Руководитель учения и штаб внимательно следят за его ходом, активно направляя работу игровых коллективов. Наиболее распространенным и эффективным здесь является заслушивание решений обучаемых руководителем учения, выступающим в роли старшего начальника (например, начальника психологической лаборатории) в штабе или непосредственно в игровых коллективах. Заслушивание производится по техническим средствам связи. В ряде случаев руководитель учения может делегировать членов штаба для анализа работы в конкретных игровых коллективах и оказания помощи.

Специфической функцией штаба, повышающей эффективность работы обучаемых, является организация видеозаписи действий игровых коллективов в ходе учения с последующей демонстрацией фрагментов.

По окончании отработки всех учебных вопросов отдельного этапа учения его руководитель вне оперативного времени проводит частный разбор действий обучаемых, в процессе которого определяется правильность решения учебных вопросов, отмечаются положительные и отрицательные моменты. Такая форма разбора результатов каждого этапа не только помогает обучаемым видеть сильные и слабые стороны своей работы, но и способствует развитию информационных контактов между игровыми коллективами в ходе учения, использованию опыта лучших.

Из суммы оценок, полученных игровыми коллективами за каждый этап учения, скла-

дывается итоговая оценка. Она выставляется штабом учения. Индивидуальная оценка каждому участнику игрового коллектива ставится по общему результату его работы в конце учения руководителем игрового коллектива.

Общий разбор является завершающей частью учения. От того, насколько квалифицированно он проведен, во многом зависят понимание обучаемыми необходимости учения, их отношение к учению, дальнейшее совершенствование содержания и методики его проведения.

Общий разбор учения осуществляет его руководитель. На разбор собираются все участники. Порядок проведения разбора таков: вначале слово предоставляется участникам учения (обучаемым, руководителям игровых коллективов), которые делятся впечатлениями о прошедшем учении, дают ему свою оценку, высказывают предложения по совершенствованию, далее с докладом выступает руководитель учения. Оценка действий курсантов при выполнении теоретических и практических заданий учений позволяет анализировать качество полученных знаний и приобретенных умений, производить корректировку учебного процесса.

Таким образом, применение в учебном процессе практико-ориентированного подхода при подготовке специалистов – будущих сотрудников УИС является важным и соответствующим требованиям образовательных стандартов нового поколения и запросам непосредственного работодателя компонентом. Сам процесс обучения для курсантов становится познавательным, творческим, что позволит им самостоятельно решать профессиональные задачи, обусловленные должностными обязанностями сотрудников УИС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин Г. Л. Философия образования (идея непрерывности). М., 2002. С. 22–30.
2. Малкова Л. Л., Кольев А. А. Возможности использования кейс-технологии в преподавании дисциплин по направлению подготовки «Управление персоналом» // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2017. № 3. С. 88–92.
3. Мартынова Л. И. Проблемы практико-ориентированного обучения в вузе МВД России // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2014. № 2. С. 180–185.
4. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Рассадина М. Н. Совершенствование организации образовательного процесса посредством применения веб-квест-технологии в самостоятельной работе курсантов // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2017. № 4. С. 104–108.
6. Тенденции обновления систем и образовательных стандартов высшего образования государств – участников СНГ в контексте Болонского процесса : итоговый аналит. доклад. М., 2006. 158 с.
7. Тимофеева Е. А. Особенности реализации практико-ориентированного подхода в образовательном процессе ведомственного вуза // Вестн. Самар. гос. техн. ун-та. Сер. : Психол.-пед. науки. 2014. № 3. С. 198–206.
8. Тихомирова Е. В. Усиление практико-ориентированного подхода в обучении бакалавров // Экон. вестн. Ярослав. ун-та. 2015. № 34. С. 76–78.

REFERENCES

1. Il'in G. L. Filosofiya obrazovaniya (ideya nepreryvnosti) [Philosophy of education (idea of continuity)]. Moscow, 2002. P. 22–30. (In Russ.).
2. Malkova L. L., Kol'ev A. A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya kejs-tehnologii v prepodavanii disciplin po napravleniyu podgotovki «Upravlenie personalom» [Possibilities of using case technology in the teaching of disciplines in the field of training «Human Resource Management»]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2017. Iss. 3. P. 88–92. (In Russ.).
3. Martynova L. I. Problemy praktiko-orientirovannogo obucheniya v vuze MVD Rossii [Problems of practice-oriented education in the high school of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vestn. Nizhegorod. akad. MVD Rossii – Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. Iss. 2. P. 180–185. (In Russ.).
4. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ [On Education in the Russian Federation : Federal Law from 29.12.2012 No. 273-FL]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
5. Rassadina M. N. Sovershenstvovanie organizacii obrazovatel'nogo processa posredstvom primeneniya veb-quest-tehnologii v samostoyatel'noj rabote kursantov [Improving the organization of the educational process through the use of Web Quest Technologies in the independent work of cadets]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2017. Iss. 4. P. 104–108. (In Russ.).
6. Tendencii obnoveniya sistem i obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniya gosudarstv – uchastnikov SNG v kontekste Bolonskogo processa : itogovyj analit. doklad [Trends in updating the systems and educational standards of higher education in the Commonwealth of Independent States in the context of the Bologna Process : the final analytical report]. Moscow, 2006. 158 p. (In Russ.).
7. Timofeeva E. A. Osobennosti realizacii praktiko-orientirovannogo podhoda v obrazovatel'nom processe vedomstvennogo vuza [Peculiarities of implementing a practice-oriented approach in the educational process of a departmental university]. Vestn. Samar. gos. tekhn. un-ta. Ser. : Psihol.-ped. nauki – Bulletin of the Samara State Technical University. Series : Psychological and pedagogical sciences. 2014. Iss. 3. P. 198–206. (In Russ.).
8. Tihomirova E. V. Usilenie praktiko-orientirovannogo podhoda v obuchenii bakalavrov [Strengthening the practice-oriented approach in the training of bachelors]. EHkon. vestn. YAroslav. un-ta – The economic bulletin of the Yaroslavl University. 2015. Iss. 34. P. 76–78. (In Russ.).

УДК 004:159.9.07

Об алгоритме и программной системе для тестирования мотиваций личности к успеху и избеганию неудач

О. А. ПАНФИЛОВА – начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук;

А. Н. НАИМОВ – профессор кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, профессор кафедры информационных систем и технологий Вологодского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор

Реферат

Авторами разработан усовершенствованный вариант тестового метода количественной оценки уровня мотиваций к успеху и избеганию неудач. Метод основан на анализе ответов к 32 тестовым заданиям, также принимаются во внимание законы Йеркса – Додсона и локус контроля.

В статье представлен алгоритм количественной оценки мотиваций личности к успеху и избеганию неудач, который состоит из ряда шагов. Тестовые задания разбиваются на две группы для отдельной оценки мотивации к успеху и мотивации избегания неудач. Определяются матрицы оптимальных ответов. Вводятся матрицы ответов. Вычисляются сила мотивации к успеху и сила мотивации избегания неудач. Оцениваются меры расхождений между матрицами ответов и матрицами оптимальных ответов. Оценивается внутренний локус контроля.

Для автоматизации процесса тестирования обучающихся и обработки результатов была разработана программная система, в которой применены современные технологии. Она состоит из двух приложений – серверной и клиентской части, базы данных.

На следующем этапе исследования разработанная программа будет применена для тестирования обучающихся, сформированы экспертные оценки. В дальнейшем предстоит использование данного программного средства (компьютерной психодиагностики) для создания экспертной системы по количественной оценке мотиваций личности с применением нейронных и нечетких технологий.

Ключевые слова: мотивация личности в процессе обучения; количественная оценка мотивации; locus контроля; компьютерная психодиагностика; анализ результатов тестирования.

On the algorithm and software system for testing the motivations of the individual to success and avoiding failures

O. A. PANFILOVA – Head of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics;

A. N. NAIMOV – Professor of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Information Systems and Technologies at the Vologda State University, Dsc. in Physic and Mathematics, Professor

Abstract

The authors developed an improved version of the test method for quantifying the level of motivation for success and avoiding failures. The method is based on the analysis of the answers to 32 test tasks, the laws of Yerkes-Dodson and the locus of control are also taken into account.

The article presents an algorithm for quantifying an individual's motivation for success and avoiding failures which consists of a series of steps. Test tasks are divided into two groups for separate assessment of motivation for success and motivation for avoiding failures. The matrices of optimal answers are determined. Matrix replies are entered. The force of motivation for success is calculated and the strength of the motivation for avoiding failures. Measures of discrepancies between response matrices and optimal answer matrices are estimated. An internal locus of control is assessed.

To automate the process of testing students and processing results a software system was developed in which modern technologies were applied. It consists of two applications - the server and client part, the database.

At the next stage of the study the developed program will be used to test students, expert assessments will be formed. In the future this tool (computer psychodiagnostics) will be used to create an expert system for quantifying the motivations of the individual with the use of neural and fuzzy technologies.

Key words: motivation of a person in the learning process; quantitative assessment of motivation; locus of control; computer psychodiagnostics; analysis of test results.

Мотивация – это общее название для процессов, методов и средств побуждения личности к продуктивной и активной деятельности. Мотивация является ведущим фактором, регулирующим поведение личности в процессе обучения. Выявлена закономерность: сильные обучающиеся обладают внутренней мотивацией (освоение профессии на высоком уровне и получение прочных знаний), а слабые – внешней (избегание осуждения и наказания за плохую учебу).

Анализ и оценка мотиваций позволяют понять механизмы активности личности в различных ситуациях и прогнозировать результаты ее деятельности. В связи с этим

представляет интерес вопрос о количественной оценке мотиваций курсантов военных вузов к успеху и избеганию неудач и влиянии этих мотиваций на результаты учебно-познавательной деятельности.

С целью изучения количественной оценки мотиваций личности к успеху и избеганию неудач нами разработан усовершенствованный вариант реализации тестового метода из книги «Психология и психологический практикум» [5]. Ее авторами предложен алгоритм количественной оценки уровня мотиваций к успеху и избеганию неудач, основанный на анализе ответов к 32 тестовым заданиям. Ответы оцениваются баллами по критерию, приведенному в табл.

Критерий оценки ответов

Номера тестов	Баллы за ответы						
	полностью согласен	согласен	скорее согласен, чем не согласен	нейтрален	скорее не согласен, чем согласен	не согласен	полностью не согласен
2, 4, 6, 9, 11, 15, 16, 18, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 29, 30, 32	-3	-2	-1	0	1	2	3
1, 3, 5, 7, 8, 10, 12, 13, 14, 17, 19, 21, 24, 28, 31	3	2	1	0	-1	-2	-3

По сумме баллов

$$S = \sum_{i=1}^{32} b_i,$$

где b_i – балл за ответ с номером i , делаются выводы по следующим правилам:

- 1) если $S > 6$, то преобладает мотивация к успеху;
- 2) если $S < -6$, то преобладает мотивация к избеганию неудач;
- 3) если $-6 \leq S \leq 6$, то обе мотивации приблизительно равны.

В приведенных оценках и выводах не принимаются во внимание законы Йеркса – Додсона и локус контроля [5; 6], составляющие основу психологии мотивации личности, хотя в неявной форме они в тестах и баллах присутствуют. Их учет позволяет глубже понять смысл производимых оценок и выявить состав и взаимосвязь факторов, влияющих на эффективность деятельности личности при мотивациях к успеху и избеганию неудач.

Первый закон Йеркса – Додсона гласит, что повышение уровня мотивации влечет за собой повышение эффективности деятельности, но только лишь до определенного предела. Зависимость эффективности деятельности от уровня мотивации характеризуется перевернутой U-образной кривой (рис. 1).

Отсюда можно сделать следующие выводы:

- 1) очень высокий уровень мотивации не всегда является наилучшим;
- 2) слабая мотивация недостаточна для успеха, но и избыточная вредна, поскольку порождает ненужное возбуждение и суетливость;
- 3) существует некий оптимальный уровень мотивации для выполнения какой-либо деятельности;

4) для достижения цели необходим оптимальный (умеренный, средний) уровень мотивации.

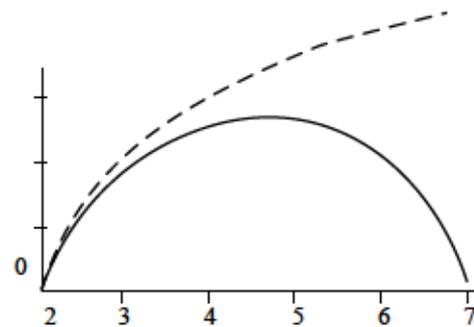

Рис. 1. График зависимости эффективности деятельности от уровня мотивации (--- уровень мотивации; — эффективность деятельности; 2 – очень низкая; 3 – низкая; 4 – средняя; 5 – оптимально высокая; 6 – высокая; 7 – очень высокая)

Второй закон Йеркса – Додсона формулируются следующим образом: уровень оптимальной мотивации связан обратной зависимостью с уровнем трудности задачи, то есть чем труднее для испытуемого задача, тем ниже уровень оптимальной мотивации.

Локус контроля – это понятие в психологии, которое характеризует свойство личности приписывать свои успехи или неудачи либо только внутренним, либо только внешним факторам.

Различают два типа локуса контроля: внутренний (или интернальный) и внешний (или экстернальный). Типы локуса контроля отвечают за различные сферы психологической деятельности.

Человек, у которого преобладает внутренний локус контроля, отличается следующими особенностями:

- 1) считает, что все события в его жизни происходят в основном от его собственных действий;

2) принимает больше ответственности за свои действия, каким бы ни был конечный результат;

3) его поведение в разных ситуациях относительно стабильно, предсказуемо и направлено на достижение цели;

4) не зависит от мнения окружающих;

5) имеет высокую самооценку и сильное чувство самоэффективности.

Человек с преобладающим внешним locus контроля обладает следующими чертами:

1) во всех своих неудачах винит внешние обстоятельства;

2) не верит в собственные возможности, имеет низкую самооценку;

3) чувствует себя физически разбитым, бессильным и безнадёжным в сложных ситуациях;

4) нуждается в помощи при выполнении сложных задач.

Алгоритм количественной оценки мотиваций личности к успеху и избеганию неудач состоит из следующих шагов:

1. Все 32 теста разбиваем на две группы: в первую группу включим тесты с номерами 1, 3, 5, 7, 8, 10, 12, 13, 14, 17, 19, 21, 24, 28, 31 (табл.) и присвоим им новые номера от 1 до 15, во вторую группу включим тесты с номерами 2, 4, 6, 9, 11, 15, 16, 18, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 29, 30, 32 (табл.) и присвоим им новые номера от 1 до 17. Тесты первой группы применяются для оценки мотивации к успеху, а тесты второй группы для оценки мотивации избегания неудач.

2. Для тестов первой группы определяем матрицу оптимальных ответов $T^{(1)} = (t_{ij}^{(1)})_{i=1,15}^{j=1,7}$, где каждый элемент $t_{ij}^{(1)}$

матрицы равен 1, если, по мнению эксперта, учитывающего законы Йеркса – Додсона, в i -ом тесте первой группы оптимальным считается j -ый ответ, иначе $t_{ij}^{(1)}$ равен 0.

3. Для тестов второй группы определяем матрицу оптимальных ответов $T^{(2)} = (t_{ij}^{(2)})_{i=1,17}^{j=1,7}$, где каждый элемент $t_{ij}^{(2)}$

матрицы равен 1, если, по мнению эксперта, учитывающего законы Йеркса – Додсона, в i -ом тесте второй группы оптимальным считается j -ый ответ, иначе $t_{ij}^{(2)}$ равен 0.

4. Для тестов первой группы определяем множество $L^{(1)}$ номеров тестов, по которым эксперт считает возможным оценить внутренний locus контроля.

5. Для тестов второй группы определяем множество $L^{(2)}$ номеров тестов, по которым эксперт считает возможным оценить внутренний locus контроля.

6. Вводим матрицу ответов $O^{(1)} = (o_{ij}^{(1)})_{i=1,15}^{j=1,7}$ испытуемого на тесты первой группы, где $o_{ij}^{(1)} = 1$, если в i -ом тесте

первой группы выбран j -ый ответ, иначе $o_{ij}^{(1)} = 0$.

7. Вводим матрицу ответов $O^{(2)} = (o_{ij}^{(2)})_{i=1,17}^{j=1,7}$ испытуемого на тесты второй группы, где $o_{ij}^{(2)} = 1$, если в i -ом тесте

первой группы выбран j -ый ответ, иначе $o_{ij}^{(2)} = 0$.

8. Вычисляем силу мотивации к успеху по ответам на тесты первой группы, руководствуясь критерием табл.:

$$S_1 = \sum_{i=1}^{15} (3o_{i1}^{(1)} + 2o_{i2}^{(1)} + o_{i3}^{(1)} - o_{i5}^{(1)} - 2o_{i6}^{(1)} - 3o_{i7}^{(1)}).$$

9. Вычисляем силу мотивации избегания неудач по ответам на тесты второй группы, руководствуясь критерием табл.:

$$S_2 = \sum_{i=1}^{17} (-3o_{i1}^{(2)} - 2o_{i2}^{(2)} - o_{i3}^{(2)} + o_{i5}^{(2)} + 2o_{i6}^{(2)} + 3o_{i7}^{(2)}).$$

10. Оценим меру расхождений между матрицей ответов $O^{(1)}$ и матрицей оптимальных ответов $T^{(1)}$ формуле:

$$\mu_1 = \frac{1}{30} \sum_{i=1}^{15} \sum_{j=1}^7 |o_{ij}^{(1)} - t_{ij}^{(1)}|.$$

Число μ_1 есть отношение числа неоптимальных ответов к общему числу ответов.

11. Оценим меру расхождений между матрицей ответов $O^{(2)}$ и матрицей оптимальных ответов $T^{(2)}$:

$$\mu_2 = \frac{1}{34} \sum_{i=1}^{17} \sum_{j=1}^7 |o_{ij}^{(2)} - t_{ij}^{(2)}|.$$

12. Оценим внутренний locus контроля по ответам на тесты первой группы, применив формулу

$$l_1 = \sum_{i \in L^{(1)}} (3o_{i1}^{(1)} + 2o_{i2}^{(1)} + o_{i3}^{(1)}).$$

13. Оценим внутренний locus контроля по ответам на тесты второй группы, применив формулу

$$l_2 = \sum_{i \in L^{(2)}} (3o_{i1}^{(2)} + 2o_{i2}^{(2)} + o_{i3}^{(2)}).$$

В соответствии с вышеприведенным алгоритмом с применением электронной таблицы MS Excel было проведено тестирование среди курсантов первого года обучения юридического факультета ВИПЭ ФСИН России [4]. В процессе тестирования и обработки результатов авторы столкнулись с рядом трудностей: существенные затраты времени на тестирование, сбор и анализ данных, наличие ошибок в ходе тестирования, прохождение теста частично. В связи с этим возникла потребность в разработке и реализации программной системы для количественной оценки мотиваций личности к успеху и избеганию неудач. Автоматический сбор, обработка и хранение полученных ответов минимизируют возможности ошибок, которые допускаются при ручной обработке данных, а также это сокращает необходимое для проведения тестирования время.

Исследование рассматриваемого вопроса с применением современных компьютерных технологий позволяет разработать компьютерные модели мотиваций курсантов к успеху и избеганию неудач и применять их в учебном процессе.

Программная реализация вышеприведенного алгоритма осуществлена под нашим руководством в выпускной квалификационной работе А. В. Жаворонкова [2]. Программная система состоит из двух приложений – серверной и клиентской части и базы данных. Приложения разработаны в среде разработки Visual Studio с применением языка программирования C# и системы Windows Presentation Foundation (WPF) (часть .NET Framework) для создания графического интерфейса пользователя [1; 3]. Хранение данных приложения производится в локальной базе данных, которая управляется системой управления базами данных (СУБД) SQLite на основе технологии ADO NET для доступа к данным [7]. Эта система является встраиваемой и не требует установки каких-либо дополнительных приложений. Для ускорения процесса разработки программного обеспечения использована система управления пакетами NuGet [3].

Назначение серверного приложения состоит во взаимодействии с базой данных, обработке результатов тестирования и предоставлении отчетов пользователю. Первичное заполнение базы данных тестовыми вопросами производится из json файла, который хранится в корневом каталоге приложения. Копия данного файла хранится в ресурсах программы на случай, если файл из каталога программы будет удален.

Взаимодействие клиента с сервером построено по принципу «соединение – запрос – ответ – конец». Цикл ожидания и взаимодействия с клиентами реализован в отдельном потоке, который находится в бесконечном цикле.

После старта клиентской части приложения открывается страница регистрации пользователя, на которой можно создать новую учетную запись или использовать для входа существующую. Для регистрации нужно указать имя пользователя, группу и пароль. Страница регистрации изображена на рис. 2.

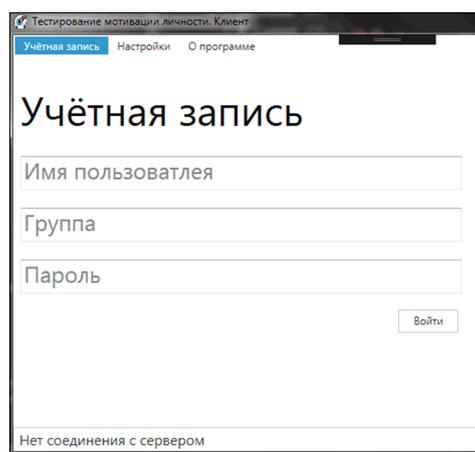

Рис. 2. Структура проекта клиентского приложения

При создании пользователя проверяется уникальность пары значений «имя пользователя» и «пароль» на сервере. После нажатия кнопки «Войти» запрос отправляется на указанный в настройках IP-адрес и порт. В случае если сервер отсутствует или пароль неверный, отображается ошибка.

После входа пользователя в программу он должен запросить список вопросов, передав указанные при регистрации данные. Если данные верны, то сервер возвращает в ответ на запрос пакет с коллекцией вопросов.

После успешного получения вопросов пользователем открывается доступ к следующей странице, на которой ему необходимо дать на них ответы. Обязателен ответ на каждый вопрос. В противном случае при попытке отправки на сервер будет отображено сообщение об ошибке. Интерфейс страницы с вопросами приведен на рис. 3.

После отправки ответов возможна корректировка, то есть если изменить варианты ответов и отправить их повторно, сервер еще раз проведет расчет для данного пользователя и заменит предыдущий результат.

После распаковки коллекции вопросов и проверки они передаются в обработчик. Главной для данного объекта является функция Handle, которая принимает объект

пользователя и массив вопросов с заполненными ответами. Здесь происходит обработка ответов согласно вышеприведенному алгоритму.

№	Мотивация	Полностью согласен	Согласен	Скорее согласен, чем не согласен	Не могу ответить	Скорее не согласен, чем согласен	Не согласен	Полностью не согласен
5	Я предпочитаю важное и трудное дело с вероятностью неудачи 50 процентов делу достаточно важному, но нетрудному.	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
6	Я предпочитаю важное и трудное дело с вероятностью неудачи 50 процентов делу достаточно важному, но нетрудному.	☐	☐	☐	☒	☐	☐	☐
7	Для меня очень важно делать свою работу как можно лучше, даже если из-за этого у меня возникают трудности в отношениях с друзьями.	☐	☐	☐	☒	☐	☐	☐
8	Я предпочитаю состязания, где я сильнее других, тем, где все участники приблизительно равны по силам.	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
9	В свободное от работы время я овладею какой-нибудь игрой скорее для развития своих умений, чем для отдыха и развлечения.	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
10	Я скорее предпочитаю что-то сделать так, как считаю нужным, рискуя ошибиться, чем делать это так, как советуют другие.	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
11	Я предпочитаю работать не щадая сил, пока полностью не удовлетворюсь полученным результатом, а не стремлюсь закончить дело побыстрее и с меньшим напряжением.	☐	☐	☐	☒	☐	☐	☐
12	Я скорее выбираю дело, в котором имеется некоторая вероятность неудачи, но есть возможность достигнуть большего, чем такое, в котором мое положение существенно не меняется.	☐	☐	☐	☒	☐	☐	☐

Рис. 3. Интерфейс страницы с вопросами

В серверной части приложения реализовано четыре вкладки: управление пользователями, управление вопросами, настройки программы и страница информации о программе. Основной интерфейс изображен на рис. 4. На

нем представлен интерфейс редактирования вопросов. Так как в базе данных результаты ответа на каждый из вопросов не хранятся, то нет необходимости поддерживать историю изменения списка вопросов.

№	Вопрос	Тип	Оптимальный ответ	Расчитывать локус контроля
1	Я больше думаю о получении	Успех	Полностью согласен	☐
2	Я чаще берусь за трудные за	Успех	Полностью согласен	☒
3	Если у меня что-то не выходи	Успех	Полностью согласен	☐
4	Я трачу больше времени на	Успех	Полностью согласен	☐
5	Я предпочитаю важное и тру	Успех	Полностью согласен	☐
6	Я предпочитаю важное и тру	Успех	Полностью согласен	☐
7	Для меня очень важно делат	Успех	Полностью согласен	☐
8	Я предпочитаю состязания, г	Успех	Полностью согласен	☐
9	В свободное от работы врем	Успех	Полностью согласен	☐
10	Я скорее предпочитаю что-т	Успех	Полностью согласен	☐
11	Я предпочитаю работать не	Успех	Полностью согласен	☐
12	Я скорее выбираю дело, в ко	Успех	Полностью согласен	☐
13	Если у меня бывает возможн	Успех	Полностью согласен	☐
14	После неудачи я скорее стано	Успех	Полностью согласен	☐
15	Мне больше нравится выпол	Успех	Полностью согласен	☐
16	Мне больше нравится выпол	Успех	Полностью согласен	☐
17	Когда нужно соревноваться,	Успех	Полностью согласен	☐
18	Если мне нужно выполнить с	Неудача	Полностью согласен	☐
19	Мне больше всего нрави	Успех	Полностью согласен	☐

Рис. 4. Страница редактирования вопросов

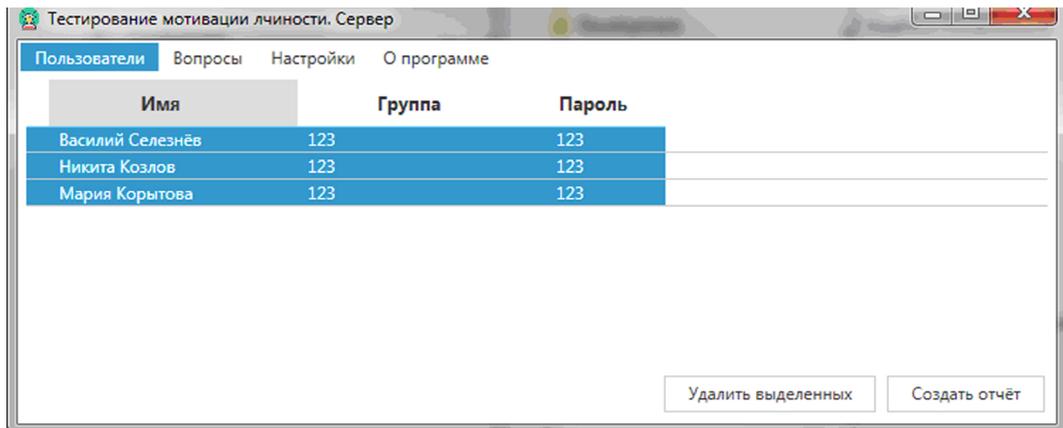

Рис. 5. Страница управления пользователями

На рис. 5 изображена страница управления пользователями. Пользователь добавляется на эту страницу сразу после входа в систему, но сохранение его в базу данных производится после передачи от пользователя ответов на вопросы. На данной странице возможно редактирование и удаление пользователей.

Со страницы управления пользователями можно сформировать отчет для выбранных записей. Отчет формируется на отдельной странице, которая изображена на рис. 6.

В данном отчете отображаются данные о мотивации личности и два сводных графика. В программе представлен набор различных графиков с широкими возможностями по их настройке и изменению. В верхней части данного окна приведена таблица с расчетами мотивации личности, в нижней части находятся два графика по всем пользователям, выбранным для отчета: первый показывает изменение мотивации к успеху, второй – изменение мотивации к неудаче.

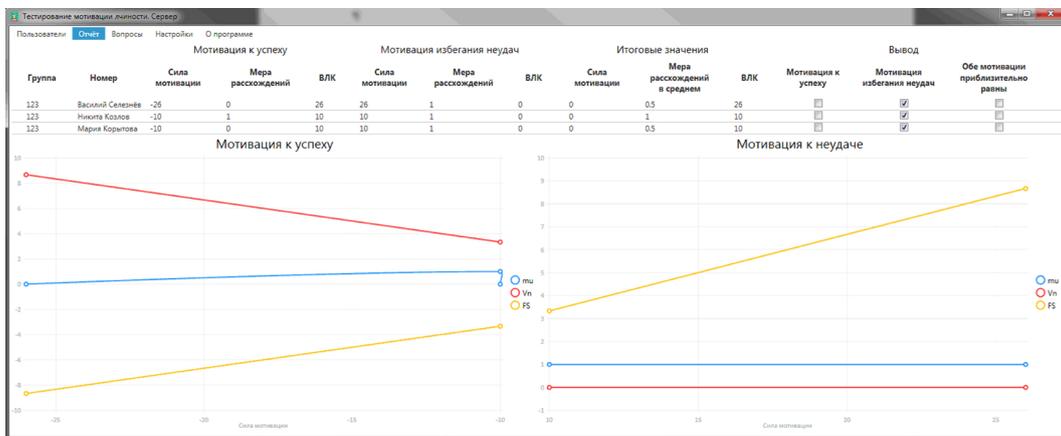

Рис. 6. Страница отчета

В дальнейшем планируется использование данной программной системы для создания экспертной системы по количественной оценке мотиваций личности с применением нейронных и нечетких технологий [8].

Таким образом, в статье, во-первых, предложен усовершенствованный алгоритм количественной оценки мотиваций личности

к успеху и избеганию неудач и, во-вторых, обсуждается программная реализация данного алгоритма – компьютерная программа тестирования.

Представленная программная система внедрена в учебно-образовательный процесс кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Албахари Д., Албахари Б. С# 6.0. Справочник. Полное описание языка. М., 2016. 1040 с.

2. Жаворонков А. В. Разработка системы программ для количественной оценки мотиваций личности. URL: <https://vkr.vogu35.ru/index.php/category/530-2018> (дата обращения: 06.08.2018).
3. Мак-Дональд М. WPF 4: Windows Presentation Foundation в .NET 4.0 с примерами на C# 2010 для профессионалов. М., 2011. 1024 с.
4. Наимов А. Н., Панфилова О. А., Шахов О. А. Построение модели мотивации к успеху и избегания неудач // Информационно-техническое обеспечение деятельности территориальных органов и образовательных организаций ФСИН России : сб. материалов науч.-практ. сем. (Вологда, 19 октября 2017 г.) / отв. ред. А. А. Бабкин. Вологда, 2018. С. 131–135.
5. Рамендик Д. М., Одинцова О. В. Психология и психологический практикум. М., 2004. 240 с.
6. Рамендик Д. М., Солонкина О. В., Слаква С. П. Психологический практикум : учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений. М., 2005. 160 с.
7. Рихтер Дж. CLR via C#. Программирование на платформе Microsoft .NET Framework 4.5 языке C#. СПб., 2013. 896 с.
8. Ярушкина Н. Г. Основы теории нечетких и гибридных систем : учеб. пособие. М., 2004. 320 с.

REFERENCES

1. Albahari D., Albahari B. C# 6.0. Spravochnik. Polnoe opisaniye yazyka [C# 6.0. Directory. Full description of the language]. Moscow, 2016. 1040 p. (In Russ.).
2. Zhavoronkov A. V. Razrabotka sistemy programm dlya kolichestvennoy ocenki motivacij lichnosti [Development of a system of programs for the quantification of personal motivations]. Available at: <https://vkr.vogu35.ru/index.php/category/530-2018> (accessed 06.08.2018). (In Russ.).
3. Mak-Donal'd M. WPF 4: Windows Presentation Foundation v .NET 4.0 s primerami na C# 2010 dlya professionalov [WPF 4: Windows Presentation Foundation in .NET 4.0 with examples in C# 2010 for professionals]. Moscow, 2011. 1024 p. (In Russ.).
4. Naimov A. N., Panfilova O. A., Shahov O. A. Postroeniye modeli motivatsii k uspekhu i izbeganiya neudach [Building a model of motivation for success and avoiding failures]. Informacionno-tehnicheskoye obespecheniye deyatel'nosti territorial'nykh organov i obrazovatel'nykh organizatsiy FSIN Rossii : sb. materialov nauch.-prakt. sem. (Vologda, 19 oktyabrya 2017 g.) / otv. red. A. A. Babkin – Information and technical support of the activities of territorial bodies and educational organizations of the Federal Penal Service of Russia : collection of materials of the scientific and practical seminar (Vologda, October 19, 2017) : ed. by A. A. Babkin. Vologda, 2018. C. 131–135. (In Russ.).
5. Ramendik D. M., Odincova O. V. Psihologiya i psihologicheskij praktikum [Psychology and Psychological Practice]. Moscow, 2004. 240 p. (In Russ.).
6. Ramendik D. M., Solonkina O. V., Slakva S. P. Psihologicheskij praktikum : ucheb. posobie dlya stud. vysshikh ucheb. zavedenij [Psychological practical work : tutorial for students of higher educational institutions]. Moscow, 2005. 160 p. (In Russ.).
7. Rihter Dzh. CLR via C#. Programirovaniye na platforme Microsoft .NET Framework 4.5 yazyke C# [CLR via C#. Programming on the Microsoft .NET Framework 4.5 in C#]. St. Petersburg, 2013. 896 p. (In Russ.).
8. Yaruszhkina N. G. Osnovy teorii nechetkikh i gibridnykh sistem : ucheb. posobie [Fundamentals of the theory of fuzzy and hybrid systems : tutorial]. Moscow, 2004. 320 p. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛЯЕВА Л. И., профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: beliaeva_055@mail.ru

ВОЛКОВА В. В., начальник кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: v.v.v.71@mail.ru

ЗАВИТОВА С. В., начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: zavitova_s@mail.ru

ЗАУТОРОВА Э. В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvira-song@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Е. В., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kuznecova_ev@mail.ru

КУЗЬМИН С. И., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

ЛАПШИН В. Е., профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

ЛУЦЕНКО П. А., доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, кандидат юридических наук. E-mail: lawyer.vrn@mail.ru

МАРИШИН С. В., начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: mar.sw@mail.ru

МЕЛЬНИКОВА Н. А., доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: melnatale@mail.ru

МОРЕВ М. В., заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления отдела исследования уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра Российской академии наук (г. Вологда), кандидат экономических наук. E-mail: 379post@mail.ru

НАИМОВ А. Н., профессор кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, профессор кафедры информационных систем и технологий Вологодского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор. E-mail: nan67@rambler.ru

ОГОРОДНИКОВ А. П., помощник министра сельского хозяйства Иркутской области, магистр юриспруденции. E-mail: irksp@bk.ru

ОГОРОДНИКОВА Т. В., декан факультета экономики предприятий, отраслей и управления бизнесом Байкальского государственного университета (г. Иркутск), доктор экономических наук, доцент, заслуженный экономист Российской Федерации. E-mail: ogort@mail.ru

ПАНОВА О. Б., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

ПАНФИЛОВА О. А., начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук. E-mail: panfilovaoa@mail.ru

ПЕРОВ С. В., заместитель директора Института прокуратуры Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: persv17@mail.ru

ПОПОВА В. И., доцент кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: vera-22vip@mail.ru

РАССАДИНА М. Н., старший преподаватель кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук. E-mail: mrassadina@mail.ru

САНТАШОВ А. Л., доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

СВИНИН Е. В., заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: evsvinin@yandex.ru

СЕРЕБРЯНИК Е. В., доцент кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: serebrel@yandex.ru

СМИРНОВ А. М., старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: vipnauka@list.ru

СТАРОСТИН С. А., профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор. E-mail: prof.starostin@gmail.com

ЧЕРНЫШЕНКО Е. В., старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: evgeniachery@yandex.ru

ШАХАНОВ В. В., доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: shakhanov.vyacheslav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BELIAEVA L. I., Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: beliaeva_055@mail.ru

CHERNYSHENKO E. V., Lecturer of the Department of the Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: evgeniachery@yandex.ru

KUZMIN S. I., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

KUZNETSOVA E. V., Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Fed-

eral Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: kuznecova_ev@mail.ru

LAPSHIN V. E., Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State A.G. and N.G. Stoletov University, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activities of the Vladimir Institute of Law of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

LUTSENKO P. A., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Proceeding of the Voronezh State Agrarian Emperor Peter I University, PhD. in Law. E-mail: lawyer.vrn@mail.ru

MARISHIN S. V., Head of the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: mar.sw@mail.ru

MEL'NIKOVA N. A., Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: melnatale@mail.ru

MOREV M. V., Head of the Laboratory of the Research Social Processes and Efficiency of Public Administration of the Department for Research the Level and Lifestyle of the Vologda Population of the Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda), PhD. in Economics. E-mail: 379post@mail.ru

NAIMOV A. N., Professor of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Information Systems and Technologies at the Vologda State University, Dsc. in Physic and Mathematics, Professor. E-mail: nan67@rambler.ru

OGORODNIKOV A. P., Assistant Minister of Agriculture of the Irkutsk Region, Master of Law. E-mail: irksp@bk.ru

OGORODNIKOVA T. V., Dean of the Faculty of Economics of Enterprises, Industries and Business Administration, Baikal State University (Irkutsk), Dsc. in Economics, Associate Professor, Honored Economist of the Russian Federation. E-mail: ogort@mail.ru

PANFILOVA O. A., Head of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics. E-mail: panfilovaoa@mail.ru

PANOVA O. B., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

PEROV S. V., Deputy Director of the Institute of Prosecutor's office of the Moscow State Law

O. E. Kutafin University (MSAL); Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: persv17@mail.ru

POPOVA V. I., Associate Professor of the Department of Economic Management and Production Organization in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics, Associate Professor. E-mail: vera-22vip@mail.ru

RASSADINA M. N., Senior Lecturer of the Department of Economic Management and Production Organization in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics. E-mail: m rassadina@mail.ru

SANTASHOV A. L., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in law, Associate Professor. E-mail: santashov@list.ru

SEREBRYANIK E. V., Associate Professor of the Department of Legal Pedagogy and Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: serebrel@yandex.ru

SHAKHANOV V. V., Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Public Law at the Faculty of Law and Administration of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Rus-

sia., PhD. in Law. E-mail: shakhanov.vyacheslav@mail.ru

SMIRNOV A. M., Senior Researcher of the Research Center-2 of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: vipnauka@list.ru

STAROSTIN S. A., Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dsc. in Law, Professor. E-mail: prof.starostin@gmail.com

SVININ E. V., Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: evsvinin@yandex.ru

VOLKOVA V. V., Head of the Department of Economic Management and Production in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics, Associate Professor. E-mail: v.v.v.71@mail.ru

ZAUTOVA E. V., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Member-correspondent of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education. E-mail: elvira-song@mail.ru

ZAVITOVA S. V., Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: zavitova_s@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Ответственный секретарь:

С. П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-67019 от 30.08.2016 г.
ISSN 2076-4162

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160010, г. Вологда, ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:

(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12

(8172) 51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 28.09.2018.

Дата выхода в свет 19.10.2018.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17. Заказ № 6935.

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки».

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 220 руб. за 1 экземпляр.